

Какъ видно изъ этого пересказа, Аполлонъ въ киклической Эдиподеѣ не игралъ никакой роли; не играла роли и Мира. Движущей силой былъ не рокъ, а проклятіе и его блюстительница Эринія. Эти двѣ богини родственны—онѣ обѣ дочери мрака—но все же не тождественны. Мира говоритъ „такъ будетъ“, Эринія—„такъ да будетъ!“ Но важнѣе другая разниа: Мира по своему существу аморальна, Эринія же—нравственная сила, воздающая карой за вину.

Да, за вину—въ этомъ вся суть. Центральной пружиной Эдиподеи является вина, страшная вина Лаія, похитившаго въ извращеніи половой страсти прекраснаго отрока Хрисиппа. За это его проклялъ Пелопъ—и чуткая Эринія передала его проклятіе „брачной“ Герѣ, вводящей въ русло закона естественную половую страсть,—и у подножія ея горы, на потнійскомъ распутыи, первопреступникъ искупилъ свой грѣхъ.

Насъ это можетъ озадачить. Вѣдь то, въ чемъ Эдиподея видитъ страшную вину Лаія, намъ представляется очень распространеннымъ явленіемъ греческой жизни!

Да, конечно. Но—и это слѣдуетъ твердо помнить—только въ аполлоновской Греціи. До Аполлона этого явленія не знали. Гомеръ описалъ въ незабвенныхъ сценахъ дружбу Ахилла и Патрокла, изображая при этомъ Ахилла какъ самаго прекраснаго въ ахейскомъ станѣ юношу; и все-таки въ этой дружбѣ нѣтъ ни малѣйшаго чувственнаго оттѣнка. Мало того: у того же Гомера Зевсъ похищаетъ Ганимеда за его красоту, онъ дѣлаетъ его своимъ виночерпіемъ—но и только.

Лишь со времени возникновенія религіи Аполлона и произведеннаго ею глубокаго переворота также и въ нравахъ греческаго народа появляется въ его аристократическихъ кругахъ и гомосексуальная любовь, не только мужская, но и женская. Она была естественнымъ, хотя и нежелательнымъ послѣдствіемъ того переустройства греческаго общества, которое провелъ Аполлонъ—гдѣ болѣе, гдѣ менѣе послѣдовательно. Въ героическую эпоху основной ячейкой общества была покоящаяся на принципѣ единобрачія семья. Аполлонъ, напротивъ, къ семьѣ относился скорѣе недоброжелательно; бракъ онъ поневолѣ терпѣлъ, такъ какъ нужно же было роду продолжаться, но онъ ограничивалъ его функціи самымъ необходимымъ и въ прочемъ требовалъ, чтобы жизнь человѣка протекала среди особъ одного съ нимъ пола. Это значитъ: не семья, а кружокъ особъ одного пола былъ конструктивной единицей аполлоновскаго общества. Не мужъ и жена—Зевсъ и Гера—какъ въ религіи героической эпохи, а братъ и сестра—Аполлонъ и Артемида—были олимпійскимъ показателемъ этой идеи.

Вполнѣ послѣдовательно она была проведена только въ одномъ государствѣ, и притомъ утопическомъ—въ платоновскомъ; здѣсь, дѣйствительно, семья совсѣмъ упразднена и замѣнена кружкомъ. Но Платонъ,

какъ извѣстно, въ своей геніальной книгѣ лишь довелъ до ихъ логическихъ предѣловъ принципы, лежавшіе въ основѣ наиболѣе аполлоновскихъ изъ греческихъ государствъ, спартанскаго и критскаго.

При всемъ этомъ получалось, однако, одно важное затрудненіе. Что было дѣлать съ любовью какъ естественнымъ тяготѣніемъ другъ къ другу обоихъ половъ? При томъ минимальномъ примѣненіи, которое ей было разрѣшено въ аполлоновскомъ обществѣ, она, понятно, не находила себѣ удовлетворенія. А коли такъ, то дилемма было ясна: или ей нужно было дать отдушину—или она грозила взорвать весь новый строй общества.

Аполлонъ рѣшилъ дать ей отдушину. Его пророки, лирическіе поэты, въ своихъ твореніяхъ освятили новую любовь. Мало того: чтобы усилить ея ореолъ, они проицировали ее въ прошлое. И отношеніе Патрокла къ Ахиллу, и отношенія Зевса къ Ганимеду получили теперь—но только теперь—новое освѣщеніе въ духѣ аполлоновскихъ принциповъ. Аполлонъ вообще любилъ выставлять свою религію продолженіемъ старинной религіи Зевса. Такъ возникла эта новая эра, надолго выбившая изъ колеи естественное развитіе естественной любви, развернувшейся столь роскошнымъ цвѣткомъ въ героическую эпоху.

И мы справедливѣе всего будемъ судить объ этомъ столь смущающемъ насъ явленіи античной жизни, если будемъ видѣть въ немъ социологическій экспериментъ. Греція не была бы Греціей, если бы она не сумѣла окружить также и это свое твореніе дымкой дивной красоты. Но это, разумѣется, не помѣшаетъ намъ признать, что это твореніе было въ послѣдствіи осуждено исторіей такъ же, какъ оно съ самаго начала было осуждено природой. Экспериментъ былъ сдѣланъ, и онъ не удался—повторенію онъ болѣе не подлежитъ.

Такъ судимъ мы—или, вѣрнѣе, такъ можемъ и должны мы судить нынѣ во всеоружіи трехтысячелѣтняго опыта. Но попробуемъ перенестись духомъ въ ту смутную и тревожную эпоху, когда новая Греція подъ знаменемъ дельфійскаго бога развивалась и расцвѣтала на развалинахъ старыхъ ахейскихъ державъ, а пѣвцы-гомериды берегли и распространяли старинное наслѣдіе героическихъ временъ. На фонѣ этой эпохи и киклическая „Эдиподея“ получить столь же неожиданное, сколь и яркое освѣщеніе. Лайй, изъ любви похитившій Пелопова сына, былъ первымъ, введшимъ среди эллиновъ эту нечестивую любовь; за это онъ и погибъ страшной смертью вслѣдствіе проклятія Пелопа по волѣ суровой блюстительницы чистоты брака, кноеронской Геры. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь краснорѣчивый протестъ—протестъ пѣвцовъ-гомеридовъ, хранителей старинныхъ традицій героическихъ временъ противъ нечестиваго новшества аполлоновской Греціи?

Но что же въ сущности сдѣлалъ творецъ киклической Эдиподеи? Создалъ ли онъ отъ себя весь мифъ о Лаіи и Эдипѣ? А если нѣтъ—это вѣдь само по себѣ невѣроятно—то каковой была до-киклическая форма этого мифа?

На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта дать не можемъ. Вышеприведенное свидѣтельство Одиссеи, съ котораго мы начали наше разсужденіе, всецѣло объясняется на почвѣ Эдиподеи. Древнѣе его только одинъ намекъ—въ Иліадѣ XXIII, 678 (Гнѣд.).

сынъ Меклистей героя,

Нѣкогда въ Оивы ходившаго къ тризнѣ надгробной Эдипа.

Переводъ не удержалъ, да и не могъ удержать употребленнаго въ подлинникѣ о смерти Эдипа выраженія—*dedupotos*, обозначающаго паденіе убитаго витязя, причемъ его латы глухо шумятъ, ударяясь о землю. Вотъ, значитъ, какъ погибъ сынъ Лаіи въ Иліадѣ—для насъ это непонятный намекъ.

Итакъ, о до-киклической формѣ нашего мифа мы ничего не знаемъ. Все же если бы кто, основываясь на аналогіи мифа объ Орестѣ, сталъ утверждать, что и здѣсь пѣвецъ Аполлона не столько ввелъ новую мифологему, сколько воскресилъ старую, затемненную гомеридами; что, стало быть, въ своей до-киклической формѣ нашъ мифъ ничего не зналъ о Пелопѣ и Хрисиппѣ и прославлялъ величіе самодовлѣющей Миры точно такъ же, какъ позднѣе онъ сталъ прославлять величіе Аполлона—то я бы ничего возразить не могъ. Дѣйствительно, сплетеніе еиванскаго цикла въ лицѣ Лаіи съ аргосскимъ въ лицѣ Пелопа—само по себѣ указываетъ на сознательную ученую работу и никоимъ образомъ не могло быть исконнымъ.

Но оставимъ эти домыслы. Мы убѣдились въ антиаполлоновскомъ характерѣ киклической Эдиподеи; теперь намъ предстоитъ увидѣть, какъ Аполлонъ вырвалъ у своихъ враговъ это ихъ оружіе и заставилъ его служить своей собственной славѣ.

Для этого надлежало ввести въ мифъ два крупныхъ измѣненія: во-первыхъ, устранить похищеніе Хрисиппа и его послѣдствіе, Пелопово проклятіе, и, во-вторыхъ, устранить киееронскую Геру, которой дѣйствительно въ мифѣ дѣлать было нечего, разъ Пелопово проклятіе въ немъ не признавалось. Въ образовавшійся пробѣлъ можно было вдвинуть, въ качествѣ руководящей божественной силы, Аполлона и его дельфійскій оракулъ. Это были самыя крупныя, органическія измѣненія; остальные были отчасти ихъ послѣдствіями, отчасти же носили случайный характеръ.

Получившаяся, такимъ образомъ, *аполлоновская* Эдиподея гласила вкратцѣ такъ:

Оиванскій царь Лаій, спросивъ дельфійскаго бога—здѣсь, впервые, повторяю, вступаетъ въ дѣйствіе его оракулъ—о желанномъ сынѣ, получилъ отъ него совѣтъ не стремиться къ рожденію такового, такъ какъ, разъ родившись, этотъ сынъ современемъ станетъ убійцей своего отца.

За что такая суровость?—могутъ тутъ спросить. Чѣмъ провинился Лаій, что ему одному нельзя стремиться къ тому, что для каждого эллина являлось условіемъ его счастья?—Уже здѣсь ясно, что съ устраненіемъ Пелопова проклятія мнѣ потерялъ именно тотъ элементъ, въ которомъ заключалось его этическое оправданіе. Аполлонъ же на поставленный ему вопросъ отвѣтилъ бы: ничѣмъ не заслужилъ; такъ рѣшилъ Зевсъ въ своей неисповѣдимой волѣ. Если же его сынъ Аполлонъ вѣщаетъ смертнымъ эту волю и ея условія и этимъ даетъ имъ возможность уберечься отъ несчастій, то это—милость, за которую эти смертные могутъ его только благодарить.

И Лаій смирился передъ возвѣщенной ему неисповѣдимой волей и отказался отъ надеждъ на сына.

Для возстановленія дальнѣйшаго въ его до-эсхилловской формѣ у насъ только одно надежное свидѣтельство—краткій намекъ Пиндара въ его одѣ на побѣду Оерона Акрагантскаго, считавшаго себя потомкомъ Эдипа (Олимп. II, 35 сл.); такъ какъ тутъ важно каждое слово, то я привожу этотъ намекъ въ дословномъ прозаическомъ переводѣ: „Такъ-то Мира, вершающая ихъ (т.-е. Оерона и его рода), унаслѣдованный отъ отцовъ благосклонный удѣлъ, вмѣстѣ съ богозданнымъ счастьемъ приносить и нѣкоторое горе, періодически возвращающееся то въ одно, то въ другое время—съ тѣхъ поръ какъ убилъ Лаія его роковой сынъ, повстрѣчавшись съ нимъ, и этимъ исполнилъ древнее слово, возвѣщенное въ Дельфахъ. Увидѣвшая это зоркая Эринія погубила взаимоубійствомъ его воинственный родъ“...

Не забудемъ, что поэтъ прославляетъ здѣсь потомка Эдипова сына Полиника; этимъ объясняется, во-первыхъ, смягченіе несчастій его рода—въ общемъ Мира была къ нему благосклонна, но естественно къ благимъ дарамъ примѣшивала и злые, каковыми были отцеубійство Эдипа и взаимоубійство его сыновей, Этеокла и Полиника. Во-вторыхъ, умолчаніе о бракѣ Эдипа съ матерью: даже какъ пѣвецъ Аполлона, Пиндаръ долженъ былъ вернуться къ киклической традиціи—не могъ же онъ Оерона производить отъ кровосмѣсительнаго брака. Эту черту мы, значить, должны учестъ.

А затѣмъ обращаю вниманіе на слѣдующее мѣсто: „исполнилъ древнее слово, возвѣщенное въ Дельфахъ“. Разумѣется, значить, прорицаніе, данное Лаію—только оно было древнимъ, а не то, которое (по Софоклу) самъ Эдипъ получилъ позднѣе въ Дельфахъ. Итакъ, этого послѣдняго

наша традиція не признаетъ. А если Эдипъ не былъ въ Дельфахъ, то онъ не могъ убить своего отца у дельфійскаго распутья (какъ это предполагается у Софокла): въ этомъ отношеніи традиція киклической Эдиподеи, повидимому, не была измѣнена.

И, наконецъ, насъ интересуютъ послѣднія слова. Отцеубійство Эдипа призываетъ къ дѣятельности Эринію, такъ же, какъ и матереубійство Ореста, это ясно. Она мститъ ему истребленіемъ его рода: взаимоубійство Этеокла и Полиника разсматриваются поэтому какъ прямое послѣдствіе убійства Лаія Эдипомъ, никакія промежуточные силы (вродѣ проклятій Эпикасты въ киклической Эдиподеѣ, или проклятій самого Эдипа въ киклической и въ эсхиловой *Θιβανδῆ*) здѣсь не нужны. Это—послѣдствіе аполлоновой религіи, возстановившей Эринію во всѣхъ ея правахъ. И, конечно, это взаимоубійство имѣло своимъ первоначальнымъ смысломъ именно истребленіе рода Эдипа, какъ мы это имѣемъ и у Эсхила, и у Софокла; если же Пиндаръ (слѣдуя, къ слову сказать, киклической поэмѣ „Эпигоны“) предполагаетъ выживающимъ сына Полиника, *Θερсандра*, то онъ дѣлаетъ это опять-таки въ силу посторонней необходимости: откуда же было взяться *Θерону*, если родъ Эдипа погибъ?

Пользуясь этими вѣхами и приобщая къ пиндаровской традиціи тѣ черты установившагося мѣта объ Эдипѣ, которыя ей не противорѣчатъ, мы получаемъ слѣдующее:

Пришелъ часъ—уступая чарамъ вина (*Ευριπιδῆς*) и „неразумной страсти своей милой“ (*Ἐσχυλῆς*), Лаій нарушилъ свой обѣтъ; „роковой сынъ“ родился. Лаій, проколовъ ему ноги, передалъ его рабу, чтобы тотъ отнесъ его на *Κιεερονῆν* и тамъ оставилъ на произволъ судьбы. Но рабъ сжалился надъ нимъ и передалъ его пастуху пограничной *Κορινθιακῆς* области—*Εὐφορβῷ*, какъ его называетъ вазописная традиція. Тотъ съ своей стороны отдалъ его своему царю, *Πολιβῷ*, который и воспиталъ его какъ собственного сына.

Спустя лѣтъ двадцать, Лаію пришлось отправиться „*θεορῶν*“ на праздникъ *κιεερονской* *Γеры*. На пути къ ней, на „потнѣйскомъ распутѣ“, онъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ; возникла ссора, встрѣчный путникъ убилъ его съ его небольшой свитой. Этотъ путникъ былъ Эдипъ. Идя дальше въ *Θивы*, онъ нашелъ ихъ подъ гнетомъ *Сфинкса*; разгадавъ его загадку и заставивъ его этимъ сброситься со скалы въ пропасть, онъ получилъ руку царицы *Ιοκασты* (такъ она зовется въ этой традиціи) и царство. Около пятнадцати лѣтъ царствовалъ онъ благополучно, причемъ *Ιοкаста* родила ему четверыхъ дѣтей. Затѣмъ наступила развязка—какъ, мы не знаемъ.

Такова эта аполлоновская Эдиподея, замѣнившая *Πελοπονο* проклятіе и гнѣвъ *Γеры*—рокомъ и оракуломъ дельфійскаго бога. Эпикаста стала *Ιοкастой* („*φιάλκα*ми украшенная“); это мелочь. Равно и жена *Πολιба*

получила только здѣсь имя Мeroпы—въ киклической Эдиподѣе ее звали Перибеей; это, разумѣется, тоже мелочь. Важнѣе было, что Сикіонъ былъ замѣненъ Коринѳомъ; объ этомъ тотчасъ. Но самымъ важнымъ измѣненіемъ, послѣ основного, было то, что дѣти Эдипа стали по этой традиціи его дѣтьми отъ его супруги-матери Іокасты; это новая или, быть можетъ, воскрешенная черта—свидѣтельствуешь о той же аполлоновской рѣзкости, какъ и воскрешенное матереубійство Ореста въ противоположность смягченіямъ эпоса.

Но кто же далъ этой аполлоновской Эдиподѣе первую поэтическую оболочку? Въ послѣднее время стали усердно распространять гипотезу, по которой этой первой оболочкой былъ киклическій эпосъ „Θιwaνa“. Съ этимъ я никакъ согласиться не могу. Θιwaνa была такимъ же твореніемъ пѣвцовъ-гомеридовъ, какъ и Эдиподеа; нельзя отъ нея ожидать, чтобы она выступила въ защиту Аполлона противъ негодующаго протеста этой послѣдней. Правда, эпическій цикл создавался въ то время, когда аполлоновская религія уже возсіяла надъ Элладой, и во многихъ отношеніяхъ испыталъ на себѣ ея вліяніе. Но это вліяніе могло сказаться въ нейтральныхъ, такъ сказать, вопросахъ, а не въ такихъ боевыхъ, какимъ былъ центральный вопросъ Эдиподеи.

Только въ одномъ пунктѣ я былъ бы склоненъ признать починъ Θιwaνa и вообще киклической эпикѣ; это—замѣна Сикіона Коринѳомъ. Она явилась естественнымъ послѣдствіемъ фикціи, согласно которой младенецъ Эдипъ былъ не брошенъ въ море (какъ въ Эдиподѣе), а отнесенъ на киееронскій лугъ; а эта фикція—прямое развитіе центральной идеи, что вершительницей судьбы Лаіа была киееронская Гера. Со стороны Лаіа было естественно передать запретнаго младенца именно своей гонительницѣ Герѣ, чтобъ смягчить ея гнѣвъ; разъ Гера была замѣнена Аполлономъ, этотъ варіантъ уже возникнуть не могъ. А если младенецъ былъ отнесенъ на Киееронъ, то онъ уже не могъ достаться сикіонскому царю: отъ Сикіона киееронскія горы были отдѣлены всѣмъ Истмомъ. Это соображеніе и должно было повести къ замѣнѣ Сикіона Коринѳомъ. Мы должны будемъ, поэтому, приписать этотъ варіантъ еще киклической эпикѣ, но не Эдиподѣе; а если такъ, то киклическая Θιwaνa напрашивается сама собой.

Но этимъ еще не данъ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ: кто первый ввелъ въ поэзію аполлоновскую концепцію судьбы Лаіа и Эдипа? Такъ какъ пѣвцами Аполлона и проводниками его религіозно-нравственныхъ идей были лирическіе поэты отъ седьмого до пятаго вѣковъ, то вѣроятнѣе всего, что и претвореніе въ аполлоновскомъ духѣ мифа объ Эдипѣ было дѣломъ лирическаго поэта. Это все, что мы можемъ сказать. Лирическая поэзія указаннаго періода представляетъ для насъ огромное поле развалинъ; что знаемъ мы о грандіозныхъ лирическихъ

поэмахъ Стесихора? Почти ничего. О гимнахъ Ивика? Еще менѣе. О диенрамбахъ Аріона? Ровно ничего. Кстати, Аріонъ: онъ вѣдь творилъ въ Коринѣхъ—и былъ родоначальникомъ аттической трагедіи... Но не будемъ вперять взора въ пустоту; при желаніи всегда увидишь что-нибудь, но это будетъ чистой галлюцинаціей. Будемъ просто говорить о безыменной лирической Эдиподеѣ приблизительно VI вѣка, противопоставляя ее—тоже вѣдь безыменной киклической Эдиподеѣ съ ея рѣзко антиполлоновскимъ характеромъ. Киклическая Эдиподея была трагедіей запретной любви; лирическая—*трагедіей рока*.

Въ качествѣ таковой ее обработалъ Софоклъ въ своемъ „Царѣ Эдипѣ“; но еще раньше ее обработалъ Эсхилъ въ своей „Оивайдѣ“—трилогіи, состоявшей изъ трехъ трагедій—„Лаія“, „Эдипа“ и „Семь вождей“—за которыми слѣдовала сатирическая драма изъ того же цикла миеовъ, „Сфинкса“. Поэма великаго миеотворца, непосредственнаго предшественника Софокла, поставленная приблизительно сорока годами раньше его „Царя Эдипа“ (въ 467 г.), была бы для насъ очень драгоценна; къ сожалѣнію, намъ сохранена только послѣдняя трагедія трилогіи, „Семь вождей“; содержаніе обѣихъ предыдущихъ мы возстановляемъ отчасти по ретроспективнымъ намекамъ въ этой послѣдней, отчасти по отрывкамъ—очень скуднымъ—„Лаія“ и „Эдипа“. Все же многое остается для насъ неяснымъ.

Первый и главный вопросъ: какую версію воспроизвелъ Эсхилъ, киклическую или лирическую? На него отвѣчаетъ и самый подробный изъ вышеуказанныхъ ретроспективныхъ намековъ—размышленіе хора ст. 725 сл., которое въ точномъ прозаическомъ переводѣ гласитъ такъ: „Я говорю о древнемъ преступленіи рода; оно принесло быструю кару, но оно же сохранило силу до третьяго поколѣнія. Это было, когда Лаій,—вопреки Аполлону, который трижды сказалъ ему въ срединномъ пиѣйскомъ прорицалищѣ, чтобы онъ, умирая безъ потомства, спасъ свой городъ—побѣжденный неразумной страстью своей милой, родилъ рокъ самому себѣ, отцеубійцу Эдипа. Мало того: этотъ сынъ смогъ оплодотворить священную ниву матери, гдѣ онъ былъ зачатъ—кровавые то были всходы. Видно, безуміе свело потерявшихъ рассудокъ новобрачныхъ“.

Итакъ, ясно одно: движущей силой трилогіи было непослушаніе Лаія, а не его любовь къ Хрисиппу и Пелопово проклятіе. Эсхилъ былъ сыномъ своего вѣка и аѣинской аристократіи; какъ таковой, онъ не могъ усмотрѣть особой вины въ томъ, на что съ такимъ негодованіемъ обрушился здоровый инстинктъ гомеровской этики въ „Эдиподеѣ“. Съ этимъ должно считаться. Гнѣвъ Геры устраненъ; въ центрѣ событій стоитъ Аполлонъ.

Трижды предупредилъ онъ Лаія; когда трижды? Естественнѣе всего

будетъ допустить: 1) при воцареніи, 2) передъ бракомъ и 3) послѣ брака, но до рожденія младенца. И въ чемъ предупредилъ онъ его? „Чтобы онъ, умирая безъ потомства, спасъ свой городъ“; это значитъ: „если ты оставишь послѣ себя потомство, ты этимъ подвергнешь сильнѣйшей опасности твой городъ“. Подъ этой сильнѣйшей опасностью можно разумѣть только походъ Семи вождей противъ Фивъ, вызванный сыномъ Эдипа и внукомъ Лаіа, Полиникомъ. Итакъ, этотъ походъ и взаимоубійство сыновей Эдипа—конечное послѣдствіе непослушанія Лаіа.

Теперь обратимъ вниманіе на слова: „оно принесло быструю кару, но оно же сохранило силу до третьяго поколѣнія“. Это значитъ: за свое непослушаніе Лаій былъ наказанъ дважды; во-первыхъ (сравнительно), быстро, въ лицѣ себя самого, принявъ смерть отъ сына; во-вторыхъ, въ третьемъ поколѣніи, истребленіемъ своего потомства. Разсмотримъ обѣ эти кары.

Относительно первой важно то, что Эсхиль смотрѣлъ на нее именно какъ на кару. Не во исполненіе рока былъ Лаій убитъ своимъ сыномъ, а въ наказаніе за свое неповиновеніе. Другими словами: ему вовсе не было предсказано, что онъ будетъ убитъ своимъ сыномъ, а только данъ совѣтъ „умереть безъ потомства, чтобы спасти городъ“.

Что касается второй, истребленія рода, то ослушаніе Лаіа было только ея первопричиной. Ея непосредственной причиной было не разъ упоминаемое въ сохранившейся трагедіи проклятіе Эдипомъ своихъ сыновей. Причиной этого проклятія была ихъ сыновья непочтительность къ нему. О немъ повѣствовала еще киклическая Фиваида. Однажды сыновья Эдипа послали своему отцу вмѣсто плеча жертвеннаго животного—бедро.

Онъ же, замѣтивъ бедро, его бросилъ изъ рукъ и воскликнулъ:

Горе! родителю даръ сыновья въ поношеніе прислали!

Къ Зевсу взмолился Эдипъ, къ остальнымъ онъ взмолился безсмертнымъ,

Чтобъ отъ взаимной руки они въ царство Аида спустились.

Это значитъ: сыновья, отказавъ отцу въ „царскомъ“ кускѣ жертвеннаго животнаго, признали его отрѣшеннымъ отъ царской власти. Символь чести отождествляется въ героическія времена съ самой честью—это мы должны твердо помнить. И съ этимъ вполне согласовано само проклятіе Эдипа: „Вы отняли у меня царскую власть—пусть же она станетъ причиной вашей гибели“.

Такъ, повторяю, повѣствовала киклическая Фиваида; что и Эсхиль ей слѣдовалъ, видно изъ стиха 770 сл. „Семи вождей“, гдѣ говорится, что Эдипъ „произнесъ противъ сыновей гнѣвные проклятія за ихъ угощеніе“. Не слѣдуетъ забывать, что „Эдипъ“ Эсхила намъ не сохраненъ: тамъ, повидимому, объ этомъ проклятіи говорилось подробнѣе.

Теперь недостаетъ еще только одного звена. Чѣмъ была вызвана,—

конечно, въ мистическомъ смыслѣ—враждебность сыновей Эдипа къ отцу? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: тѣмъ, что онъ самъ былъ убійцей своего отца Лаія. Теперь только цѣпь грѣховъ завершена. И въ этой „цѣпи грѣховъ“ и заключенъ смыслъ Эсхиловой концентраціи. „Точно море бѣдствій вздымаетъ свои валы: одинъ низвергается, но этимъ поднимаетъ другой, затѣмъ третій, тянущійся вокругъ кормы государства“. За неповиновеніе Аполлону Лаій былъ наказанъ тѣмъ, что принялъ смерть отъ руки сына; за убійство—хотя и невольное—отца Эдипъ былъ наказанъ тѣмъ, что былъ лишенъ власти своими сыновьями; за присвоеніе власти отца Этеоклъ и Полиникъ были наказаны тѣмъ, что изъ-за нея сразились между собой и пали одинъ отъ руки другого.

Это уже не Мира, а Аласторъ. Ученіе объ Аласторѣ свойственно именно трагедіи Эсхила: онъ вѣрилъ въ дѣтородную, такъ сказать, силу грѣха. Грѣхъ прародителя призываетъ Аластора въ домъ; а разъ войдя туда, этотъ страшный духъ успокаивается не раньше, чѣмъ истребитъ родъ до послѣднихъ его отпрысковъ. Это ученіе проповѣдывалъ Эсхиль въ своей послѣдней трилогіи, въ „Орестеѣ“; его же мы имѣемъ и въ отчасти только сохранившейся „Оивайдѣ“.

Какъ въ частностяхъ развивалось дѣйствіе въ потерянныхъ частяхъ трилогіи—объ этомъ намъ извѣстно очень мало. Въ „Лаіи“ встрѣчалось о новорожденномъ младенцѣ выраженіе „вложить въ горшокъ“; а такъ какъ въ „Лягушкахъ“ Аристофана самъ Эсхиль, рассказывая вкратцѣ судьбу Эдипа (ст. 1191), говоритъ, что онъ „былъ брошенъ въ черепкѣ во время бури“, то вѣроятно, что Эсхиль слѣдовалъ „Эдиподеѣ“, согласно которой младенецъ Эдипъ былъ брошенъ въ море и занесенъ бурей къ побережью Сикіона. Дальше мы знаемъ,—благодаря случайно сохранившемуся отрывку,—что роковое столкновеніе между отцомъ и сыномъ произошло у потнійскаго (а не дельфійскаго) распутия; отсюда слѣдуетъ, что по Эсхилу Эдипъ не отправлялся въ Дельфы спросить оракула. Знаемъ также изъ другого, недавно обнаруженнаго отрывка, что Эдипъ, чтобы охранить себя отъ мистическихъ послѣдствій убійства, прибѣгъ къ старинному, варварскому обряду: зачерпнулъ (трижды?) устами струящейся крови убитаго и затѣмъ выплюнулъ ее (на него же? Это значило бы: „на тебя твоя кровь!“). Затѣмъ, Сфинксъ, женитьба на матери, дѣти, раскрытіе ужасовъ, самоослѣпленіе; обо всемъ этомъ говорится въ размышленіяхъ хора „Семи вождей“. Это—все, что мы можемъ сказать.

„Оиваида“ Эсхила была поставлена въ 467 г., годомъ позднѣе первой побѣды, одержанной надъ нимъ Софокломъ. Самъ Софоклъ этой темы долго не касался; онъ затронулъ ее впервые, насколько намъ извѣстно, въ своей „Антигонѣ“, поставленной четверть вѣка спустя. Въ этой трагедіи онъ въ своемъ воззрѣніи на несчастья Лабдакидовъ все-

цѣло слѣдуетъ своему великому учителю. И ему чередованіе грѣховъ представляется непрерывной вереницей волнъ въ разъяренномъ морѣ (ст. 587).

Мятежится за валомъ валъ,
Точно лютыхъ вьюгъ разгулъ
Подводный адъ на гладь лазурныхъ волнъ извлекъ:
На свѣтъ иль дна всплываетъ черный.
Страждетъ скалъ прибрежныхъ кряжъ,
Протяжнымъ стономъ вою бури вторя.

Намъ грѣхъ вспоминается древній Лабдакидовъ,
Какъ онъ росъ, плодясь въ чередѣ поколѣній.
Не искупить жертва сыновняя отчихъ бѣдствій,
Самъ богъ въ погибель домъ ведетъ.

Но Эдипъ для „Антигоны“ лишь отдаленное лицо, судьба котораго представлялась давно завершившейся, когда событія потребовали подвиговъ и смерти его самоотверженной дочери. Когда поэтъ приступилъ къ нему самому—это случилось въ первые годы пелопоннесской войны—обстоятельства круто измѣнились. Городъ только что вздохнулъ свободнѣе отъ великой чумы, унесшей среди другихъ жертвъ и геніальнаго руководителя его судьбы, Перикла; Аполлонъ, наславшій эту чуму, считался врагомъ аѳинскаго народа, къ его оракуламъ перестали питать довѣріе. Для Софокла это были три одинаково болѣзненныхъ удара: онъ былъ другомъ Перикла, другомъ своего народа и смиреннымъ поклонникомъ Аполлона. Изъ этихъ трехъ образовъ—Перикла, чумы, Аполлона—онъ соткалъ свою новую трагедію; какъ увидитъ читатель, онъ въ ней одинаково отрѣшился и отъ концепціи „Эдиподеи“, и отъ эсхиловскаго Аластора и далъ аѳинянамъ чистую и свободную отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей грѣха и возмездія—трагедію рока.

Ө. Зѣлинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Г. И. Успенскій въ 70-е и 80-е гг.

Біографическія замѣтки. ¹⁾

VII.

Поразительно, до какой степени былъ свободенъ Успенскій отъ всѣхъ программныхъ тезисовъ народничества и прямъ въ своихъ наблюденіяхъ народной жизни. Когда говорятъ, что его народничество — *критическое*, признають тѣмъ самымъ нѣкоторую мѣру этой его независимости, но можно утверждать, что до первой половины восьмидесятыхъ годовъ онъ, никакого „долга“ предъ народомъ за собою не чувствовалъ, и вовсе не былъ народникомъ, если только не принимать слова „народникъ“ въ неопредѣленно расплывчатомъ смыслѣ.

Община, артель, безсознательный социально-революціонный духъ, проникающій русское крестьянство — вотъ основные мотивы, которыми самообольщалось радикальное и социалистическое народничество семидесятыхъ годовъ. Таково было въ особенности его крайнее крыло, которое можетъ быть названо сентиментальнымъ народничествомъ: въ духѣ его писали Златовратскій, Засодимскій; теоретикомъ его явился публицистъ Недѣли Юзовъ-Каблицъ.

Успенскій пронизывалъ и надъ „румяными лицами мужиковъ“, какихъ любилъ изображать якобы Златовратскій (сообщено А. С. Пругавинымъ), и надъ Засодимскимъ съ его деревенскими Лео: „тупой чловѣкъ, Фотій“, — отзывался Успенскій объ авторѣ „Хроники села Смурина“ (сообщено г. Иванчинымъ-Писаревымъ), — разумѣя, конечно, психологическую ортодоксальность Засодимскаго въ его народническомъ радикализмѣ. „Овца безъ стада“ — довольно жесткій судъ надъ „опрощеніемъ“ и надъ всѣмъ народническимъ сентиментализмомъ.

Въ своемъ „деревенскомъ дневникѣ“ Успенскій сразу констатируетъ именно отсутствіе въ общинѣ какой бы ни было живой жизни: міръ съ его „устоями“ давно сталъ только орудіемъ и машиною для выкачиванія

¹⁾ Окончаніе. См. Русская Мысль 1913 г., кн. VIII.

и выколачиванія изъ мужика податей и недоимокъ. Въ „Овцѣ безъ стада“ Успенскій не только рисуетъ трагикомическую невозможность сліянія для барина, какъ такового, но явно и прямо иронизируетъ надъ всѣми построеніями крестьянской жизни, какъ преисполненной въ своихъ основахъ особой гармоніи и красоты. Онъ говоритъ о „разрисованномъ“ небываломъ мужикѣ, обольщавшемъ овцу-барина (см. далѣе о „Шоколадномъ мужикѣ“ Вѣры Ник. Фигнеръ). Непосредственное наблюденіе подлинной жизни приводитъ Успенскаго къ утвержденію, что надъ обнищавшей обездоленной деревней носится только духъ хищничества или стремленія урвать кусокъ, хотя бы изо рта сосѣда, полное отсутствіе сердца во взаимныхъ отношеніяхъ жителей деревни...

Первыя писанія Успенскаго о русскомъ крестьянствѣ были восприняты господствовавшею идеализаціею крестьянства крайне враждебно. Такъ, въ № 9 *Недѣли* 1878 г. статья Юзова „Либераль о сѣромъ мужикѣ“ сравнивала Успенскаго во взглядахъ на народъ прямо со взглядами станovýchъ. И въ ноябрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за 1878 г. Успенскому пришлось серьезно оправдываться во всѣхъ подобныхъ обвиненіяхъ.

Здѣсь мы читаемъ, на примѣръ: „Измученному обществу пришла мысль остановить маховое колесо европейскихъ порядковъ, увлекавшее насъ на ненавистный путь всяческой неправды, насъ, которые не хотятъ ее, которые хотятъ по чести, по совѣсти и все такое... И вотъ въ спицы этого колеса стали засовывать разные препятствія, оказавшіяся, впрочемъ, весьма ненадежными: колесо продолжало размахивать, вышвыривая тѣ большею частію бумажныя препятствія, которыми хотѣли его остановить; славянская раса, славянская идея, православіе, отсутствіе пролетаріата и т. д.—все это, доказанное на огромномъ количествѣ листовъ бумаги, было смолото и растреплено не перестававшимъ махать колесомъ“... Оказалось, что „западно-европейскихъ язвъ въ русскомъ человѣкѣ такъ же много (или почти такъ же), какъ и въ его подлинникѣ, да въдобавокъ и неевропейскія-то черты русскаго человѣка такъ же оказались съ язвами“.

Далѣе Успенскій бичуетъ установившееся въ литературѣ „какое-то слащавое, чтобы не сказать слюнявое, отношеніе къ народу“, чуждое всякой дѣловитости. Вслѣдствіе такого отношенія къ народу, деревенскія замѣтки Успенскаго и должны были произвести весьма неблагоприятное впечатлѣніе: „вмѣсто милыхъ деревенскихъ домиковъ,—пишетъ Успенскій,—вмѣсто славныхъ русскихъ лицъ и т. д. являются какія-то шаршавыя, корявыя, плохо пахнущія деревенскія картины“. „Я же, не отрицая превосходныхъ качествъ матеріала, хотѣлъ только сказать, что именно происходитъ съ этимъ матеріаломъ и въ какихъ условіяхъ онъ находится“.

Позднѣе, въ годы распри марксизма и народничества, въ нее было вовлечено, какъ видимъ, не безъ основаній, и имя Успенскаго, причемъ не мало аргументовъ черпалось изъ него именно марксизмомъ. Отмѣтимъ еще нѣкоторыя забытыя страницы о кулачествѣ. Явленіе это оцѣнено Успенскимъ въ концѣ 70-хъ годовъ съ большой долей объективности, причемъ растущій кулакъ рисуется вовсе не въ образѣ непремѣнно дикобразнаго хищника, а дѣйствительно умнымъ человекомъ, носителемъ личнаго, недостающаго деревнѣ начала, хотя направленного исключительно своекорыстно. „Знаніе (чего бы ни было—все равно) и уваженіе къ знанію, къ уму—вотъ что даетъ кулаку право выматывать крестьянскіе животишки... Другого направленія уму и таланту—въ деревнѣ покуда нѣтъ. Нѣтъ и другого знанія“. („Страсто-терпцы мелкаго кредита“.)

Наконецъ, для характеристики независимости Успенскаго въ отношеніи ходячихъ лозунговъ народничества, интересно процитировать ту статью 1883 года, которая вызвала рѣзкую отвѣдь ему со стороны Л. Оболенскаго. („До чего договорился Г. Успенскій“, *Русское Богатство*, 1883 г., № 7.) Лѣтомъ и осенью 1882 г. Успенскій былъ на Кавказѣ, гдѣ былъ очень пріятно пораженъ благообразіемъ жизни русскихъ сектантовъ и сильно развитымъ у нихъ чувствомъ личнаго достоинства, личнаго исканія справедливости. Въ противность этому Успенскаго *угнетаетъ* океанъ рядового крестьянства, сплошное, чуждое личному началу, міровоззрѣніе массы, сліяніе съ которой немыслимо безъ полного отрѣшенія отъ культуры и личной воли: „я для него (для представителя этой массы) существую только, какъ потребитель его картофеля—а то, по его мнѣнію, и жить бы мнѣ не слѣдовало—а онъ, по моему мнѣнію, „особь“, опасная своею *личною* глупостью и дикостью, хотя и опытная, иногда очень интересная чужимъ, „отечественнымъ“ умомъ, продуктомъ ума сплошной милліонной, никому лично не принадлежащей и никѣмъ лично не выработанной, мысли. Да, жутковато и страшновато жить въ этомъ людскомъ океанѣ!“ (*Отечественныя Записки* 1883 г., № 5, „Изъ путевыхъ замѣтокъ“.)

Тѣмъ не менѣе Успенскій отдалъ, съ теченіемъ времени, свою дань увлеченію народническою идеологіею. Присматриваясь къ „поэзіи земледѣльческаго труда“, онъ заговорилъ о „власти земли“ и тогда призналъ за народомъ, столь часто до послѣдней степени неблагообразнымъ, особливья черты высокой привлекательности. Достаточно вчитаться въ формулу этой „власти“.

Тайна, „по-истинѣ—огромная“ народной жизни, „думаю я,—пишетъ Успенскій,—заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ терпѣлива и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски кротка—словомъ, народъ,

который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся—народъ, который мы любимъ, къ которому мы идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царить *власть земли*, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ *невозможность* послушанія ея *повелній*, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе... Нашъ народъ до тѣхъ поръ *будетъ* казаться такимъ, каковъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоценными качествами ума и сердца—словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь съ головы до ногъ и снаружи до самаго нутра проникнутъ и освѣщенъ тепломъ и свѣтомъ, вѣющими на него отъ матери сырой земли... Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ заботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина—добейтесь, чтобъ онъ забылъ „крестьянство“—и нѣтъ этого народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ человѣческаго организма. Настаетъ душевная пустота, „полная воля“, т.-е. невѣдомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное „иди куда хошь“ („Власть земли“, *Отечественныя Записки* 1882 г., № 1, курсивъ Успенскаго).

На первый взглядъ здѣсь признано за народомъ многое изъ того, что видѣло въ немъ сентиментальное народничество. Успенскій пришелъ какъ будто къ признанію „устоевъ“, призналъ за фактъ „разрисованнаго мужика“, а недавно привѣтствованное „иди куда хошь“ („Злые новости“) — страшнымъ.

Но въ послѣдующихъ статьяхъ Успенскій ввелъ множество оговорокъ. Въ очеркахъ „Изъ разговоровъ съ пріятелями“ подробно объясняется стихійность и безсознательность „власти земли“. Типъ „самъ слуга и хозяинъ“ оказывается до послѣдней степени типомъ нестойкимъ, поскольку онъ зависитъ только отъ „власти земли“, и пригоднымъ только для ограниченнаго ржанымъ полемъ круга жизни. „Тамъ, гдѣ нужно стоять *своею* совѣстью и *своею* нравственною силой за правду и за благообразіе человѣческихъ отношеній, благообразіе не случайное, какъ узоръ мороза, а необходимое во имя справедливости,—увы!—тутъ она (крестьянская Россія) покуда „безсильная“... „Формъ, въ которыя бы вылилась настрадавшаяся чужимъ и своимъ несчастіемъ Мишанькина мысль,—нѣтъ кромѣ слезъ... Нѣтъ формъ, въ которые бы вылилось и Мишанькино благополучіе, досугъ, достатокъ... Нѣтъ въ этомъ досугѣ, достаткѣ ничего благообразнаго“ (*Отечественныя Записки* 1883 г., № 2).

Въ итогѣ этихъ и подобныхъ оговорокъ—о полной неразвитости подъ господствомъ „власти земли“ личнаго начала—идея Успенскаго вводится въ свои естественныя рамки. Ее мы въ правѣ разсматривать, какъ частный

случай той гармоніи природы, главнаго рода труда и быта, какая устанавливается социологами для нѣкоторыхъ формъ первобытной культуры, необыкновенно устойчивой, пока не нарушено равновѣсіе вторженіемъ иной культуры. Такова и стихійная гармонія русской крестьянской жизни, которая въ своемъ существѣ есть особый видъ культуры, очень старой, натурально-хозяйственного типа; этотъ видъ и даетъ коллективный типъ крестьянина, который самъ „слуга и хозяинъ“ въ своемъ гармонически вѣками налаженномъ трудѣ, при помощи ряда вѣками не мѣнявшихся, несложныхъ орудій. Въ этомъ же смыслѣ мы можемъ говорить о власти степи надъ кочевникомъ, о власти тайги надъ сибирскимъ инородцемъ, океана—надъ рыбакомъ или, какъ говорить въ одномъ мѣстѣ самъ Успенскій, о гармонизирующей человѣческія отношенія власти *сила* надъ Ильменскимъ рыбакомъ-артельщикомъ.

Несомнѣнно, что Успенскій пришелъ къ своей идеѣ совершенно самостоятельно путемъ художественной интуиціи. Это подтверждается и собственнымъ его рассказомъ о томъ, какъ ослѣнила его мысль о всеопредѣляющей власти земледѣльческаго труда надъ душой крестьянина: а именно, настоящее озареніе онъ испыталъ (подобно знаменитому озаренію Ньютона при паденіи яблока),—послѣ долгаго недоумѣнія, чѣмъ живетъ крестьянская душа,—при зрѣлищѣ... теленка, который, къ полному отчаянію хозяина, не хотѣлъ пить молока и тѣмъ нарушалъ весь строй хозяйства.

Но Успенскій не удержался на своей мысли о власти земли, какъ на обобщающемъ объективномъ наблюденіи. Онъ внесъ въ нее и элементъ чисто субъективный, призналъ власть земли не только фактомъ крестьянской жизни, но и такимъ порядкомъ, типомъ жизни, который заслуживаетъ особаго сочувствія и поддержки, особенно предъ культурою, основанною на власти капитала, причемъ онъ самъ забывалъ свои оговорки о неустойчивости и неразвитости этого типа.

Чрезвычайно любопытны въ этомъ отношеніи слѣдующія строки Успенскаго въ письмѣ В. Е. Генкелю отъ 13 февраля 1888 г. Здѣсь мы читаемъ: „Сію минуту я посылаю вамъ томы 5, 6, 7 и 8 ¹⁾, а скоро пришлю и первые четыре тома. Но въ этихъ 4-хъ томахъ вы можете найти много о современномъ положеніи народа. Обратите вниманіе на „Власть земли“—сила заключается въ народѣ. Не такъ грубо и подло взглянулъ я на землю, какъ Золя. Онъ смѣшиваетъ двѣ формы жизни (какъ она и смѣшалась въ Европ. госуд., дѣйствительно)—жизнь *на* землѣ, для того, чтобы добыть денегъ. Это въ Россіи не такъ: либо на землѣ безъ денегъ, либо съ деньгами безъ земли. Такъ вотъ въ первыхъ главахъ „Власти земли“ представлено „дѣло земли“ въ очищен-

1) Восемитомное павленковское изданіе.

номъ видѣ. Нѣкто Michel Delines издалъ въ Парижѣ книгу „La terre dans le roman russe“—гдѣ, говоря о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Толстомъ—дѣлаетъ заключительную главу и изъ моей *Власти земли*, отзываясь съ похвалой, но выписалъ онъ мало и не подумалъ, что я смотрю на земледѣльческій трудъ—какъ на особый порядокъ жизни. Вы обратите особенное вниманіе на первыя главы, I—V не больше, а то будетъ скучно, пожалуй“ (неизданное письмо, курс. Успенскаго).

Сила вещей показала давно, воочію, что все хозяйство русскаго крестьянина перестраивается не на основѣ „власти земли безъ денегъ“, а по общеевропейскому типу. Тотъ „особый порядокъ жизни“, который рисовался Успенскому, оказался стойкимъ лишь подъ угломъ народнической иллюзіи. Ее Успенскій раздѣлялъ, признавалъ собственнымъ міровоззрѣніемъ съ половины восьмидесятыхъ годовъ, поддавшись вліянію Михайловскаго и всего народническаго круга идей, тогда околѣбавшихъ.

VIII.

Итакъ, художественное наблюденіе и отчасти публицистическая мысль Успенскаго расходились во множествѣ пунктовъ съ различными оттенками народничества семидесятыхъ годовъ. Общимъ часто было только тяготѣніе къ широкимъ слоямъ крестьянства и интересъ къ народной жизни и новымъ явленіямъ въ ней.

Едва ли очень основательно и мнѣніе объ особенной близости Успенскаго къ народовольчеству. Эта сторона его взглядовъ и жизни требуетъ нѣкотораго разбора, тѣмъ болѣе, что объ Успенскомъ иногда говорятъ и пишутъ, какъ о настоящемъ народовольцѣ по убѣжденіямъ, лишь по случайностямъ личной жизни не принявшемъ постоянного активнаго участія въ революціонной борьбѣ (гг. Аптекманъ и Иванчинъ-Писаревъ, отчасти Рубакинъ).

Съ теоретической стороны программа „Народной воли“ была широка и продумана. Однимъ изъ сотрудниковъ ея изданій былъ Н. К. Михайловскій, авторъ „Политическихъ писемъ социалиста“, признавшій первенствующее значеніе борьбы за политическую свободу. Партія признавала, что „только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа“. Насильственный политическій переворотъ имѣлъ цѣлью передачу власти народу; для выраженія народной воли предполагалось собрать учредительное собраніе, составленное изъ представителей народа, избранныхъ свободно, всеобщей подачей голосовъ и снабжен-

ныхъ наказами избирателей. Въ этомъ собраніи партія предполагала предложить рядъ основныхъ реформъ, во главѣ которыхъ поставлено было образованіе народнаго представительства, составленное на тѣхъ же началахъ и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ; затѣмъ слѣдовало въ программѣ самое широкое развитіе демократическаго самоуправленія и основныя политическія свободы, а также „принадлежность земли народу и система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики“. Для достиженія цѣлей партіи предполагалось развитъ широкую агитацію въ странѣ и подготовить народное возстаніе.

Такъ было въ программѣ. На дѣлѣ, стремясь къ скорѣйшему перевороту и фантастическому захвату власти, партія фатально повлеклась по пути терроризма, какъ потому, что рѣдѣвшіе быстро ея ряды, смыкаясь тѣснѣе, стремились скорѣе проявить всю скопившуюся въ отдѣльныхъ членахъ энергію, опытъ и фанатизмъ политической ненависти и мести, такъ и потому, что при громадномъ напряженіи полицейско-охранительныхъ силъ агитаціонная дѣятельность всякаго рода была парализована.

Теоретическая программа—именно своею теоретичностью—не могла интересовать Успенскаго, слишкомъ близко и прямо глядѣвшаго на эту жизнь. Онъ, конечно, и не участвовалъ практически въ борьбѣ, если не считать мимолетныхъ эпизодовъ. Г. Иванчинъ-Писаревъ передаетъ (впрочемъ, гораздо болѣе ранній) случай—поѣздку Успенскаго съ П. В. Григорьевымъ по Тульской губерніи, причемъ Григорьевъ велъ съ мужиками таинственную рѣчь о новомъ надѣленіи земель, которое готовитъ „скрывающійся царевичъ Константинъ“, а Успенскій разыгрывалъ самого этого царевича. Судя по разсказу, если и было что-либо подобное, то было это шалой, по чужому почину, выходкой очертя голову. Другой эпизодъ, разсказанный тоже г. Иванчинымъ-Писаревымъ,—участіе Успенскаго въ попыткѣ къ освобожденію нѣкоего Симановскаго, причемъ Успенскій выполнялъ роль случайнаго прохожаго, отвлекающаго разговоромъ вниманіе городского отъ происходящаго бѣгства. Въ серіи разсказовъ о близости Успенскаго къ активнымъ революціонерамъ, это—самый эффектный.

Называютъ рядъ именъ революціонеровъ, съ которыми былъ лично близокъ Успенскій: таковы въ особенности д-ръ Веймаръ (извѣстный въ свое время владѣлецъ скакуна „Варвара“, игравшаго немаловажную роль въ рядѣ покушеній), В. Н. Фигнеръ, Г. Лопатинъ. „Г. И. былъ знакомъ, отчасти даже друженъ со многими видными членами партіи Народной Воли,—удостоверяетъ г. Иванчинъ-Писаревъ:—Юрій Богдановичъ, Желябовъ, Кибальчичъ, А. П. Корба, Лангансъ, Перовская, Саблинъ, Левъ Тихоміровъ и др. всегда находили у него радушный

пріемъ. Въ общеніи съ ними онъ почерпалъ бодрость духа и всякій разъ впадалъ въ уныніе, когда случайно затягивался періодъ неизвѣстности относительно судьбы того или другого. Всѣ платили ему взаимностью. До какой степени доходила искренность и простота отношеній съ обѣихъ сторонъ, можно заключить, напримѣръ, изъ того, что Гл. Ив., точно предчувствуя грядущія событія, непременно хотѣлъ, чтобы всѣ собрались у него для встрѣчи новаго 1881 года, и, несмотря на рискованность этой затѣи для „нелегальныхъ“ людей, очень многіе были въ числѣ его новогоднихъ гостей,—можетъ быть, даже съ увѣренностью, что въ послѣдній разъ жмутъ руку любимому писателю и человѣку“ (Иванчинъ-Писаревъ, *Былое*, 1907 г., окт.).

Въ писаніяхъ Г. И. тамъ и сямъ мелькаютъ намеки на исключительное уваженіе, которое онъ отдавалъ этимъ людямъ. Онъ, напримѣръ, скорбно указываетъ на „кроткихъ, какъ агнцы людей, людей, неспособныхъ обидѣть мухи, которые, однако, явились передъ публикой, напримѣръ въ печати, чуть не кровопійцами, и являлись потому только, что *надо* было являться такими, потому что настоящихъ не являлось... на множество людей, заглушавшихъ въ себѣ кротость для необходимой въ данную минуту вражды со зломъ“ („Хочешь не хочешь“). Заканчивая позднѣе очерки „Волей-неволей“, Успенскій писалъ (этихъ строкъ нѣтъ въ собраніи сочиненій), что Тяпушкинъ „людей воли“—„встрѣтилъ потомъ“, и о нихъ должна была итти особая рѣчь. Какъ уже упомянуто, въ очеркѣ „Выпрямила“ нѣсколько страницъ отведено Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ, „дѣвушкѣ строгаго, почти монашескаго типа“, воплощенію, по мысли Успенскаго, одной изъ сторонъ типа Венеры Милосской. Это—типъ цѣльнаго человѣка, полная противоположность герою „Трехъ писемъ“, съ его распаденіемъ сознанія и воли. „Она оставила во мнѣ,—вспоминаетъ Успенскій-Тяпушкинъ,—свѣтлое, радостное впечатлѣніе потому, что та глубокая печаль—печаль не о своемъ горѣ, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личностью, собственной ея печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее *одну*, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея сердце, въ ея душу, въ ея мысль, даже въ сонъ ея, чему нибудь такому, что бы могло не подойти, нарушить гармонію самопожертвованія, которое она олицетворяла—что при одномъ взглядѣ на нее всякое страданіе теряло свои пугающія стороны, дѣлалось дѣломъ простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, главное, *живымъ*, что вмѣсто словъ „какъ страшно!“ заставляло сказать „какъ хорошо! какъ славно!“ (курс. Успенскаго).

Не менѣе горячіе отзывы о революціонерахъ имѣются и въ письмахъ Успенскаго. Михайловскій цитировалъ отзывъ о Германѣ Лопатинѣ, который долженъ былъ послужить прототипомъ героя повѣсти

„Удалой, добрый молодецъ“. Эта повѣсть о человѣкѣ сильной воли, конечно, не была написана. Мы приведемъ отрывокъ одного неизданнаго письма Успенскаго къ Л. Ф. Ломовской-Маклаковой (псевдонимъ—Л. Нелидова); здѣсь восхищенное удивленіе писателя передъ людьми того же закала обрисовалось не менѣе рельефно:

„... не знаю, что со мной творится,—пишетъ Успенскій въ 1885 г.:—такого холода, отъ котораго руки даже коченѣютъ,—никогда не было въ моей душѣ, какъ теперь. Вотъ на васъ одна только утрата такого человѣка, о которомъ Вы пишете, утрата одного *такого* знакомства—произвела такое сильное и многосложное впечатлѣніе,—а у меня вся жизнь прошла только въ этихъ утратахъ. Никакихъ семейныхъ „родовыхъ“ прочныхъ впечатлѣній или угла, въ которомъ бы теплилось какое нибудь родное чувство, всю жизнь дающее право чувствовать себя не чужимъ на землѣ,—ничего этого у меня никогда нѣтъ и не было. И уголь, и домъ, и преданія—все это приходилось мнѣ дѣлать самому—на новомъ пустомъ мѣстѣ, на камени голомъ, приходилось собирать крупницами, по зернышку содержаніе жизни, которое-бъ этотъ уголь наполнило,—и вотъ всѣ эти зерна брались изъ тѣхъ минуточекъ хорошихъ впечатлѣній, которыя выпадали на дорогѣ знакомства съ людьми *этого* типа, и всегда мгновеньями. Не успѣешь обрадоваться, не успѣешь сказать „ну вотъ теперь все-таки чувствуешь, что что-то можешь и долженъ“,—и сейчасъ же расквѣсься: все у меня расхищено: осталась одна виновность предъ всѣми ими, невозможность быть съ ними, невозможность неотразимая,—осталась пустота, холодъ и тяжкая забота ежедневной нужды,—вотъ!“

Въ нашемъ распоряженіи имѣется еще письменное сообщеніе г-жи А. С., также горячо настаивающей на полной идейной близости Г. И. съ народовольцами. „Г. И. было лучше другихъ извѣстно, что народовольцы только „мирились“ съ терроромъ, какъ съ неизбежнымъ въ данную минуту зломъ, отъ котораго они же первые неизбежно должны были погибнуть и гибли. Самые видные представители народничества были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. И., онъ не заблуждался ни на минуту относительно ихъ побужденій, ихъ психологіи... онъ вовсе не былъ „божьей коровкой“, способной только плакать и вздыхать съ опечаленными, удрученными, скорбящими или проповѣдывать терпѣніе и непротивленіе злу. О, нѣтъ!... Г. И.—чистое олицетвореніе пламенной любви къ человѣку—умѣлъ неистово ненавидѣть. Отсюда его преклоненіе передъ активными борцами со зломъ и его представителями, отсюда убійственная скорбь, осложняемая самоугрызеніемъ, самобичеваніемъ, при гибели кого нибудь изъ этихъ борцовъ, со многими изъ которыхъ онъ былъ лично близокъ... Если бы... могли видѣть этого самаго Г. И. въ обществѣ столповъ народничества, съ

глазами, горѣвшими восторгомъ, экстазомъ, жадно слѣдившаго за каждымъ ихъ жестомъ, впитывавшаго ихъ слова и рассказы, какъ пересохшая земля благодатную влагу!... Если заблуждались народовольцы, то вмѣстѣ съ ними столько же горячо и искренно увлекался ихъ „заблужденіями“ и Г. И.... Здѣсь будетъ кстати упомянуть объ А., руководимой Успенскимъ и не обманувшей его ожиданій. Вечеръ въ октябрѣ 1883 года. Въ комнату А. входитъ сіяющій, совершенно неузнаваемый Г. И. „Ну вотъ, сегодня придетъ сюда *настоящій* человекъ!“, проникновенно говоритъ онъ. Черезъ часъ съ небольшимъ въ квартирѣ появился старый революціонеръ-боевикъ съ солидной и громкой репутаціей... *Настоящіе* люди—испытанная, закаленная, боевая, *революціонная* сила“. Въ данномъ случаѣ „настоящимъ“ человекомъ являлся все тотъ же Лопатинъ. ¹⁾

Изъ этого рода свидѣтельствъ и документовъ съ совершенной опредѣленностью вытекаетъ только одно: Успенскій былъ увлеченъ, какъ человекъ и художникъ, нѣкоторыми видными народовольцами, какъ людьми необычайной энергіи и самоотверженной воли. Ихъ онъ ставилъ необычайно высоко, такъ же, какъ Долбежниковъ превозносилъ ихъ, въ противоположность собственной будто бы дряниности, въ противоположность двоедушію и слабоволію всей интеллигентной толпы. И здѣсь для Успенскаго было впереди всего основное, что онъ особо цѣнить и всюду отыскиваетъ: личность, какъ таковая—полнота и цѣльность ея нравственнаго сознанія. Но народовольчество, какъ общественно-политическое міровоззрѣніе, теоретически разработанное и съ готовою платформою, оставалось ему, художнику и писателю, творческому организму, откликающемуся прежде всего на душевныя стороны человека, а не на его мнѣнія, довольно-таки чуждо. По крайней мѣрѣ, этой стороны нѣтъ въ его писаніяхъ. Народовольчество было для него—Вѣра Николаевна, Германъ Александровичъ и еще два-три имени, вдобавокъ, очевидно, идеализованныя, оторванные отъ реального революціоннаго подполья.

На дѣлѣ, въ средѣ народовольчества, съ одной стороны, продолжало держаться непріемлемое для Успенскаго сантиментальное представленіе о народѣ, съ другой—была уже фактически совершенно оставлена мысль о борьбѣ черезъ посредство народа и сообразно его волѣ, а было столь Успенскому антипатичное стремленіе облагодѣтельствовать народъ со стороны, подаркомъ ему захваченной власти, въ то

¹⁾ Упомянемъ еще сообщеніе одного автора, что вечеромъ 1 марта 1881 г. онъ видѣлъ Успенскаго въ обществѣ Михайловскаго, Шелгунова и др., при горячемъ обсужденіи шансовъ немедленно ожидаемой революціи, причемъ Г. И. былъ „веселъ, какъ никогда“ (*Былое*, 1906 г., мартъ). Можетъ быть, необычно возбужденъ, произвольно смѣялся, но едва ли *веселъ*...

время какъ Успенскій въ отношеніяхъ народа къ этой же интеллигенціи усматривалъ одно только враждебное: „не суйся!“ Мы приведемъ нѣсколько очень характерныхъ деталей, показывающихъ, какъ слаба была собственно идейная связь Успенскаго съ народовольчествомъ, какъ политической партіей.

В. Н. Фигнеръ, къ которой мы обращались съ просьбой сообщить подробно свои воспоминанія объ Успенскомъ, въ разъясненіе своихъ отношеній къ Г. И. сообщила намъ буквально слѣдующее: „я думаю, что мы скорѣе угадывали, чѣмъ знали другъ друга. Ни онъ ко мнѣ, ни я къ нему близко не подходили. Поэтому, что же я могла бы написать о немъ? Нѣсколько мелочей, которыя ничего къ нему не прибавятъ, а амплифицировать факты я не умѣю. Да надо сказать, что мои мысли въ то время были такъ сконцентрированы на заговорщицкой дѣятельности, что я не могла понять, что отъ всякаго надо требовать по способностямъ, и меня страшно огорчало, что Успенскій *только* (курс. автора письма) писатель, публицистъ и художникъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ всѣ въ одномъ котлѣ кипѣли... А затѣмъ, я никогда не была съ нимъ наединѣ, когда у человѣка бываютъ порывы, что онъ легко и свободно отдается другимъ, раскрывается. Всегда мы были въ обществѣ другихъ, и да простится мнѣ—скучно тамъ было! Даже ни разу не выдалось такого счастливаго часа, когда Г. И. начиналъ (по словамъ другихъ, болѣе счастливыхъ его друзей) рассказывать что нибудь изъ своихъ наблюденій,—п. ч. по общимъ отзывамъ онъ былъ несравненный собесѣдникъ въ этихъ случаяхъ. А при мнѣ не было ничего яркаго, незабываемаго... Если было еще что характерное въ моихъ отношеніяхъ съ Успенскимъ, то это его реалистическое пониманіе русскаго крестьянина съ одной стороны и мое сентиментальное народничество съ другой.—Съ обиженной улыбкой, добродушно иронически, онъ жаловался окружающимъ, что Вѣра Ник. требуетъ отъ него „шоколаднаго мужика“. А я и впрямь народа не знала, и страшно хотѣла шоколаду, да шоколаду... Вотъ все“. ¹⁾

Другіе народовольцы въ то время отрицали и самую надобность изученія мужика: все и такъ ясно. На упомянутой выше вечеринкѣ—

¹⁾ Этотъ эпизодъ о „шоколадномъ мужикѣ“ переданъ В. Н. Фигнеръ также и печатно, съ нѣкоторыми дополненіями о тѣхъ возраженіяхъ, какія она предъявляла Успенскому. „Онъ живописуетъ лишь однѣ отрицательныя стороны мужика, и тошно становится смотрѣть на это жалкое забитое матеріальными интересами человѣческое стадо... Неужели въ деревенской жизни, въ душѣ мужицкой нѣтъ просвѣта? Нѣтъ ничего привлекательнаго, трогательно-симпатичнаго?... Зачѣмъ же рисовать мужика такими красками, что никому въ деревню забраться не захочется, и всякій постарается стать отъ нея подальше“ („Съ горстью золота среди нищихъ“, *Русское Богатство*, 1912 г., № 3).

встрѣчѣ новаго 1881 года—Желябовъ, на замѣчаніе Александра Степ. Пругавина объ изученіи народа, отозвался: „а пусть его изучаетъ тотъ, кто его не знаетъ!“ (сообщено А. С. Пругавинымъ).

Очень характерна и жалоба Михайловскаго, что Успенскій „случалось, увлекаемый какой-нибудь мыслью далеко за предѣлы логической возможности, говорилъ вещи, съ которыми никоимъ образомъ нельзя было согласиться“, и такъ, конечно, было не съ однимъ Михайловскимъ, а со всѣмъ этимъ кругомъ, въ которомъ въ ходу были готовые обязательныя мысли и формулы, какъ во всякомъ замкнутомъ идейномъ кружкѣ. Въ области общественно-политическихъ настроеній Успенскаго рисуется еще, на прим., такой передаваемый г. Николадзе эпизодъ. Когда весной 1882 г. въ средѣ литераторовъ возникъ вопросъ объ адресѣ Государю въ защиту политическихъ узниковъ и печати, Г. И. предлагалъ одно: „надѣнемъ фракы и отправимся гурьбою къ Государю, вотъ какъ ходятъ къ нему мужики; бухнемся ему въ ноги, какъ мужики, и скажемъ: „Ваше Величество, ничего намъ не нужно! Только раскройте тюрьмы и выпустите всѣхъ на свободу, чтобъ солнышко всѣмъ сіяло, чтобы травушка росла!“ (Былое, 1906 г., кн. IX, стр. 255). А. С. Пругавинъ вспоминаетъ также, какъ Успенскій одобрялъ помѣщеніе въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* въ статьѣ „Vox populi“ извлеченій изъ одного письма крестьянина, въ духѣ чистѣйшаго демагогическаго да еще и антисемитическаго цезаризма: къ чему скрывать и прятать тѣ надежды, которыя мужикъ возлагаетъ лично на царя! Въ письмѣ г. Пругавину объ этой (неоконченной по цензурнымъ условіямъ) статьѣ Успенскій говоритъ: „она удивительно была богата матеріаломъ о современной народной мысли. Рѣдко, да и прямо сказать ничего такого цѣннаго и достовѣрнаго, не встрѣчалось у насъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ“ (неизданное письмо).

Всѣ подобныя данныя показываютъ, до какой степени чуждъ былъ Успенскій идейной близости къ какой бы ни было законченной общественно-политической программѣ, а не только къ народовольчеству. Давній врагъ „порядка“ и „прижимки“ („Прогулка“, „Наблюденія Михаила Ивановича“ и пр.) въ какихъ бы благообразныхъ формахъ они ни являлись—и даже тѣмъ больше врагъ, чѣмъ они благообразнѣе, и откровенно предпочитающій открытое перегрызаніе горла ближнему (см. о расправѣ съ коммунарами) всякому замаскированному насилію, Г. Успенскій ни въ какой мѣрѣ по существу не могъ быть якобинцемъ-государственникомъ народовольческаго типа.

Наконецъ, въ сферѣ общаго соціальнаго идеала Успенскій былъ сторонникомъ совершенно туманнаго, въ значительной мѣрѣ анархическаго, идеала, а вовсе не какой-либо опредѣленной доктрины. Это была красивая мечта о возрожденіи на основѣ земледѣльческаго труда власти

земли, но уже не порабощающей личность; грезилося царство свободного человека, свободный союзъ его съ другими столь же свободными людьми, изъ которыхъ каждый „слуга и хозяинъ“. Объ этомъ разбросано въ его писаніяхъ разнаго времени довольно много отрывочныхъ намековъ и указаній. Именно потому, что онъ оставался всегда въ сторонѣ ото всякой строгой политической и соціальной программы и платформы, онъ могъ горячо привѣтствовать теперь заслуженно забытый наивный утопическій рассказъ Тимощенкова о борьбѣ съ земельнымъ хищничествомъ, или книгу инженера Энгельмейера, усмотрѣвъ въ пропагандѣ вѣтряныхъ двигателей обѣтованіе скорого освобожденія труда и крестьянства отъ власти г. Купона.

Въ этихъ своихъ предвидѣніяхъ Успенскій былъ не публицистомъ, а вѣрующимъ пророкомъ грядущей перестройки человѣческаго общества; Н. А. Рубакинъ передаетъ, что былъ свидѣтелемъ одной бесѣды Успенскаго съ случайными слушателями изъ молодежи о „будущихъ временахъ“: „на слушателей произвела глубокое впечатлѣніе чистая и искренняя и какъ-то особенно простая, естественная вѣра Глѣба Ивановича, что къ такому-то строю и идетъ дѣло. „А то какъ же?“—улыбаясь, спрашивалъ онъ, словно въ порывѣ особаго историческаго предвидѣнія“...

Къ сожалѣнію, остался не осуществленнымъ проектъ писемъ Успенскаго о политическихъ процессахъ, о которомъ онъ писалъ въ декабрѣ 1886 г. В. М. Соболевскому. „Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* было „15 лѣтъ крамолы“, отчего нельзя коснуться этого времени? Это для меня необходимо. Я буду вполнѣ безпристрастенъ, все пересмотрю съ полной точностью, и ошибки нашихъ соціалистовъ будутъ названы ошибками. Словомъ, всякая политическая острая черта будетъ устранена. Устраню даже все трогательное, драматическое, и только расплету эту спутанную теперь косу на косички“. (Г. Успенскій въ годы безвременья, В. Розенберга, *Русскія Вѣдомости*, 1912 г., № 213.) Эти письма, конечно, яснѣе, чѣмъ всякія догадки, показали бы подлинныя мысли и чувства Успенскаго, затемненные благочестивой легендой о его близости къ народовольчеству, какъ къ партіи.

IX.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ имя Глѣба Успенскаго было однимъ изъ популярнѣйшихъ у русской читающей публики. Вѣчная тревога его души отражала и тревоги огромной массы все разраставшейся численно русской интеллигенціи. Нетерпѣливо требовательное сердце заражало и другія сердца тою же жаждою „изъ этой тоски, тьмы и смерти выбираться на бѣлый свѣтъ, къ „живой заботѣ о живомъ“, къ

простому человѣческому взгляду на человѣка и его желанія“ („Простое слово“).

Съ 1883 года стало выходить въ изданіи Павленкова первое собраніе сочиненій Успенскаго (въ восьми томахъ). Оно дало возможность критикѣ полнѣе оцѣнить талантъ и литературную физіономію Г. Успенскаго. Въ противоположность тѣмъ сдержаннымъ отзывамъ, какіе были вызваны тремя томиками базуновскаго изданія, новое изданіе было встрѣчено очень тепло. Кромѣ извѣстной статьи Михайловскаго, должно отмѣтить статью въ *Вѣстникъ Европы*, подписанную К. К. (Арсеньевъ) (1883 г., № 11). Здѣсь отмѣчено впервые, что „на настоящую свою дорогу г. Успенскій вышелъ въ семидесятыхъ годахъ; только тогда, измѣнивъ и предметъ изученія и способъ изображенія его, онъ создалъ тотъ литературный родъ, который инымъ кажется литературною уродливостью, а намъ—оригинальнымъ, но законнымъ расширеніемъ области искусства“...

Въ собраніе сочиненій Успенскаго вошли далеко не всѣ произведенія его, печатавшіяся въ болѣе раннихъ сборникахъ, а то, что было включено въ новое собраніе, подверглось иногда существеннымъ сокращеніямъ. Пропуски удержались въ значительной части и въ послѣдующихъ собраніяхъ, не исключая посмертнаго. У насъ нѣтъ данныхъ рѣшить, были ли совѣтчики у Г. И., когда онъ редактировалъ свое собраніе. Въ литературѣ объ Успенскомъ было лишь категорически высказано мнѣніе, что его литературные друзья, „на основаніи этой дружбы, самымъ губительнымъ образомъ вліяли на направленіе прекраснаго чуткаго художника“, причемъ указано было въ особенности на „сильное давленіе“ Михайловскаго (П. Быковъ, „Г. И. Успенскій“, *Биржевыя Вѣдомости*, 1902 г., № 83). Указанія г. Быкова здѣсь же на давленіе со стороны редакціи *Отечественныхъ Записокъ* было бы возможно провѣрить только по рукописямъ и корректурамъ. Но, дѣйствительно, послѣ 1880 года, когда Успенскій сталъ особенно близокъ къ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*, въ его писаніяхъ мы находимъ, пожалуй, больше совпаденій съ общимъ направленіемъ изданія, чѣмъ ранѣе. Очевидно, напримѣръ, „Злая новости“ совершенно выходили изъ рамокъ народническаго настроенія и потому могли быть исключены изъ собранія, помимо соображеній о недостаточной яркости ихъ въ художественномъ отношеніи. Въ общемъ замѣтно, что Г. И. былъ очень чувствителенъ къ разнаго рода упрекамъ. Такъ, онъ безъ нужды смягчалъ и выкидывалъ штрихи, картинки и сценки, казавшіеся ему каррикатурными, преувеличенными, о чемъ неоднократно говорила критика въ семидесятые годы. Очень и очень многое желательно бы возстановить въ будущемъ критическомъ собраніи его сочиненій.

Въ то время какъ литературная слава Успенскаго упрочилась, жизнь

шла своимъ чередомъ со всякими личными и семейными тревоженіями и неизмѣнными матеріальными затрудненіями. Тяжелое время, наступившее съ 1881 года, помимо исчезновенія ряда дорогихъ Успенскому людей, давало себя знать административнымъ вниманіемъ и лично къ нему. Такъ, въ началѣ іюня 1882 года въ Чудовѣ возникла характерная исторія, о чемъ онъ писалъ Е. С. Некрасовой (неизд. письмо): „Наканунѣ моего возвращенія изъ Москвы домой, къ сельскому старостѣ нашей деревни, въ первомъ часу ночи, явился какой-то человѣкъ и, разбудивъ всю семью, объявилъ себя агентомъ тайной полиціи, потребовавъ, чтобы староста составилъ протоколъ обо мнѣ, что я социалистъ-заговорщикъ, что у меня въ 6 верстахъ отъ Чудова на мызѣ живутъ „подручные“, куда я и ѣзжу для совѣщаній, и чортъ знаетъ что. Протоколъ составили, подписали и приложили печать. Теперь идетъ дѣло. Все это сущій вздоръ, конечно, но дѣло идетъ, всѣ толкуютъ обо мнѣ, никто ничего не знаетъ, но всѣ косятся, пугаются, требуютъ расчета, всѣхъ обуяло злое подозрѣніе... Замѣчательно, что этотъ проходимецъ получилъ мѣсто послѣ этого доноса у слѣдователя и теперь переписываетъ у него бумаги. Я увѣренъ, что даже изъ желанія оправдаться въ ложномъ доносѣ, который непременно будетъ доказанъ, онъ начнетъ путать меня и болтать про меня Богъ знаетъ что въ трактирахъ, на станціи съ крестьянами, которые очень подозрительны къ господамъ, и т. д. Словомъ—никуда я не поѣду... Я совершенно разстроенъ и духомъ и тѣломъ“. Этотъ нелѣпо тягостный эпизодъ Успенскій разсказалъ тогда же въ печати („Подозрѣваемые“, *Отечественныя Записки* 1882 г., 9 и въ серіи „Богъ грѣхамъ терпитъ“); видимо, пережиты лично Успенскимъ были и инныя подобныя проявленія тогдашняго жутко враждебнаго и подозрительнаго отношенія къ интеллигенціи („На травкѣ“ *Отечественныя Записки* 1882 г., № 6 и „Вмѣсто предисловія“ къ „Волей неволей“, эпизодъ съ Кузьмой, *Отечественныя Записки* 1884 г. № 1).

Закрытіе весною 1884 года *Отечественныхъ Записокъ* поставило Успенскаго въ крайне тягостное положеніе. Сотрудничество въ *Русской Мысли*, начатое было въ концѣ 1881 г., налаживалось первое время плохо. Послѣ закрытія *Отечественныхъ Записокъ* Успенскій, недовольный неаккуратностью конторы *Русской Мысли*, писалъ Некрасовой: „Я у нихъ работать не буду. Пришлось итти къ Стасюлевичу, и онъ видя, что мнѣ дѣваться некуда, далъ мнѣ за листъ 150 рублей“ ¹⁾. *Отечественныя Записки* ничего мнѣ не дали (очевидно, при ликвида-

¹⁾ Вмѣсто 200 руб., которые платили *Отечественныя Записки* и *Русская Мысль*. Стасюлевичъ выдалъ Успенскому авансъ въ 450 руб., котораго писатель такъ и не успѣлъ покрыть.

ціи журнала.—Ч. В-ій), ни копейки, такъ какъ я „настолько извѣстенъ, что меня вездѣ охотно примутъ“, а вотъ публицистамъ и критикамъ некуда дѣваться, поэтому имъ и выдали по 1,000 и 600 рублей. Словомъ, если надо было мнѣ получить наказаніе за что-нибудь—то я его получилъ и положительно едва-едва дышу, не имѣя впереди ничего, кромѣ самой ужасной нужды и тоски безконечной... Однако, порядочно я избитъ и изуродованъ за время существованія *Отечественныхъ Записокъ* и особенно въ послѣдніе годы, и въ особенности въ послѣдніе дни, жестокіе и безчеловѣчные“ (неизд. письмо). Важно отмѣтить, что въ *Вѣстникъ Европы* Г. И. хотѣлъ печатать работы въ совершенно новомъ родѣ, безъ всякаго народничества: „я по этой части сдѣлалъ все, что мнѣ было можно сдѣлать, и пришлось бы переливать изъ пустого въ порожнее“. Успенскій готовилъ для *Вѣстника Европы* „Венеру Милосскую“, попавшую, однако, въ *Русскую Мысль*. („Стасюлевичъ и его современники“, т. V.) „Съ закрытія *Отечественныхъ Записокъ* цѣлая толпа молодежи и всякихъ литераторовъ, какъ мухи, идутъ вразбродъ, работая изъ-за копейки денегъ, — еще жалуется Успенскій А. М. Евреиновой:—Нѣтъ ни уюта (литературнаго,—а домашній есть у всякаго), ни искренняго вниманія къ работѣ, какъ было у Щедрина,—холодно, одиноко и скучно. Вѣло пишется, и не видно—каковъ тамъ читатель у тебя? Въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* опять началось было что-то по-божески... Я именно больше всѣхъ и чувствую литературную безпріютность, одиночество, довольно я помучился съ нелитературными издателями“ (изъ неизд. письма).

Съ теченіемъ времени наладилось сотрудничество Успенскаго въ *Русской Мысли*, а также въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* Евреиновой и въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*; въ послѣднихъ В. М. Соболевскій съ А. С. Посниковымъ очень дорожили сотрудничествомъ Успенскаго и лично привлекали его, что видно изъ многочисленныхъ писемъ къ нимъ (опубликованы въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1912 г. В. Розенбергомъ).

Всѣ писанія Успенскаго этого новаго періода, особенно послѣ 1886—1887 гг., не идутъ въ сравненіе съ произведеніями семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ. Усталость чувствуется во всемъ, и помимо ея—болѣзненная тревога и внутренняя противорѣчивость потерявшей прежнее равновѣсіе мысли.

Х.

Съ закрытія *Отечественныхъ Записокъ* вся личная переписка Г. Успенскаго—сплошной вопль о чемъ-то страшномъ, творящемся въ его душѣ. Литература ему постыла.

Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ недавно опубликованнаго письма къ

Е. Лѣтковой 1884 года: „Миѣ тошно и жутко жить на свѣтѣ и на меня что-то все чаще и чаще стало находить тупое отчаяніе: цѣлыми днями сидишь, какъ каменный, угнетенный цѣлой кучей какихъ-то непріятныхъ, безформенныхъ, тяжкихъ, холодныхъ впечатлѣній, и не видишь свѣта, ни капельки тепла не западаетъ въ душу, и только огромныя усилія надъ собой и удары нужды,—удары, какъ кнутомъ,—только они и заставляютъ встряхнуться и сѣсть за работу безъ всякаго удовольствія. Вотъ отчего я непременно уѣду въ Сибирь“... „Я умру, если не уѣду. Дописываю теперь остатки, какіе еще теплются въ душѣ „отъ стараго“, а новаго нѣтъ у меня ничего,—смерть моя идетъ, Катерина Павловна!“ (Речь 1912 г., № 82.)

„Скучно вамъ, Е. С., добрая вы,—пишетъ онъ Некрасовой:—А миѣ какъ скучно—вы и представить не можете. Такъ жизнь и пройдетъ чортъ знаетъ въ чемъ, буквально, сколько ни живу на свѣтѣ—всѣ хорошія минуты на перечетѣ и если ихъ сложить—такъ дня полного не выйдетъ“ (январь 1885 г., неизд. письмо).

„Екатерина Степановна. Ни къ вамъ придти, ни въ Петровско-Разумовское ѣхать рѣшительно не могу,—пишетъ онъ ей же въ пребываніе въ Москвѣ въ апрѣлѣ того же года—работаю и работаю съ огромными усиліями... я боленъ, боленъ ужасно и долженъ дорожить каждой минутой, когда могу держать перо въ рукахъ. Я дѣлаю надъ собой огромныя усилія, чтобы хоть иногда-то казаться здоровымъ и на что-нибудь похожимъ“. (Неизд. письма.)

Въ письмахъ къ г-жѣ Ломовской-Нелидовой читаемъ: „Очумѣлъ я и отъ деревни и отъ Петербурга, и отъ семейства. Вы хвалите мои послѣднія вещи,—это неправда! Онѣ фальшивы во многомъ, и это нужда заставляетъ. Это даже подло—писать такія вещи! Я чувствую, что подло у меня на душѣ. Вотъ бѣда въ чемъ, Л. Ф!“... Мы уже цитировали то письмо къ г-жѣ Нелидовой, въ которомъ онъ говорилъ:—„не знаю, что со мной творится—такого холода, отъ котораго руки даже коченѣютъ, никогда не было въ моей душѣ, какъ теперь“... Здѣсь же, послѣ выше цитированнаго изліянія о громадномъ значеніи для него встрѣчъ съ такими людьми, какъ Лопатинъ, и пустотѣ, когда люди этого типа исчезли изъ жизни, идетъ слѣдующій рассказъ: „Теперь на меня находятъ такія минуты, что я по три, по четыре дня не могу двигаться съ мѣста, слова сказать. Третьяго дня я былъ одинъ въ деревнѣ, въ пустомъ домѣ и дня за два, за три находился все въ этомъ угнетенномъ душевномъ состояніи. Такъ, третьяго дня я дошелъ до такой степени нервнаго разстройства, что ночью, во время бессонницы, меня обуялъ какой-то непостижимый страхъ, что-то вродѣ какого-то припадка,—я сталъ звать прислугу, стучалъ полѣномъ, чтобы меня услышали, наконецъ, смѣшно сказать, открылъ форточку и во всю мочь сталъ звать на-

родъ, точно меня хотѣли убить. Это продѣлывалось минутъ пять-шесть, и потомъ я очнулся и вижу, что со мной была какая-то чертовщина. Вотъ какъ я разстроенъ. Будь я помоложе, я бы выдумалъ себѣ какое-нибудь утѣшеніе,—но я не молодъ, у меня опредѣленныя заботы, а выдумывать ихъ нѣтъ возможности, я объ этомъ-то и думаю: невозможно выдумать, по крайней мѣрѣ для меня ровно ничего такого, отъ чего бы стало потеплѣй. Если бы и случилось,—такъ я самъ бы прекратилъ это, я отвыкъ, мнѣ нельзя, мнѣ надобно теперь просто только работать для семьи, и работать не литературно: литературную работу я кое-какъ протяну до весны, но весной окончательно прекращаю это дѣло и ѣду въ Сибирь служить“... (Неизд. письмо.)

Лично пережитымъ окрашенъ превосходный трагическій рассказъ этого времени „Не былъ, да и не сказка“, на тему о роковомъ разладѣ въ необезпеченной семьѣ, гдѣ столкнулись, съ одной стороны, интересы материнства и семьи, съ другой—тяготѣніе главы семьи къ болѣе широкимъ интересамъ. И съ душевной болью писано все, что касается въ произведеніяхъ Успенскаго этого періода—женскаго и семейнаго вопроса.

Но сила вещей заставляла его ѣздить все съ тѣми же литературными дѣлами, и писать, писать, воспринимая отъ жизни попрежнему и по преимуществу одни тягостныя впечатлѣнія, въ томъ числѣ въ особенности тяжелый развалъ народной жизни, какъ результатъ обѣднѣнія и ломки народнаго хозяйства (письмо съ юга, о переселенцахъ и т. д.) Къ числу тягостныхъ принадлежали и впечатлѣнія отъ поѣздки въ Болгарію въ 1887 году. Извѣстно, что при изгнаніи Баттенберга и водвореніи въ Болгаріи принца Кобургскаго и режима Стамбулова, во главѣ Болгаріи очутились люди, воспитанные частью въ Россіи и настроенные одинаково съ русской радикальной интеллигенціей (самъ Стамбуловъ и др.). И вотъ, очутившись у власти, они расправляются съ своими политическими противниками (на этотъ разъ поддерживаемыми негласно русскимъ правительствомъ), какъ съ революціонерами, совершенно такъ же, какъ всякое, прежде всего собственныя интересы охраняющее, правительство. Въ Болгаріи завязалась братоубійственная распря. Видѣть вблизи, понять въ чемъ дѣло, потянуло и Успенскаго, какъ потянуло его въ 1876 году въ Сербію. Въ Болгарію онъ собирался еще лѣтомъ 1886 г., но попалъ на Дунай только въ слѣдующемъ году. Но онъ не рискнулъ проникнуть въ самую Болгарію, почувствовавъ, что рѣшительно не можетъ стать ни на ту, ни на другую сторону въ этой кровавой сумятицѣ.

„Дорогой мой Василій Михайловичъ! Вы сердитесь на меня и махнули на меня рукой,—читаемъ въ большомъ черновомъ письмѣ Соболевскому,—и можно и должно это сдѣлать, не зная положенія дѣла. Но вотъ оно какое подлое. Вы можете мнѣ сказать: „два раза ѣздилъ

въ эту Болгарію и два раза не доѣхалъ“. Нельзя мнѣ доѣхать! Въ прошломъ году я боялся сунуться туда въ торопяхъ, т.-е. такъ же легко, какъ идешь въ нашу деревню; боялся навратъ, теперь же совсемъ другое: буквально все люди образованные, всей Болгаріей, сколько ихъ ни есть, относятся ко мнѣ самымъ лучшимъ образомъ, *ждутъ меня*, и вотъ почему мнѣ нужно крѣпко подумать прежде чѣмъ быть среди нихъ. Если бы имя мое и мои произведенія не были извѣстны, и если бы они не были опредѣленны, то-есть, не исключительно художественны, — тогда другое дѣло. Но меня знаютъ здѣсь какъ-то особенно, какъ человека, имѣющаго въ Россіи *какое-то значеніе*, вотъ что бѣда! Буфетчикъ, горничная на пароходѣ, докторъ — все могутъ итти въ городъ, въ Руцукъ (самый центръ теперь борьбы), — если же прійду я, то меня не могутъ оставить такъ, сидѣть гдѣ-нибудь въ саду и пить пиво; меня они должны, и не могутъ этого не сдѣлать въ своихъ видахъ, превознести выше облака ходячаго, о чемъ я сто разъ былъ извѣщенъ. Напримѣръ, въ прошломъ году (только по слухамъ, что я буду) была нанята въ Филиппополь отъ города квартира. Они жаждутъ чего-то истиннаго и думаютъ, что я скажу имъ. Вотъ гдѣ драма, мое глубокое душевное разстройство, горе, отъ котораго я положительно едва живъ.

„Тихоміровъ и его книга „Россія“ (я посылаю ее вамъ на французскомъ языкѣ) — настольная книга ренегатства. Слѣдовательно, мнѣ выдти на берегъ—это значитъ получить оваціи отъ страны, которую я люблю, и которая меня яко бы глубоко уважаетъ,—и слѣдовательно, пропасть въ самой Россіи, такъ какъ я самъ, въ 4 поѣздки по Дунаю, имѣлъ удовольствіе познакомиться съ множествомъ русскихъ шпионовъ, настоящихъ, устраивающихъ революціи, возстанія на русскія деньги. Ядъ, подлецы, даже возятъ—и не смѣешь пикнуть, некуда выскочить; они, шпионы (все это имѣетъ непосредственное сношеніе съ Катковымъ, котораго, кстати сказать, все они ругаютъ подлецомъ. Подробно скажу потомъ). Вотъ положеніе, и вы меня поэтому не осуждайте. Я столько тутъ пережилъ мукъ,—что и рассказать невозможно.

„Словомъ, тутъ нужно *рѣшиться* на самыя рискованныя вещи. Я сразу не могъ этого сдѣлать, но *непремѣнно тамъ* буду, только мнѣ нужно сообразиться и списаться и сдѣлать такъ, чтобы „русская партія“ (т.-е. все катковство, дѣлающее возстаніе, яды и эмиграцію и т. д.) забыло, что я тутъ, близко. Сегодня первый день, что я могу писать даже такъ, какъ сейчасъ, и все время я положительно пропадалъ. Да! Надобно *дѣйствовать* и дѣйствовать *прямо!*—„Ты писатель, сочувствуешь и тому-то и тому-то?—Ну такъ докажи. Бѣда тебѣ будетъ? Плохо? До этого намъ нѣтъ дѣла. Мы вѣдь не боимся разстрѣливать подлецовъ, и не бояться ваши, которые ненавидятъ подлецовъ — умирать. Ты дол-

женъ быть не зайцемъ, боящимся всего этого. Если вы, писатели, пишете то-то и то-то, то и на дѣлѣ пожалуйте!“ Это все вѣрно, правда сущая—но я уже напуганъ. Вздохну, обдумаю, немного укрѣплюсь и, повѣрьте, сдѣлаю *такъ*! Если же я не сдѣлаю такъ, то все чепуха, вся жизнь вздоръ, сочиненіе, пустяки, презрѣнные пустяки! Боже мой, какъ мнѣ опротивѣлъ *здѣсь* Толстой! Какой смрадъ!

„Я говорилъ, что сегодня первый день, что я могу хоть такъ писать какъ сейчасъ. Завтра я также буду работать и напишу кое-что изъ поѣздки по Дунаю. Я никого не обижу, ни болгаръ, ни „русскую партію“, но коснусь только положенія нашего народа и народа болгарскаго, а также теперешнихъ отношеній между русскою и болгарскою *ложью*. Пожалуйста не протестуйте противъ этого. Есть ложь. Наша, нами воспитанная, никому иному не свойственная. Если же эти *новыя* письма будутъ непріятны, то все-таки сохраните ихъ.

„Трудно! Трудно! Встрѣтиться лицомъ къ лицу, со всей нашей подлостью, со всей измѣной человѣку, предательствомъ, скотствомъ (и въ насъ, и въ болгарахъ), все вспомнить, что смягчено одинаково цензурой и самой литературой, что урѣзано капельной политической мыслью газетъ,—все это видѣть безъ стѣсненія, во всемъ видѣть свою долю вины,—нѣтъ, это дѣло не простое и не легкое. Враль? Ну, такъ вотъ полюбуясь, что вышло!

„Въ этомъ письмѣ я сто разъ упомянулъ—я, я, я,—меня уважаютъ, мнѣ оваціи и т. д. Это вовсе не значить, что я говорю о себѣ, о Глѣбѣ Успенскомъ,—а о такомъ писателѣ, который, болгары знаютъ, за нихъ долженъ быть... Это, по ихъ мнѣнію, настоящая сила Россіи, держащая въ своихъ рукахъ все, что въ Россіи искренно. Что же касается лично меня,—то дѣйствительно *знаютъ* и знаютъ хорошо. Лучше чѣмъ я самъ. *Лично* для меня минута большая. Что если все это пойдетъ прахомъ? Тогда надобно будетъ поступить на желѣзную дорогу, а писать ужъ и не смѣть!... Не смѣть. Надо бы „не соваться“,—сиди въ Чудовѣ, скучай, ропщи и „пописывай“—анъ время-то и прошло. Но тутъ-то, отецъ мой, милый Вас. М.—нуженъ *прямой отвѣтъ* на каждое слово. „*Болгарія*,—сказалъ мнѣ одинъ польскій корреспондентъ,—*теперь какъ голый ребенокъ, что съ нимъ будетъ?*“ Дѣйствительно, пережила всякую дрянъ и всю дрянъ разогнала. Что теперь? Что скажетъ *лучшая русская литература*? Ну-ко, что сказать?“ (*Курсивъ Успенскаго.*)

Письмо этимъ и обрывается. Возможно, что кое-кто изъ болгаръ дѣйствительно имѣлъ въ виду увлечь виднаго русскаго писателя, использовать его авторитетъ у болгаръ въ своихъ цѣляхъ и видахъ... Успенскій почувствовалъ здѣсь съ острой осязательностью „отвѣтственность“ за свое слово. Сочувствіе его было на сторонѣ правительственной болгарской власти того момента, и нѣсколько мгновений онъ волновался о

томъ, что непременно долженъ,—иначе не имѣетъ права и писателемъ оставаться,—стать на эту сторону. Но этотъ порывъ такъ и остался не осуществленнымъ, и самое письмо не было отправлено по назначенію.

Вмѣсто того, читатели *Русскихъ Вѣдомостей* и потомъ *Русской Мысли* прочли скорбный рассказъ о „непривычномъ положеніи“. Отправляя въ *Русскую Мысль* свою статью, Успенскій на одномъ изъ листовъ рукописи приписалъ, уже болѣе трезво видя мелочной характеръ партійной борьбы, которой чуждались массы болгарскаго народа (ср. окончаніе статьи): „Не знаю, слѣдуетъ ли все это печатать и обо всемъ этомъ писать? Время подлое, путанное, мелкая борьба мелкихъ чловѣковъ, ничтожныя дразги съ оплеухами. Будетъ ли пріятно это лучшимъ изъ болгаръ и русскихъ читателей?“

„Нисколько не обижусь, если не будете печатать. Я тогда выкину Болгарію изъ головы. Она меня просто придавила, какъ камнемъ, ни одного хорошаго впечатлѣнія не видно изъ-за этой мордобойной борьбы. Какъ хотите, полагаюсь на вашу волю. Г. Успенскій“.

XI.

Удручающія впечатлѣнія жизни и поѣздокъ на нѣкоторое время были сглажены въ душѣ Успенскаго неожиданными для него, при его чрезвычайной скромности, выраженіями симпатій, въ связи съ исполнившимся въ 1887 г. 25-лѣтіемъ его литературной дѣятельности.

Еще весной, до отъѣзда въ Болгарію, онъ былъ смущенъ и пораженъ неожиданной оваціей, которая была устроена ему на литературномъ вечерѣ въ квартирѣ В. А. Морозовой. 24 іюля (день именинъ) онъ получилъ въ Чудовѣ около 20 телеграммъ, много писемъ и два адреса. „Все меня выбрасываетъ,—писалъ онъ объ этомъ А. С. Посникову,—изъ трудовой и, какъ я привыкъ, одинокой жизни. Сочувствіе ко мнѣ и тамъ, и въ Одессѣ, и даже въ Болгаріи все это обязываетъ“.

Но настоящая волна адресовъ и заявленій была пріурочена къ 14 ноября того же года. Въ Петербургѣ Успенскому былъ поднесенъ общій адресъ людей литературы, общества и учащейся молодежи. Общество любителей россійской словесности избрало его почетнымъ членомъ. Въ Москвѣ, въ Эрмитажѣ 17 ноября былъ устроенъ въ честь его (въ отсутствіи юбиляра) банкетъ. Изъ всѣхъ привѣтствій болѣе всего Успенскій былъ тронутъ письмомъ пятнадцати чловѣкъ рабочихъ откуда-то съ Урала. Въ благодарственномъ письмѣ (отъ 6 февраля 1888 г.) на имя Общества любителей россійской словесности Успенскій подробно цитировалъ это привѣтствіе, какъ лучшее опредѣленіе того, чѣмъ онъ самъ больше всего дорожилъ въ своей дѣятельности, именно стремле-

ніемъ къ справедливости, и заканчивалъ „радостнымъ указаніемъ на эти массы новаго трудящагося читателя, новаго свѣжаго любителя словесности“.

„Меня не было въ Петербургѣ,—вспоминаетъ М. К. Цебрикова,¹⁾—когда почитатели его думали праздновать его двадцатипятилѣтній юбилей. Вернувшись изъ поѣздки, я немедленно пошла принести свое поздравленіе и пожеланія любимому писателю, не зная, что онъ отказался отъ юбилея. Прислуга сказала, что Г. И. не принимаетъ, боленъ; черезъ минуту, нагнавъ меня у крыльца, она передала, что приказали просить. Торопливо отвѣтивъ на мое поздравленіе, Успенскій съ сіяющими глазами, вскричалъ: „А вотъ, что я вамъ покажу!“ Онъ досталъ со стола бумагу, адресъ отъ рабочихъ съ Урала. Пока я читала, Успенскій стоялъ, слѣдя за выраженіемъ моего лица и подсказывая инныя слова. Бумага стерлась въ сгибахъ; видно было, что она перешла черезъ немало рукъ, прежде чѣмъ дошла до своего назначенія. Адресъ былъ написанъ самими рабочими, его не составлялъ для нихъ кто-нибудь изъ интеллигентовъ, искусившихся писать литературно. Оставалось желать кое-чего по части слога. Было краснорѣчіе неподдѣльнаго чувства, были настоящія слова. Люди, чья жизнь исковеркана „прижимкой“, чествовали писателя, чья душа изболѣла за жертвъ „прижимки“ и который въ одномъ изъ героевъ своихъ, рабочемъ человѣкѣ Михаилѣ Ивановичѣ, „получившемъ просіяніе ума“ и увидѣвшемъ вездѣ „прижимку“, показалъ одну стадію развитія народнаго типа. Когда я отдала обратно Успенскому адресъ, у меня вырвалось: „Завидно! Для этого стоитъ жить!“ Успенскій отвѣчалъ радостно: „Да. Но что это? Главное—понимаютъ!...“

„Юбилей и адреса провели въ моей жизни значительный слѣдъ,—пишетъ онъ вскорѣ, —и мнѣ надобно на время отстать отъ срочной журнальной работы, сообразить, въ чемъ я погрѣшилъ, отсталъ, чего не додумалъ и что надо бы дѣлать“ (неизд. пис. А. М. Евреиновой).

26 мая Успенскій писалъ, въ отвѣтъ на поздравительное письмо, извѣстному беллетристу-народнику Ф. Д. Нефедову:²⁾

„Филиппъ Діомидовичъ! Простите, что такъ поздно отвѣчаю на ваше любезное и радушное письмо. Искреннее вамъ спасибо! Ваше привѣтствіе я принимаю съ особеннымъ удовольствіемъ: сами вы знаете, что такое литературный трудъ, да еще такой по истинѣ изнурительный,

¹⁾ Воспоминанія г-жи Цебриковой были написаны для *Смоленскаго Вѣстника*, но приводимая часть ихъ была вычеркнута цензурой. Эту часть авторъ переслалъ въ *Самарскую Газету*, но и здѣсь въ свое время оказалось совершенно нецензурно упоминаніе о сознательномъ отношеніи рабочихъ къ литературѣ и уваженіи ихъ въ частности къ Успенскому.

²⁾ Письмо сообщено намъ А. В. Смирновымъ (Владимірѣ губ.).

какъ мой. Я вѣдь безъ передышки писалъ чуть не день и ночь, а послѣдніе годы дошелъ до полнаго изнуренія. Я думаю, что это все видятъ, и радъ душевно, что снисходятъ этому.

„Осенью выйдетъ дешовое изданіе моихъ книгъ (10 частей 3 руб.) и вы, конечно, получите полный экземпляръ тотчасъ по выходѣ. Будьте здоровы, поправляйтесь. Большое спасибо еще разъ.—Вашъ Г. Успенскій“.

Новое собраніе сочиненій, упоминаемое въ этомъ письмѣ, послужило поводомъ новыхъ заботъ и тяжелыхъ тревогъ. Сообщая А. С. Пругавину о готовящемся изданіи, Успенскій пишетъ: „Но есть грозные слухи, что цензура ни въ какомъ случаѣ не выпуститъ этого изданія. Я прошу васъ хранить это въ тайнѣ, никому не говорить, пока не выйдутъ книги. Молва о запрещеніи можетъ подкрѣпить цензуру въ ея зломъ намѣреніи. „Если говорятъ, стало быть что-нибудь есть“. (Изъ неиздан. письма.)

Помимо цензурныхъ волненій и огромной работы по чтенію корректуръ, дѣло было связано съ весьма запутанными счетами Успенскаго съ прежними издателями. Михайловскій, принимавшій участіе въ улаженіи ихъ, пишетъ, что никогда не могъ какъ слѣдуетъ во всемъ разобраться. Произошло какое-то неясное недоразумѣніе между авторомъ, прежними издателями Карбасниковымъ и Павленковымъ и И. М. Сибиряковымъ, купившимъ все произведенія Успенскаго. Близко стоявшая къ женѣ Успенскаго г-жа Починковская видитъ въ этой исторіи даже поворотный моментъ къ душевной болѣзни Г. И.

Не касаемся здѣсь однообразныхъ данныхъ о нескончаемыхъ поѣздкахъ Успенскаго за эти послѣдніе три-четыре года еще сознательной его жизни и писаній, состоявшихъ подъ конецъ въ чисто публицистическихъ замѣткахъ и статьяхъ. Лишь время отъ времени послѣднія прерываются рассказомъ о чисто личныхъ воспріятіяхъ уже заболѣвающего писателя, и здѣсь—страданіе его отъ зрѣлища чужого страданія полно неслыханной остроты. Особенно значительна для характеристики нравственнаго состоянія Успенскаго, его „Квитанція“ (серія „Живыя цифры“); здѣсь жестоко бьетъ нервы истерическая невозможность для этого человѣка не броситься къ страдающему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ изойти въ одной мукѣ. Это не литература, а нѣчто внѣ ея, отчаяніе, вопль о неправдѣ міра.

Неудовлетворенность и нескончаемыя жалобы на себя и на свои писанія, которыя особенно часты и несмолкаемы въ письмахъ Успенскаго, начиная, примѣрно, съ 1884 г.,—связываютъ съ его душевнымъ заболѣваніемъ. Возможно, что тогда шелъ уже долгій и затяжной неврастеническій періодъ надвигавшагося прогрессивнаго паралича. Но едва ли объяснимо одною болѣзью это крайне тяжелое временами

нравственное состояніе писателя и крайнее недовольство собственными писаніями. Передъ нами не просто недовольство взыскательнаго художника. О художественной законченности и полнотѣ вѣдь всегда Успенскій думалъ меньше всего. „Но такъ ужасно тяжело жить, — читаемъ въ его письмахъ, — такая бѣда безконечная тяготитъ надо мною всю жизнь, что едва-едва съ страшнымъ трудомъ и усиліями способенъ только строчить кое-что для хлѣба. Искренности во мнѣ давно, давно нѣтъ. Только нужда... Надо сидѣть съ перомъ и писать, пока не издохнешь... а потомъ вѣдь пишешь положительно съ глубокимъ сознаніемъ, что „не такъ“, а это уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ“ (письмо А. Иванчину-Писареву, 17 апр. 1885 г. *Былое*, 1907 г., X, стр. 47).

Эти самообвиненія въ отсутствіи искренности, признанія, что пишется „не такъ“ легко было бы умножить. Это—горькое сознаніе, что пишется не то, что скрыто гдѣ-то въ глубинѣ сердца и самому еще не ясно, а по шаблону. Если считать *нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ* 1882—1884 годы, то и выходитъ, что „не такъ“ сталъ себя Успенскій чувствовать съ той поры, какъ на его писаніяхъ начала сказываться народническая идеологія! И чѣмъ дальше, тѣмъ было больше и хуже „не такъ“.

Когда вышелъ третій томъ собранія сочиненій, Успенскій разсылалъ его друзьямъ безъ обычной надписи, объясняя, что этого тома „не уважаетъ“: „для меня,—говоритъ онъ въ письмѣ Гольцеву,—онъ надгробная плита... все, что писалось съ 88 г., писалось въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, въ душевномъ разстройствѣ, не предвѣщающемъ ничего, кромѣ гибели... На первомъ томѣ искреннія надписи, а на третьемъ рука пишетъ: „подъ симъ камнемъ погребено... пока еще не тѣло, а сердце сѣдое“.

XII.

Видимо, въ душѣ Успенскаго назрѣвалъ въ это время, оставшійся неразрѣшеннымъ сознательно, настоящій моральный кризисъ и переломъ отъ угнетавшей его глубокое „я“ народовольческой идеологіи. Что въ его душѣ жило явно какое-то глубокое раздвоеніе, это признаетъ, между прочимъ,—правда, мимоходомъ, но какъ бы невольно, и это тѣмъ существеннѣе,—даже г. Аптекманъ въ своей статьѣ „Страница изъ скорбнаго листка Г. И. Успенскаго“ (*Русское Богатство*, 1911 г., кн. 7 и 9), видящій во всемъ пережитомъ въ тѣ годы Успенскимъ только болѣзнь, а не тяжкую драму: „литературное творчество Г. И. остается (въ 80-е гг.) на прежней высотѣ, но свободное его обнаруженіе все болѣе и болѣе подавляется *сознательнымъ* (курсивъ г. Аптекмана), нарочитымъ соображеніемъ; юморъ его, правда, то и дѣло вспыхиваетъ, но все рѣже и рѣже, покрываясь все болѣе и болѣе глухими аккордами стонущей

души... Публицистика, этика, народническая идеология, сформировавшаяся уже окончательно к тому времени, выступают на первый планъ, *еще сильнѣе угнетая стихійное творчество*". (Курсивъ нашъ.)

Переломъ происходилъ, какъ можно усмотрѣть изъ внимательнаго изученія произведеній этого періода, въ сторону толстовства, что можно утверждать вопреки даже собственнымъ заявленіямъ Успенскаго, вродѣ цитированнаго выше отзыва въ письмѣ съ Дуная.

Еще въ очеркахъ о „власти земли“ Успенскимъ владѣетъ, какъ обаятельная сила, образъ толстовскаго Платона Каратаева. Въ серіи „Скучающая публика“ въ главѣ „Трудами рукъ своихъ“ Успенскій дѣлаетъ довольно несвязную попытку соединить воедино міровоззрѣніе Михайловскаго и требованія Льва Толстого трудовой жизни. Не опредѣлить своего отношенія къ идеямъ Толстого, необычайно взволновавшимъ тогда общественное сознаніе, было невозможно. Въ отношеніи къ идеѣ „непротивленія злу насиліемъ“ Успенскій, умѣвшій „неистово ненавидѣть“, продолжалъ высказываться отрицательно, вслѣдъ за Михайловскимъ, горячо полемизировавшимъ тогда противъ Толстого. Но въ то же время Успенскій переписывается и ведетъ бесѣды о Львѣ Толстомъ съ ученикомъ Толстого П. И. Бирюковымъ, и по разсказу В. Г. Короленка собирается въ Ясную Поляну: „давно собираюсь къ нему... Поговорить... о многомъ...“ и потомъ, улыбнувшись, прибавилъ: „Боюсь все. Огромный онъ... А все-таки соберусь непременно... Вотъ укрѣплюсь и поѣду поговорить... о многомъ“. Однажды, на вопросъ, вѣроятно, не въ первый разъ предложенный, не ѣдетъ ли Г. И. къ Толстому, онъ съ явнымъ раздраженіемъ отвѣтилъ: „Поѣду, поѣду... только не теперь“ (сообщено А. Г. Штанге).

Къ Толстому Успенскій не собрался, но въ томъ, что онъ писалъ въ эти годы, кое-гдѣ мы находимъ рядъ заявленій въ новомъ и неожиданномъ для читателей Успенскаго тонѣ. Въ особенности поразило въ свое время окончаніе въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* серіи статей подъ заглавіемъ „Мы“. Послѣдніе очерки были посвящены поѣздкѣ въ Болгарію, и здѣсь вспышка героическаго „противленія“, которую мы видѣли въ неотправленномъ письмѣ Соболевскому, разрѣшилась неожиданною тирадою на тему о томъ, что прежній революціонный путь изжитъ и ненуженъ, что нужна не борьба со зломъ (въ частности, конечно, политическимъ), а прямое утвержденіе и насажденіе добра.

Подводя итоги болгарскимъ своимъ впечатлѣніямъ, Успенскій говоритъ о томъ, что же въ сущности дала Болгаріи „русская идея“, и приходитъ къ весьма печальнымъ выводамъ. Онъ слагаетъ отвѣтственность за бѣдныя результаты нашего вмѣшательства въ болгарскія дѣла, начиная съ ея освобожденія, на общія наши національныя черты, на полную неразвитость въ русскихъ людяхъ способности къ утвержденію

какого-либо добра и прямыхъ культурныхъ цѣнностей. „Русская идея“ въ Болгаріи оказалась годна только на чисто отрицательное дѣло, прогнать турокъ, что не безъ феерическаго блеска мы и исполнили. Такія блестящія фееріи мы вообще мастера разыгрывать: прогнать турокъ, прогнать французовъ съ дванадесятью языками, даже освободить крестьянъ съ землей отъ рабской зависимости. Но дальше чистаго отрицанія зла мы не идемъ. Къ созданію добра на очищенномъ нами мѣстѣ мы, русскіе, рѣшительно неспособны, потому что находимся подъ игомъ насъ полонившей идеи всесія зла.

„Въ русской жизни,—говоритъ онъ,—никогда не было недостатка въ людяхъ, открыто и смѣло выступавшихъ на борьбу со зломъ; но передъ нами, кромѣ зла и неправды, есть еще почти нетронутая область добра... Не убавимъ ли мы зло, направивъ всѣ наши силы на подъемъ въ русской жизни всего, что стремится къ добру, къ свѣту и правдѣ? Поднимемъ благосостояніе народа, исправимъ многочисленныя ошибки въ земельныхъ порядкахъ, устроимъ народный кредитъ, распространимъ грамотность, дадимъ доступъ къ наукѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, чтобы у насъ всѣ прикасающіяся съ народомъ учрежденія были со временемъ полны людей высшаго образованія; усмиримъ заблуждающуюся молодежь, возложивъ на нее множество обязанностей предъ ходящимъ во тьмѣ народомъ; высвободимъ его изъ рукъ кулаковъ и хищниковъ, расточителей его достоянія; облагородимъ и возвысимъ наше культурное общество, воскресивъ изъ праха забытыя имъ общественныя обязанности; воскресимъ святость этихъ обязанностей въ думахъ, въ земствахъ, въ судахъ... Словомъ, станемъ призывать общество къ добру, станемъ ободрять его добрыя стремленія, станемъ всячески поддерживать ихъ и, быть можетъ, въ немъ само собой угаснетъ то стремленіе ко злу, которое стало казаться почти неистребимымъ и въ борьбѣ съ которымъ преждевременно гибнутъ крупныя силы и геніальныя дарованія“.

„Слишкомъ продолжительное сосредоточеніе русской общественной мысли на борьбѣ со зломъ, слишкомъ тщательный анализъ только зла, слишкомъ упорное напряженіе мысли на искорененіи все того же зла и зла—значительно сузило размѣры духовной жизни русскаго чело-вѣка, омрачило его мысль, обезпощадило его сердце, а вѣдь изъ такихъ элементовъ мудрено родиться способности привлекать сердца, пробуждать пламенную любовь и покорять людей силой нравственнаго вліянія. Не пора ли дать русскому омраченному сердцу возможность жить и другими его сторонами, не пора ли ему отдохнуть въ ощущеніяхъ добра и добраго дѣла? Вѣдь еще не пробовали узнать, какъ велико стремленіе русскаго чело-вѣка къ добру. Пора попробовать!“ (*Русскія Вѣдомости*, 1887 г., № 219 отъ 11 августа.)

Въ письмѣ Посникову, редактору *Русскихъ Вѣдомостей*, Успенскій по поводу этой статьи писалъ: „она самая подходящая и ко времени и къ окончанію моихъ болгарскихъ мученій“... Ему же онъ сообщалъ: „Я какъ-то повеселѣлъ, раздѣлавшись съ Болгаріей и съ Катковымъ (т.-е. съ мрачными впечатлѣніями) и со злобой (она была) къ правительству (это не нужно, т.-е. бесполезно совсѣмъ и глупо). Я теперь опять хочу только видѣть людей и ихъ жизнь. Раздражаться... правительствомъ я ужъ больше не буду“ (*Русскія Вѣдомости*, 1912 г. № 213, „Г. Успенскій въ годы безвременья“ В. Розенберга).

Статья Успенскаго съ ея заключеніемъ, этотъ отказъ отъ борьбы противъ зла, отъ чувствъ ненависти, какъ безплодныхъ, произвела въ свое время большое впечатлѣніе и вызвала многочисленные толки. Въ *Недѣль* статья была освѣщена довольно прозрачно, какъ признаніе несостоятельности способовъ борьбы „Народной Воли“, отголоскомъ которой было тогда покушеніе 1 марта 1887 г. на жизнь Александра III. Это желаніе—стать совершенно въ сторонѣ отъ дѣятельности правительства, забыть о ней, видѣть только „людей и ихъ жизнь“, конечно, всецѣло—въ духѣ толстовскаго отрѣшенія отъ политической жизни; на мѣсто питающихъ злобу путей политической борьбы должно такъ или иначе стать прямое утвержденіе добра.

Въ связи со всѣмъ этимъ приходится поставить и то значеніе, которое въ это время имѣла близость Успенскаго къ своеобразному народнику-культурнику С. Н. Кривенку. Въ представительницѣ этого направленія, *Недѣль*, въ эти годы появилось нѣсколько рассказовъ Успенскаго; за этимъ журналомъ онъ внимательно слѣдилъ, иногда въ дружескихъ запискахъ къ Я. В. Абрамову указывая, что и о чемъ надо написать въ *Недѣль*, и тому подобное. Письма Успенскаго къ Кривенку еще ждутъ опубликованія.

Наконецъ, нужно отмѣтить черту, прошедшую также въ связи со всѣмъ этимъ черезъ рядъ писаній Успенскаго этой поры. Онъ жадно ищетъ въ русской и народной жизни „отрадныхъ явленій“; хватается, какъ уже отмѣчено, за мечтательныя утопіи; задается вопросомъ, куда дѣвался „хорошій русскій типъ“ подвижника и учителя добра, какими были въ старину люди, признанные позднѣе церковью святыми („Родіонъ-радѣтель“); съ рѣдкимъ теплымъ чувствомъ изображаетъ, напри-
мѣръ, „слѣпотаго пѣвца“, утѣшающаго народъ исполненіемъ священныхъ пѣснопѣній подъ фисгармонію; въ рассказѣ „На минутку“ съ увлеченіемъ передаетъ, сколько добрыхъ дѣлъ внесено въ народную жизнь такимъ случаемъ, какъ перенесеніе образа Богородицы изъ одного города въ другой, когда порывъ народной души пріютилъ и накормилъ тьмы темъ несчастнаго голоднаго и убогаго люда. Въ поискахъ отраднаго сочиняетъ свою Анну Петровну, земскую акушерку, которая обла-

годѣтельствовала цѣлую округу, во время вмѣшавшись въ кулацкую плутню и обличивъ предъ крестьянскимъ банкомъ кулацкую затѣю, имѣвшую въ виду закабалить крестьянъ.

Въ духѣ чисто толстовскаго отрицанія власти государства, войны и капитала и всего склада современной культуры, наконецъ, не вошедшій въ собраніе сочиненій набросокъ Успенскаго въ серіи „Грѣхи тяжкіе“— „Самъ да не свой“ (*Русская Мысль*, 1888 г., № 10). Это очень необработанный, но ясный по настроенію эскизъ на тему о порабощающей, уничтожающей человѣческую личность власти надъ человѣкомъ „мѣсть“— мѣста урядника, священника, почтальона, должности *королевы* (въ то время шумѣла сульба сербской королевы Натали, у которой былъ отобранъ ея сынъ) и проч., что соотвѣтствуетъ, впрочемъ, давнему непокорному настроенію Успенскаго по отношенію ко всякому принужденію и насилію.

Наконецъ, остается напомнить рассказы близко наблюдавшаго за Успенскимъ Короленка; въ нихъ передана не менѣе осязательно дрожь страданія за человѣка, который вотъ здѣсь сейчасъ, предъ каждымъ изъ насъ, какая, можно сказать, не покидала Успенскаго и сдѣлала его воистину великомученикомъ безмѣрно чуткой, всескорбящей совѣсти.

Въ этомъ было и снова явно выразилось сродство настроеній и образовъ Успенскаго съ глубокимъ религіозно-моральнымъ вѣяніемъ русской литературы. Превыше своего чисто художественнаго таланта, даже никогда не думая о немъ, Успенскій, какъ Гоголь и Толстой, поставилъ служеніе чисто личному моральному началу. Какъ нѣкогда Гоголь (см. „Свѣтлое воскресеніе“), Успенскій уже съ семидесятыхъ годовъ повторялъ свой упрекъ русской интеллигенціи въ отвлеченномъ, не дѣйственномъ чувствѣ добра (человѣчество современный человѣкъ готовъ обнять,—говорилъ Гоголь,—но брата не обниметь), и то же, конечно, составляетъ и содержаніе всей моральной проповѣди Толстого, отъ первыхъ произведеній какъ Люцернъ, и кончая послѣдними годами: вездѣ сила непосредственнаго братскаго порыва поставлена превыше всякой филантропической, но головной, отвлеченной идеи... Вспоминается, наконецъ, и Достоевскій съ его идеями всеобщей виноватости.

Очень осторожно, но тѣмъ болѣе вѣско, Короленко указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Всю свою жизнь онъ отдалъ на служеніе любви и правдѣ, не теоретизируя объ ихъ конечномъ источникѣ... Однако, въ послѣдній періодъ его жизни въ его рѣчахъ и писаніяхъ слово „Богъ“, „Нѣтъ Бога въ душѣ“—попадались часто, и мнѣ кажется, что въ нихъ было больше, чѣмъ простая форма выраженія извѣстной мысли. Можетъ быть, уже тогда въ взволнованной душѣ Успенскаго вставали образы и мысли, которые впоследствии (въ явномъ безуміи—Ч. В.—ій)

отлились въ опредѣленные представленія инокини Маргариты, ангеловъ, Бога“...

Думается, все это было подготовлено въ душѣ Успенскаго и назрѣвало задолго до болѣзни.

ХІІІ.

Медленно сплетаясь и связываясь, физическія и моральныя причины, личныя и общественныя, привели Успенскаго къ душевной болѣзни. „Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь была по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце“. Это Успенскій писалъ о Гаршинѣ, но то же было и съ нимъ самимъ, также безпощадно была обнаженные нервы его души безумная реакція 80-хъ годовъ. И въ то же время онъ горѣлъ, сознавая это, въ „самоубійствѣ непрерывнаго писанія“ (неизданное письмо Гольцеву). „Въ теченіе 15 мѣсяцевъ съ августа 84 по декабрь 85,—пишетъ онъ,—напримѣръ, А. М. Евреиновой: „я долженъ былъ написать до 40-ка печатныхъ листовъ. Были такія обстоятельства, которыя заставляли меня дѣлать такія дѣла, рѣшительно не соотвѣтствующія моей совѣсти“ (неизданное письмо отъ 5 января 1886 г.).

Это давно пугало: въ 1885 г. А. Скабичевскій („Русская литература въ 1884 г.“, *Русскія Вѣдомости*) напечаталъ: „страшно за автора и непонятно, какъ это можно изъ мѣсяца въ мѣсяць не писать, а переживать, выстрадывать такія вещи („Волей неволей“ и „Скучающая публика“), непрестанно горѣть и до сихъ поръ не сгорѣть“... Въ 1891 г. болѣзнь была уже явной.

Слѣдить за холоднымъ ужасомъ болѣзни Успенскаго мы не будемъ; она сначала то обострялась, то ослабѣвала, и друзьямъ иногда казалось, что писатель еще вернется къ литературѣ. Къ сожалѣнію, печатныя извѣстія о болѣзни попадали на глаза и больному, отягчая его тяжелое состояніе. Въ свѣтлые промежутки онъ очень мучился явнымъ и для него самого паденіемъ таланта. Въ его бумагахъ, напримѣръ, сохранилось черновое письмо въ *Русскую Мысль*, въ которомъ онъ, ссылаясь на свою душевную болѣзнь, просилъ читателей не винить редакцію за помѣщеніе такой слабой вещи, какъ статья „Выдался депекъ“. При послѣдней встрѣчѣ съ Е. К. Лѣтковой, онъ говорилъ много, бормоталъ точно съ самимъ собою, одно было ясно въ его рѣчи: „Гдѣ мой читатель? Не вижу! Стѣна... Въ стѣну бросаю слова, мысли, душу... Не слышу отзвука... Нужно ли ему это?... И кто онъ? Кто онъ?..“ (*Речь*, 1912 г., № 82).

Въ болѣзни Успенскаго прошла яркая полоса религіознаго бреда.

„Несомненно,—говорить объ этомъ Короленко,—что въ этомъ изстрадавшемся чужими страданіями подвижникѣ литературы проснулся обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской порою жестокой, порою простодушной родной старинѣ“... Но не только Парамонъ-юродивый, но и прежній „народникъ“ еще долго жилъ въ душѣ Успенскаго. „Смотрите на мужика, всетаки смотрите на мужика“, говорилъ онъ больной Короленку, а позднѣе, живя въ психіатрической лѣчебницѣ новгородскаго земства въ Колмовѣ, писалъ планы, что надо дѣлать для народа: „завести во всѣхъ безконечныхъ деревняхъ безконечныя посѣвы травъ“, „устроить во всѣхъ деревняхъ безконечныя крестьянскіе банки и безконечныя народныя школы“, „завести по всѣмъ селамъ и деревнямъ безконечныя столовыя для дѣтей малолѣтнихъ и престарѣлыхъ“ и т. д.

Въ такихъ заболѣваніяхъ, какое сразило Г. И., рѣдко такъ долго и устойчиво держится основное, что въ личности человѣка составляетъ ея глубокое изначальное ядро. Въ теченіе ряда лѣтъ поражала наблюдателей устойчивость идеальнаго начала въ борьбѣ противъ всего низменнаго (противоположеніе въ бреду святого Глѣба плотяному, свинскому Иванычу и пр.). Въ первыхъ стадіяхъ разложенія личности явно держалось также неразрѣшенное настроеніе, которое владѣло Г. И. съ половины восьмидесятыхъ годовъ, стремленіе къ новому міровоззрѣнію, отъ угнетавшей его психику законченной народнической революціонной идеологіи съ противными его натурѣ, допускаемыми въ ней, элементами злобы и насилія.

Особенно жѣненъ въ этомъ смыслѣ, безо всякой задней мысли, необычайно художественно и, слѣдовательно, правдиво воспроизведенный, жуткій разсказъ Елпатьевскаго о томъ, какъ являлась Успенскому *она*, то „Св. Евфросинія“, то „вся Россія“, то (по разсказу Короленка) „инокиня Маргарита“, „чистѣйшее существо“, воплотившая нѣсколько лицъ, боровшихся и пострадавшихъ въ политической борьбѣ.

„Каждый вечеръ въ рдѣющемъ бѣломъ сумракѣ декабрьской ночи *она* приходила къ нему и, приникши къ морознымъ стекламъ, смотрѣла ему въ глаза и говорила тѣ слова, которыя онъ тѣмъ же горестнымъ шопотомъ коротко и несвязно передавалъ мнѣ.

„*Она* говорила Глѣбу Ивановичу, что онъ не такъ писалъ и не то писалъ, что нужно Россіи, что онъ пропустилъ самое нужное, самонужнѣйшее и не понялъ самаго важнаго, самаго важнѣйшаго... что Россія—чистая и пречистая, свѣтлая и благодатная, а онъ всю жизнь писалъ про темное, про нечистое, выискивалъ въ ней неладное и нескладное...

„Вѣдь теперь, С. Я., всѣ читаютъ... всѣ читаютъ... А я все не такъ, все не такъ“... (ср. цитир. письмо А. И. Иванчину-Писареву).

„Онъ поднималъ голову и пристально смотрѣлъ въ бѣлѣющія стекла

и своимъ страннымъ жестомъ, вытянутыми двумя пальцами начиналъ мѣрно водить около своей головы, словно слѣдя за чѣмъ-то, что вилось около нея, и своимъ страннымъ полушопотомъ, полусвистомъ говорилъ что-то безсвязное и непонятное и молился онъ, и каялся и давалъ клятвы“...

Конечно, это могли быть только клятвы не въ омрачающей душу борьбѣ со зломъ, а въ прямомъ дѣятельномъ утвержденіи добра.

Судьба была къ нему не совсѣмъ немилостива—въ бреду его посѣщали счастливыя видѣнія. Онъ грезилъ, что „всѣ насильники и злодѣи устыдятся, а всѣ униженные и оскорбленные воспрянутъ духомъ, и на землѣ наступитъ царствіе Божіе“ (разсказъ Н. Михайловскаго). Въ томъ же бреду онъ писалъ блаженно безумныя строки: „Я весь глубокая любовь. Не могу выразить того глубочайшаго счастья, глубочайшей любви, которыя зрѣютъ во мнѣ съ каждой минутой, съ каждымъ днемъ и сулятъ радость жизни въ счастьи и любви на долгіе годы“... „Богъ и любовь къ Богу, и весь воскресъ, каждая капля моего горячаго сердца свидѣтельствовала о величій Бога, и я моментально былъ потрясенъ, испытывая глубочайшее счастье быть охваченнымъ горячею любовію къ Богу. Такимъ-то воскресшимъ въ Богѣ, обновленнымъ свѣтомъ истины и правды я и явлюсь къ тебѣ, ко всѣмъ любящимъ меня. А обновленный душой, глубокой любовію ко всему свѣту, начну новую жизнь писателя“ (изъ письма къ женѣ).

Болѣзнь Успенскаго тянулась долго. Онъ скончался 24 марта 1902 г. Тѣло его погребено 27 марта въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. На могилѣ, 24 ноября 1911 г., поставленъ прекрасной работы бюстъ, изображающій Успенскаго въ пылу увлекающаго его разсказа-бесѣды, одного изъ тѣхъ, въ которыхъ онъ по общимъ разсказамъ былъ такъ неотразимо обаятеленъ и скорбнымъ юморомъ, и искренностью, и проникновенностью, отъ которыхъ „вѣяло геніальностью“...

Учрежденіемъ, напоминающимъ объ Успенскомъ, является школа его имени въ Сябраницахъ (открыта 15 октября 1907 г.) и общество попеченія объ этой школѣ. Школа двухклассная, находится въ вѣдѣніи новгородскаго губернскаго земства. Безсмѣннымъ попечителемъ школы состоялъ до послѣдняго времени скончавшійся въ маѣ этого года другъ Успенскаго А. В. Каменскій. Предсѣдатель общества—В. Г. Короленко, секретарь—одна изъ дочерей Г. И. Общество объединяетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Оно ремонтируетъ школу, снабжаетъ ее учебными пособіями и книгами, даетъ средства на экскурсіи учениковъ и школьные праздники (елка), и т. п. При школѣ открыта также библіотека-читальня. Бюджетъ общества очень скромный—нѣсколько сотъ рублей, но это во всякомъ случаѣ одно изъ немногихъ учреждений подобнаго типа и заслуживаетъ полной признательности и вниманія.

„Обновленный душою, глубокой любовью ко всему свѣту начну новую жизнь писателя“... Новая жизнь больших писателей, какъ Успенскій, начинается послѣ смерти тогда, когда, отходя отъ прошлаго, потомство лучше, чѣмъ при жизни писателя, въ состояніи различить въ чертахъ его вѣчное и временное, основное и наносное, постоянное и случайное. Тогда мѣняются перспективы и точка зрѣнія на писателя, и лишь немногіе выдерживаютъ испытаніе времени и становятся „вѣчными спутниками“ своего народа, а иногда и человѣчества.

Едва ли эта мѣра безсмертія суждена Успенскому, который весь—тревога, весь—дрожь, передъ лицомъ мрака и ужаса всей неправды нашей жизни, а маяки человѣчества горятъ ровно и сильно, или это та-кой костеръ, какъ душа Достоевскаго... Но душу своего времени, душу своего народа Успенскій пережилъ до дна и муки ея отразилъ въ своей жизни и проповѣди. Пока наша боль, наша мука—та же, что боль и мука вчерашняго дня,—а такъ будетъ еще очень и очень долго—намъ суждено постоянно обращаться къ Успенскому. И даже передъ значительностью морально-общественнаго содержанія еще долго будетъ на заднемъ планѣ чисто художественное и историко-литературное значеніе его образовъ, его до сихъ поръ не изслѣдованнаго и не освѣщеннаго критикою необыкновенно оригинальнаго юмора.

„Чтобы писать объ Успенскомъ, нужны слова такіа простыя и тяжелыя, какъ булыжники на мостовой“, слышалъ я отъ одного товарища по перу. Слишкомъ вѣско, слишкомъ серьезно, слишкомъ правдиво его простое слово, чисто эстетическая оцѣнка кажется чѣмъ-то мелкимъ, и блѣднымъ, и ненужнымъ, и тѣнь риторики оскорбительна тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ дорогомъ и интимномъ, о святая святыхъ человѣческаго сердца.

„Сердце сердець“ написано на могилѣ одного изъ идеальнѣйшихъ поэтовъ новаго времени—Шелли. Эта надпись идетъ и къ Успенскому: онъ былъ „центральной натурой“ цѣлой эпохи, ея „сердцемъ сердець“.

Ч. Вѣтринскій.

Современная болгарская поэзія ¹⁾.

Недавно вышелъ сборникъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ: „Болгарска антологія. Нашата поэзія отъ Вазова насамъ“. Сборникъ составленъ двумя писателями модернистскаго направленія, Подверзачевымъ и Дебеляновымъ. Болгарская критика отмѣтила нѣкоторые недостатки этой антологіи, ея неполноту, неудачность подбора стихотвореній, которыми представленъ тотъ или другой авторъ. Тѣмъ не менѣе сборникъ остается весьма любопытнымъ изображеніемъ современной болгарской поэзіи, чрезвычайно цѣннымъ образомъ вообще теперешней болгарской интеллигенціи и, болѣе того, всей болгарской жизни. Я думаю, что эта жизнь заслуживаетъ внимательнаго изученія съ нашей, русской стороны, и потому я рѣшаюсь обратить вниманіе нашей интеллигенціи на это характерное явленіе въ жизни народа, который проявилъ въ эпоху войны съ турками такъ много воодушевленія національной идеей. Несомнѣнно, въ болгарской народной жизни еще много свѣжести и силы, много юношеской вѣры въ себя и въ свое будущее, и тѣмъ характернѣе для нея стремленіе облекаться въ одежды утопченнаго модернизма, культурнаго пресыщенія, глубоко пережитого пессимизма. Вѣдь и это—выраженіе того же желанія усвоить себѣ поскорѣе всю западно-европейскую культуру со всѣмъ ея налетомъ, которое руководить всѣми дѣйствіями молодого царства ²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ современной болгарской поэзіи какъ по указанной антологіи, такъ и по другимъ источникамъ, необходимо предпослать нѣсколько замѣчаній объ общемъ ходѣ развитія

¹⁾ Статья эта была написана еще до начала печальной славянской войны на Балканскомъ полуостровѣ. Событія подтвердили нѣсколько отрицательный тонъ моей характеристики модернизма.

²⁾ Недавно появилась книга нѣмецкаго автора, долго жившаго въ Софіи и рисующаго съ искренней симпатіей современную болгарскую жизнь. Заносный характеръ болгарской культуры отмѣченъ имъ очень живо. W. K. Weiss-Bartenstein. Bulgarien. Land, Leute und Wirtschaft sur Zeit des Balkankrieges. 1913.

болгарской поэзіи въ XIX вѣкѣ. Она создавалась поздно, только въ половинѣ столѣтія, когда болгарское національное освобожденіе отъ греческаго духовнаго порабощенія стало совершившимся фактомъ, и дѣятельность Палаузовыхъ, Априлова, Габровскаго училища принесла свои благотворные плоды: болгары перестали стыдиться своей народности, обратились къ національному языку, и уже началась та долгая и упорная борьба за отдѣленіе болгарской церкви отъ Константинополя, которая закончилась учрежденіемъ болгарскаго экзархата въ 1870 году и подготовила дѣятельную борьбу за народное освобожденіе отъ Турціи. Этотъ первый періодъ болгарской поэзіи можно отграничить освободительной войной 1877—78 гг. Въ эту пору выступаютъ со своими стихами такія оригинальныя и своеобразно-могучія личности, какъ Георгій Стойковъ-Раковскій, Петко Славейковъ и благородный идеалистъ Христо Ботевъ. Раковскій, родившійся въ 1821 году, принадлежитъ еще къ старшему поколѣнію. Его интереснѣйшая біографія, недавно описанная по новымъ документамъ Боби Петровымъ (1910), не лишена авантюризма и темныхъ пятенъ, но въ той обстановкѣ, въ которой приходилось вести свою національную борьбу совсѣмъ малокультурному Раковскому, едва ли могло быть иначе. Разумѣется, поэзія Раковскаго представляла лишь одно изъ средствъ вызвать въ народныхъ массахъ самоуваженіе и надежду на будущее. Раковскій писалъ учебники, издавалъ журналъ, работалъ надъ болгарскимъ словаремъ и въ то же время сочинялъ, именно сочинялъ, стихи, записывалъ народныя пѣсни, въ которыхъ видѣлъ „зборникъ българскыя древности“ и т. д. Его поэма „Горскій путникъ“, вышедшая въ 1857 году, рассказываетъ о четнической борьбѣ болгаръ съ турками, въ которой участвовалъ и самъ авторъ ея. Желая подчеркнуть назначеніе своей поэмы, Раковскій издалъ заранѣе двѣ статьи въ видѣ „Предвѣстника горскаго путника“: одна изъ нихъ излагала событія въ Болгаріи во время Крымской войны, другая представляла переводъ нѣмецкой сатиры на турокъ. Это была поэзія борьбы, весьма мало заботившаяся о художественности и стремившаяся только къ пробужденію отваги и надежды въ народѣ. Такой же характеръ имѣютъ поэтическія произведенія Любена Каравелова, который видѣлъ въ нихъ также лишь орудіе борьбы: это публицистика, облеченная въ весьма неуклюжія стихотворныя формы. Гораздо выше, какъ поэты, Петко Славейковъ и Ботевъ. Первый изъ нихъ прожилъ долгую рабочую жизнь (1827—1895) и испыталъ не мало передрагъ: лучшіе его годы—борьба за освобожденіе болгарскаго народа отъ греческаго гнета, затѣмъ, послѣ освобожденія Болгаріи, Славейковъ былъ и предсѣдателемъ народнаго собранія и нѣсколько разъ министромъ. Но онъ былъ поэтомъ только въ эпоху борьбы за свободу, и самая пламенная часть его души—тамъ. „Сынъ несчастной страны, нищій, рожденный въ самыя тяжкія времена,

я былъ всѣми презираемъ и одиноко жилъ въ мірѣ“—такъ вспоминаетъ Славейковъ годы своей юности въ Константинополѣ ¹⁾. Статьи Славейкова это—непрерывное побужденіе къ дѣятельности. „Встань! Я пришелъ къ тебѣ пѣть, разбудить тебя отъ сна“ или „Разгорается золотая заря, прогоняетъ ночь, чтобы больше было свѣта, чтобы ты пробудился“—такъ непрерывно твердитъ Славейковъ въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 50-хъ годахъ. Лишь иногда его охватываетъ уныніе, и изъ сердца его вырываются плачи, достойные большихъ поэтовъ. Очень сильное впечатлѣніе производитъ элегія „Къмъ сиромаситѣ братя“ (Къ бѣднымъ братьямъ), написанная въ 1873 году, въ эпоху революціонныхъ болгарскихъ комитетовъ и неудачъ. „Бѣдные страдальцы! Малые мои братья! Есть у меня для васъ широкія объятія, горячее сердце, страдающая душа; но они не помогутъ вамъ“. *Какъ да имъ помогна, що мога да сторя?*—тоскливо спрашиваетъ поэтъ (Какъ я имъ помогу, что я могу сдѣлать?) Мотивы упорной и страстной борьбы звучатъ въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ Ботева, рано и героически погибшаго во время попытки болгарскаго возстанія въ 1876 году. Это имя современная Болгарія чтитъ на-ряду со своими величайшими именами борцовъ за свободу. Дѣйствительно, только эта идея жила въ душѣ Ботева, и вся его дѣятельность, литературная и политическая, была посвящена ей. „Не плачь, мать, не тужи, что сталъ я гайдукомъ, гайдукомъ, мать, бунтовщикомъ, что я оставилъ тебя несчастную плакать о своемъ первенцѣ-сынѣ. Прокляни, мать, проклинай эту черную напасть, которая гонитъ насъ, молодыхъ, на тяжкую чужбину: да ходимъ, да скитаемся, немилые, проклинаемые, ненужные. Я знаю, мать, что ты любишь меня, что завтра, можетъ быть, завтра я погибну, когда буду переправляться черезъ тихій бѣлый Дунай. Но скажи, что же мнѣ дѣлать, если ты родила меня, мать, съ сердцемъ мужскимъ, юнацкимъ. Не выдерживаетъ это сердце, когда видитъ, какъ бѣснуется турокъ надъ отцовскимъ очагомъ, тамъ, гдѣ я росъ, гдѣ впервые сосалъ молоко“... Это длинное стихотвореніе было завѣщаніемъ Ботева: вскорѣ, дѣйствительно, онъ погибъ, когда переправлялся черезъ тихій бѣлый Дунай. Такова поэзія этого перваго періода болгарской литературы. Призывы къ борьбѣ, горячая вѣра въ Россію, тоска въ неволѣ—ея мотивы. Для русскаго читателя, который привыкъ связывать съ образомъ императора Николая I инныя чувства, инныя воспоминанія, странно звучатъ стихи Вазова, поэта уже втораго періода, но своими корнями еще восходящаго къ эпохѣ „темнаго рабства“. Вотъ Вазовъ вспоминаетъ свои дѣтскіе годы: „Я былъ малъ, но еще помню. Въ нашей бѣдной, скромной комнатѣ

¹⁾ Прекрасно написанная біографія Славейкова и собраніе его стихотвореній изданы его сыномъ, недавно умершимъ, поэтомъ Пенчо Славейковымъ, въ 1901 году.

висѣлъ подѣ самой божьей иконой выцвѣтшій портретъ. Надѣ нимъ была изображена корона, подѣ нимъ двуглавый орелъ. И часто мать поднимала меня, чтобы я видѣлъ поближе этотъ святой и старый ликъ, и нѣжно говорила мнѣ: дитя, поцѣлуй этого прекраснаго дѣда, поцѣлуй болгарскаго царя. И съ этого времени я полюбилъ его. Когда же я подростъ, то я узналъ отъ отца, что русскій царь заботится о насъ, что турки его ненавидятъ, и что онъ спасетъ насъ отъ нихъ. Когда тиранъ насъ мучилъ, онъ гнѣвно кричалъ на насъ: „Московцы!“ И я понялъ, что отецъ былъ правъ, и повѣрилъ, что царь насъ защититъ!“ ¹⁾ Много воодушевленія, горячаго сочувствія къ слабымъ, пламеннаго самоотверженія внесла въ болгарскую духовную жизнь поэзія этого періода, и эти высшія стремленія человѣческаго сердца придають поэзіи этихъ скромныхъ, неизвѣстныхъ міру пѣвцовъ скорби и борьбы міровое значеніе. Но вотъ исполнилась мечта болгарскаго народа. „Шипка свободна, Шипка свободна, повторялъ Петко Славейковъ, и въ неудержимомъ порывѣ поднималъ руки къ небесамъ и подавленнымъ голосомъ произнесъ: Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое“ (Сочиненія, 55). Вазовъ привѣтствовалъ наступленіе новой эры въ восторженномъ гимнѣ, посвященномъ Россіи и подписанномъ 22 ноября 1876 года. Первые строки этого гимна я привелъ выше. Его окончаніе достойно поэтическаго перевода, но я приведу его въ прозѣ: „О, здравствуй ты, могучая Россія. Весь міръ дрожитъ отъ твоего голоса. Поднимись же, полунощная царица. Мы зовемъ тебя: иди къ намъ! Къ тебѣ взываетъ теперь Болгарія. Насталъ часъ твоего завѣта, исполненія твоей великой миссіи въ этомъ мірѣ. Потому-то ты прославлена и знаменита, и нѣтъ тебѣ другой равной. Потому-то и охватываешь полміра, царства, народы, океаны, и нѣтъ тебѣ предѣла, не обозрѣть тебя, не сосчитать! Вотъ почему Богъ до сихъ поръ хранитъ тебя отъ столькихъ бѣдъ и враговъ, и ты могла сокрушить хана Мамаю и Бонапарта, и врагъ твой пугается, взглянувъ на твою карту. Вотъ почему ты называешься *святой Русью*, и мы тебя любимъ, какъ отца, и мы ждемъ тебя, какъ Мессію. Вотъ почему ты *Россія!*“ Такъ чувствовалъ и Вазовъ, и весь народъ. Россія совершила свою „миссію“. Болгарія была свободна. Наступило время горячечнаго государственнаго строительства, не всегда систематическаго, не всегда чистаго; къ людямъ безупречнымъ, живущимъ идеалами патріотизма, примѣшалось, какъ это всегда бываетъ, не мало любителей половить рыбку въ темной водѣ, и началась такая сумятица всяческихъ вліяній, въ которой для поэзіи ужъ

¹⁾ Ср. Разказы Вазова. Переводъ и вступительная статья А. Сиротинина. 1904. Пользуюсь въ дальнѣйшемъ полнымъ собраніемъ сочиненій Вазова, вышедшимъ въ 1912 году.

совсѣмъ не было мѣста. Строители Болгаріи, которымъ недавно одинъ современникъ посвятилъ такую злую и несправедливую книгу, разрывались между стремленіемъ угодить Россіи, въ которой иногда просто капризничали и не знали, чего желать, и между опасеніемъ попасть уже подъ прямую власть Россіи, превратить Болгарію просто въ задунайскую губернію. И вотъ, наконецъ, произошелъ разрывъ сношеній между молодымъ княжествомъ и „освободительницей“ Россіей. Этотъ разрывъ тянулся больше семи лѣтъ, и вредныя послѣдствія его ощущаются донинѣ и въ Болгаріи, и въ Россіи. Русское литературное вліяніе постепенно падало, Болгарія спѣшила взять съ Запада возможно скорѣе и возможно больше, и эти заимствованія имѣли характеръ чрезвычайной неразборчивости и плохо усваивались публикой. Прежде всего развилась до уродливыхъ размѣровъ партійность. Политика захватила все, и болгарская жизнь была залита потокомъ газетокъ, партійныхъ листковъ. Вырабатывалось поверхностное отношеніе къ обязанностямъ гражданина, чрезвычайная самоувѣренность. Литература спѣшила зафиксировать минутныя впечатлѣнія. Это—отрицательныя стороны тогдашней болгарской жизни (1879—1894). Однако неурядица происходила отъ избытка силъ въ молодомъ народѣ, вдругъ вырвавшемся на свободу, отъ того, что онъ еще не успѣлъ привыкнуть къ новымъ формамъ быта, выработаться въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, переворотъ 1885 года, и стамбуловщина, и режимъ Фердинанда Кобургскаго,—все это были неизбѣжные этапы въ жизни Болгаріи. Только для созданія новыхъ крупныхъ поэтовъ эта эпоха совсѣмъ не годилась.

Продолжаютъ писать тѣ, кто выдвинулся уже въ предшествующій періодъ: Славейковъ, Вазовъ, къ нимъ присоединяются Константинъ Величковъ, Стоянъ Михайловскій, и нѣсколько позже Пенчо Славейковъ, сынъ Петка, Алеко Константиновъ, Антонъ Страшимировъ. Вазовъ не только самый крупный изъ этихъ писателей, но и самый чуткій изъ нихъ. По его стихамъ можно нарисовать цѣлую картину смѣны общественныхъ настроеній въ Болгаріи. Такъ, въ эту послѣднюю войну онъ до такой степени колебался между крайнимъ сербофилизмомъ и сербофобствомъ, въ зависимости отъ того, какъ складывались политическія сербско-болгарскія отношенія, что недовольная имъ сербская печать прозвала маститаго Вазова полуофиціознымъ поэтомъ Болгаріи. Въ этомъ прозвищѣ есть несомнѣнное преувеличеніе, но для него имѣлось основаніе въ той отзывчивости, съ которой Вазовъ откликался на событія дня. Когда русскіе пріѣхали на софійскій съѣздъ 1910 года, именно Вазовъ въ согласіи съ обществомъ привѣтствовалъ ихъ въ своихъ стихахъ, и т. под. До извѣстной степени народъ, дѣйствительно, возложилъ на Вазова обязанность быть его поэтическимъ выразителемъ. Поэтому подробное изученіе поэзіи этого настоящаго сына народа представило

бы интересную смѣну тѣхъ настроеній, которыя переживала за послѣднія сорокъ лѣтъ извѣстная часть болгарской интеллигенціи, именно та часть, которая оставалась при всѣхъ испытаніяхъ и при всѣхъ превратностяхъ судьбы вѣрной старому лозунгу болгарскаго освобожденія: крѣпко держаться Россіи и не терять въ нее вѣры. Здѣсь я могу коснуться поэзіи Вазова, разумѣется, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но я все-таки останавлиюсь на различныхъ періодахъ ея. Поэзія 1875—1880 годовъ вращается почти всецѣло около событій освободительной войны, предшествующихъ и послѣдующихъ событій. Такъ, въ „Сентиментальномъ путешествіи по Европѣ“ (1880) Вазовъ въ остроумной формѣ характеризуетъ европейскія страны. Англія не внушаетъ ему симпатіи. Ёдкія слова осужденія вызываетъ воспоминаніе о лордѣ Биконсфилдѣ, который, дѣйствительно, сыгралъ роль злого генія по отношенію къ Болгаріи. „Потомокъ Іуды, братъ Вельзевула, геній на зло, жрецъ лжи, графъ и лордъ англійскій, извергъ и подлець (sic). Изъ середины Румелии мы шлемъ ему свои вѣчныя проклятія“. Доходитъ рѣчь и до Россіи. Нѣкоторыя строки сильно напоминаютъ путешествіе Мицкевича въ Петербургъ и написаны, вѣроятно, въ подражаніе имъ, но какая разница въ настроеніи! Громадность имперіи вызываетъ въ Вазовѣ иныя чувства, нежели у польскаго генія. Съ восторгомъ онъ говоритъ о „старомъ кремлѣ, священномъ памятникѣ, о стѣну котораго разбился надменный Бонапартъ. Великій завѣтъ онъ хранитъ подъ своимъ гордымъ сводомъ. Тамъ бьется пульсъ русскаго народа. И когда онъ готовъ, когда все готово, тамъ произносится великое слово“ (манифестъ объ объявленіи войны за освобожденіе Болгаріи, замѣчаетъ Вазовъ). Въ восьмидесятыхъ годахъ поэтъ живетъ больше всего художественными впечатлѣніями, но событія несчастной сербско-болгарской войны 1885 года вызываютъ у него сборникъ стихотвореній, въ которыхъ извѣстное боевое настроеніе, не чуждое шовинизма, смѣняется гуманнымъ чувствомъ состраданія къ жертвамъ братоубійственной войны. „Первый убитый сербъ“ возбуждаетъ чувство глубокой жалости къ „несчастному побратимку“, который по волѣ „проклятаго“ Милана не на добро переступилъ чужую границу. Затѣмъ наступаетъ режимъ Стамбулова, и Вазовъ уѣзжаетъ на чужбину, въ Россію. И прежде во многихъ его стихотвореніяхъ, особенно въ сборникѣ „Гусли“, не разъ звучали ноты осужденія и недовольства современнымъ ему обществомъ, но того постоянно удрученнаго настроенія, какимъ проникнутъ сборникъ „На чужбинѣ“ (1888—89), еще не было. Въ Россіи Вазовъ нашелъ мало утѣшительнаго. Онъ съ горечью упоминаетъ, что въ это время (въ 1888 году) „Болгарія дошла до того, что одно упоминаніе имени Александра II считалось преступленіемъ“, и болгарину въ Россіи было тяжело. Эти стихи представляютъ, несомнѣнно, одно изъ высшихъ про-

изведеній болгарской поэзіи. Скорбная тоска по идеалу, чистая гуманность, чувство одиночества „въ изгнаніи“ и т. под. проникають лирическія изліянія Вазова. Кое въ чемъ они роднятъ эти элегіи болгарскаго поэта съ поэтическими переживаніями Мицкевича въ Россіи, и право, была бы интересная задача—сравнить съ этой точки зрѣнія Мицкевича и Вазова. Какъ справедливо отмѣчаетъ г. Сиротининъ, „Вазовъ пріѣхалъ въ Одессу замѣчательнымъ и даровитымъ, но только болгарскимъ писателемъ. Когда въ 90-хъ годахъ онъ возвращался на родину, онъ былъ уже поэтомъ общечеловѣческимъ, исполненнымъ широкихъ и всеобъемлющихъ сочувствій, у котораго можетъ найти откликъ своей душевной скорби и сомнѣніямъ каждый изъ насъ. Онъ пріѣхалъ въ Одессу патріотомъ, выѣхалъ изъ нея мыслителемъ, попрежнему горячо любящимъ свою родину, но уже съ просвѣтленнымъ и умирненнымъ взглядомъ на жизнь“.

Стихотворенія 90-хъ годовъ и послѣдняго десятилѣтія представляютъ результатъ этого тяжелаго душевнаго развитія поэта. Здѣсь есть прелестныя вещи, каковы, напр., „Весенніе сонеты“ (1892), „Во вселенной“ (1892) и мн. др. Духъ этихъ стихотвореній бодрый и радостный. Вѣра въ прогрессъ, который, точно символъ, заставляетъ извиваться желѣзнодорожный путь по горамъ, восторженная любовь къ воздуху, небу, сердцу Болгаріи, призывы къ труду и къ чести,—все это дѣлаетъ Вазова настоящимъ народнымъ поэтомъ Болгаріи, истиннымъ вождемъ молодой болгарской литературы. Если бы Вазовъ писалъ на одномъ изъ распространенныхъ европейскихъ языковъ, онъ бы имѣлъ широкую извѣстность... Впрочемъ, онъ не былъ бы тогда Вазовымъ. „Я любилъ тебя, когда ты была забыта и влачила позорное иго, и всякій призывъ къ лучшей жизни замиралъ надъ тобой, какъ въ пустынь“,—такъ обращается поэтъ къ своей родинѣ. Онъ любитъ ее и теперь, когда она „забыла свѣтлыя задачи и тяжелые уроки“. Форма стиховъ Вазова стала съ теченіемъ лѣтъ чрезвычайно гармоничной, мысль его поднялась на уровень утонченной европейской мысли. Такимъ образомъ, въ лицѣ Вазова болгарская литература обладаетъ большимъ поэтическимъ талантомъ.

О другихъ писателяхъ этого періода мнѣ придется упомянуть вкратцѣ, чтобы перейти къ характеристикѣ современной болгарской поэзіи. Рядомъ съ Вазовымъ надо поставить прежде всего своеобразную личность Стояна Михайловскаго, человѣка совсѣмъ иного направленія, нежели Вазовъ. Современникъ этого послѣдняго (онъ родился въ 1856 году, а Вазовъ въ 1850), Ст. Михайловскій далеко не русофилъ; это одинъ изъ типичнѣйшихъ западниковъ въ новой болгарской литературѣ, какихъ теперь много; и высшее образованіе Михайловскій получилъ въ Зап. Европѣ. Какъ поэтъ, онъ прежде всего пѣвецъ гражданской скорби,

сильный и смѣлый обличитель общественныхъ пороковъ, поэтъ рефлексіи и пессимизма. Человѣку, чуждому болгарской жизни, его сатиры скучны и непонятны; онѣ нападаютъ на извѣстныхъ политическихъ дѣятелей, журналистовъ, обличаютъ взяточничество болгарскихъ министровъ той или другой эпохи. Занимая почетное мѣсто въ болгарской литературѣ, Михайловскій этими сторонами своей литературной дѣятельности не можетъ претендовать на болѣе широкую извѣстность. Но среди его лирическихъ произведеній, выраженій минутныхъ настроеній или длительныхъ состояній души, есть нѣкоторыя, привлекающія вниманіе искренностью тона, силой настроеній, горечью пессимизма. Вазовъ—руководитель, такъ сказать, патріотическаго русофильскаго, консервативнаго направленія въ литературной жизни Болгаріи, Михайловскій является истиннымъ предшественникомъ болгарскаго модернизма, его духовнымъ отцомъ, и, какъ мнѣ кажется, популярность этого вождя стараго македонскаго движенія, борца за „европеизмъ“ въ Болгаріи превышаетъ въ кругахъ болгарской молодежи популярность Вазова, хотя, какъ поэтъ, этотъ послѣдній неизмѣримо выше.

Покойный Константинъ Величковъ (1856 — 1907) былъ не только однимъ изъ лучшихъ поэтовъ, но и однимъ изъ лучшихъ людей Болгаріи. Пламенный патріотъ, онъ участвовалъ въ молодости въ возстаніи противъ турокъ, за что поплатился тюремнымъ заключеніемъ. Послѣ освобожденія Болгаріи онъ былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ въ восточной Румеліи. Переворотъ въ августѣ 1886 года, эпоха Стамбулова заставила и его, какъ Вазова, покинуть родину и скитаться на чужбинѣ, и его произведенія той поры проникнуты глубокой общественной скорбью и тоской по личному счастью. Такъ возникли „Цареградскіе сонеты“, изданные отдѣльнымъ сборникомъ въ 1899 году, и прозаическія описательныя „Письма изъ Рима“ (1895). Въ настоящее время старымъ другомъ Велиčkova, Вазовымъ, издается въ нѣсколькихъ томахъ полное собраніе его сочиненій. „Письма отъ Римъ“ служатъ для современныхъ болгарскихъ писателей образцомъ хорошаго прозаическаго стиля, „Сонеты“—изящны по формѣ, даютъ рядъ живописныхъ картинокъ Константинополя, вводятъ въ настроеніе поэта. Величковъ не можетъ быть причисленъ къ выдающимся поэтамъ, какимъ слѣдуетъ признать Вазова и отчасти Михайловскаго, но это, во всякомъ случаѣ, натура искренно поэтическая, мягко, по-славянски настроенная, отзывчивая и привлекательная. Онъ внесъ въ родную болгарскую литературу духъ спокойной художественности и пониманіе красоты. Сатирикъ Михайловскій, эстетъ Величковъ и яркій выразитель народной души Вазовъ составляютъ отличное тріо.

Прелестная сатира на общественную болгарскую жизнь въ первое десятилѣтіе режима Кобурга принадлежитъ рано и трагически погнѣ-

шему Алеко Константинову (1863—1897). Это—достойное перевода на русский язык юмористическое описание путешествія нѣкоего „Бай-Ганю“, ¹⁾ слегка объевропеившагося болгарина, сохранившаго, однако, въ глубинѣ души всю свою первобытность. Бай-Ганю вмѣстѣ съ кучкой своихъ соплеменниковъ отправляется на выставку въ Прагу, предается тамъ среди „братевъ“ - чеховъ славянскимъ чувствамъ, которыя не мѣшаютъ и коммерческимъ расчетамъ, потомъ отправляется въ Дрезденъ, въ Швейцарію, въ Россію. Алека Константинова еще нельзя назвать реалистомъ въ полномъ смыслѣ слова. У него много шаржа, но образъ Бай-Ганю все-таки встаетъ передъ нами такъ живо и реально, что въ развитіи новѣйшей болгарской литературы въ направленіи къ реализму Константинову принадлежитъ почетное мѣсто. Онъ—настоящій выразитель того здороваго духа, который былъ присущъ этой литературѣ, и немножко грубый комизмъ представлялъ не-безполезную противоположность рафинированному, слащавому модернизму, которымъ увлекалась болгарская молодежь. Сколько такихъ „Бай-Ганю“ было въ эту пору въ общественной и литературной жизни Болгаріи, и какъ своевременно звучалъ совѣтъ, данный имъ писателемъ: „пожалуйста, Бай-Ганю, приглядывайся поглубже къ европейской жизни!“ Алеко Константиновъ имѣлъ задатки крупнаго писателя, и смерть отъ случайной пули, предназначенной для другого, прервала его развитіе такъ неожиданно!

Упомянувъ о Константиновѣ, необходимо назвать и другого писателя-прозаика, Антона Страшимирова, рассказы и романы котораго стремятся къ реализму. Страшимировъ, какъ и современный молодой писатель Елинъ-Пелинъ (Димитріевъ), представляетъ собою недурнаго рассказчика. Произведенія ихъ, пожалуй, нѣсколько возвышаются надъ общимъ уровнемъ болгарской повѣсти. Но сами по себѣ это величины не-крупныя, и едва ли ихъ извѣстность перешагнетъ за предѣлы Болгаріи. Отчасти въ этомъ повинна и та среда, которую они описываютъ: надо обладать талантомъ Толстого, чтобы найти въ жизни деревни „Власть тьмы“. Политическая борьба послѣ отреченія Александра Баттенбергскаго, которая изображена въ романѣ Страшимирова „Смутное время“ (1899), или обычные сельскія радости и горести, или мелко-буржуазная суетня могли дать романтическіе сюжеты, но оставались интересны только для круга мѣстныхъ читателей. Для насъ, не-болгаръ, это только этнографія или исторія въ романической формѣ. Россіи *эта* литература едва ли можетъ много дать. Исключаю отсюда, какъ я уже

¹⁾ Отрывки изъ этого произведенія переведены были на русский языкъ и печатались въ издававшемся въ 1904—1905 гг. въ Одессѣ журналѣ „Южныя Записки“.

упомянулъ, „Бай-Ганю“ Алека Константинова, отрывки изъ котораго стоило бы перевести на русскій языкъ.

Переходя къ болгарской поэзіи сегодняшняго или лишь вчерашняго дня, я укажу прежде всего на оцѣнку ея въ современной критикѣ. Здѣсь можно различить два противоположныя настроенія: одно изъ нихъ представлено консервативной печатью, во главѣ съ журналомъ С. С. Бобчева „Болгарской Сбиркой“, другое—ультра-модерное—находить себѣ выраженіе въ кружкѣ, группирующемся около критика Крстева-Миролюбова, въ сборникѣ „Мысль“, въ журналѣ „Современная Мысль“ (съ 1 янв. 1910 г.), въ названной выше болгарской антологіи и т. п.¹⁾ Чтобы представить всю противоположность указанныхъ двухъ направленій, я приведу нѣсколько данныхъ изъ критическихъ отзывовъ обоихъ лагерей. Сначала обратимся къ консервативнымъ критикамъ—Ник. Атанасову, Хр. Цанкову и Спасу Ганеву. Въ оцѣнкѣ этого послѣдняго „болгарскій модернизмъ“ (Българ. Сбирка, 1911. № 1)—явленіе, осужденное на гибель, не имѣющее никакихъ корней въ жизни. „Жизнь знаетъ свое, и въ недалекомъ будущемъ будетъ произведенъ расчетъ со всѣмъ фальшивымъ и неестественнымъ, какъ бы модно оно ни было теперь. Болгарская херасковщина не долго удержится на модномъ рынкѣ: моды мѣняются быстро, особенно когда онѣ изобилуютъ всяческими недостатками, а херасковщина нигдѣ не пускала здоровыхъ корней. Мы увѣрены, что еще доживемъ до того, что прочтемъ ей надгробное слово“. Въ другой своей статьѣ (Българска Сбирка 1910. № 2) тотъ же критикъ отмѣчаетъ три направленія въ современной болгарской литературѣ: тенденціозность, которая превращаетъ литературу въ арену политической и соціальной проповѣди, подражательный модернизмъ Пенчо Славейкова, Пѣю Яворова, Петко Тодорова и Кирилла Христова и стремленіе къ самобытности, характерное для школы Вазова. Всѣ симпатіи критика, разумѣется,—на сторонѣ послѣдняго. Другой писатель, Ник. Атанасовъ (Бълг. Сб., 1910, № 1), горько осуждаетъ безыдейность современной поэзіи, крайній эгоцентризмъ ея выразителей. Такихъ писателей не интересуютъ то, что дѣлается вокругъ нихъ, „въ душѣ болгарской интеллигенціи“. Однако и Атанасовъ, какъ Ганевъ, пророчитъ скорый упадокъ этого „самогипноза“ писателей и уже видитъ симптомы паденія въ появленіи реалистическаго духа среди молодыхъ беллетристовъ, изъ которыхъ онъ выше всего ставитъ Елинъ-Пелина. Наконецъ, третій и послѣдній по времени появленія его статьи критикъ Хр. Цанковъ (Бълг. Сб., 1912, № 2) идетъ дальше въ своемъ прогнозѣ предстоящаго

1) Въ іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы* г. Крстевъ напечаталъ характеристику современныхъ болгарскихъ модернистовъ, въ которой впалъ въ несомнѣнныя преувѣличенія талантовъ и значенія своихъ литературныхъ приверженцевъ.

упадка модернизма. Онъ отмѣчаетъ поистинѣ убійственное для этого послѣдняго явленіе, именно полное равнодушіе и читающей публики, и критики къ поэзіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на развитіе этой послѣдней Цанковъ уже не смотритъ пессимистически: молодые поэты во многомъ заблуждаются, но въ ихъ поэзіи уже звучитъ иногда новая струна. Къ болгарской литературѣ уже летитъ издалека жаръ-птица, уже слышенъ шумъ отъ ея крыльевъ, уже горятъ зори, предвѣщающія грядущій лазурный день болгарской литературы. Дѣйствительно, въ Болгаріи въ эти годы бодрого движенія впередъ не было мѣста для пессимизма.

Если мы обратимся къ критикѣ модернистскаго направленія, то здѣсь мы увидимъ настоящее ликование по поводу развитія современной поэзіи. Наилучшій выразитель этого направленія, Крстевъ-Миролюбовъ, сдѣлалъ много для ознакомленія съ представителями этой школы и другихъ славянъ. Рядъ его статей помѣщенъ въ органѣ прогрессивнаго чешскаго славянофильства „Slovansky Přehled“ Чернаго: такъ онъ считаетъ Пенчо Славейкова крупнѣйшимъ поэтомъ своего времени, истиннымъ выразителемъ болгарскаго національнаго характера, Тодорова онъ восхваляетъ за его удивительное проникновеніе въ народную душу и т. д. Тѣ же похвалы повторяетъ за нимъ чешскій писатель Зд. Броманъ (Slov. Přehl., 1912 г., № 7—8). Въ его оцѣнкѣ Пенчо Славейковъ—„самая широкая, всесторонне одаренная поэтическая личность во всей болгарской литературѣ вообще“, Яворовъ „великолѣпный лирический поэтъ“, такой же великолѣпный лирикъ и К. Христовъ и т. д. Далѣе, „великимъ болгарскимъ пѣвцомъ“ называетъ недавно умершаго Славейкова и польскій критикъ Jan Grzegorzewski (Sw. Słowiański, 1912, № 92—93), повторяющій, въ сущности, оцѣнку, которая дана покойному вождю болгарскаго модернизма его приверженцами. Итакъ, Херасковъ—по отзывамъ однихъ, величайшій лирикъ—по мнѣнію другихъ: что же, въ дѣйствительности, представляетъ этотъ поэтъ, и какое значеніе имѣетъ направленіе, яркимъ выразителемъ котораго онъ былъ? Попытаюсь разобраться въ этомъ, исходя прежде всего изъ „Болгарской антологіи“ Дебелянова и Подверзачева. Здѣсь собраны произведенія 35 новѣйшихъ поэтовъ, но этимъ числомъ далеко не исчерпывается число нынѣ здравствующихъ и печатающихся болгарскихъ поэтовъ. Каждая новая книжка журнала приносить новыя имена. Можно сказать, что болгарское общество прямо охвачено какой-то стихоманіей вопреки увѣреніямъ консервативныхъ критиковъ, что общество равнодушно къ поэзіи; стихи вырастаютъ, какъ грибы послѣ дождя, и если, по отзыву приведенной статьи консервативнаго критика, болгарское общество равнодушно къ поэзіи, то это можно отнести только къ ея „положительнымъ“ людямъ, къ чиновной и торговой средѣ. Молодежь усердно пишетъ и читаетъ стихи. Быть можетъ, въ этомъ особенно ярко обнаруживается юношеская свѣжесть современнаго

болгарскаго общества. Характерно и то, что въ изданіяхъ обоихъ лагерей печатаются поэтическія произведенія того самаго направленія, которыя встрѣчаютъ въ „Болгарской Сбиркѣ“ рѣзкое осужденіе, а въ „Современной Мысли“ похвалу и поощреніе. Это указываетъ на то, что, въ сущности, вся болгарская поэзія переживаетъ одинъ и тотъ же процессъ, и что этотъ послѣдній является такъ же органически необходимымъ, какъ въ извѣстномъ возрастѣ пишетъ стихи чуть не всякій юноша. Онъ пишетъ потому, что инстинктивно „нащупываетъ“ новыя чувства, еще невѣданныя прежде настроенія, самъ „сочиняетъ“ эти чувства и ищетъ имъ соотвѣтствія въ картинахъ природы, заимствуетъ ихъ повсюду: у своихъ учителей и у иностранныхъ поэтовъ. Такъ онъ обогащаетъ свой духъ, расширяетъ свой сердечный опытъ, становится способенъ понимать все и всѣхъ. Вотъ этотъ-то процессъ и переживаетъ молодая болгарская поэзія.

Общепризнаннымъ вождемъ ея является Пенчо Славейковъ, сынъ стараго Петка, человѣкъ, производившій удивительно пріятное впечатленіе. Мнѣ пришлось познакомиться съ покойнымъ Пенчо Славейковымъ лѣтомъ 1910 года, въ дни всеславянскаго софійскаго съѣзда, когда его отрицательное отношеніе къ съѣзду и къ манифестаціямъ болгарскаго общества служило источникомъ разнообразныхъ огорченій для устроителей всего этого торжества. И тогда же въ бесѣдахъ съ нимъ я имѣлъ возможность убѣдиться, что Славейковъ благоговѣетъ передъ идеалами свободной русской литературы и хорошо и тонко разбирается въ томъ, куда помѣстить свои славянскія симпатіи. Было глубокой несправедливостью обвинять его и его кружокъ въ отсутствіи патріотизма, какъ это дѣлали въ пылу распри его противники. Какъ поэтъ, Пенчо Славейковъ пользовался среди молодежи и среди прогрессивныхъ круговъ болгарскаго общества несокрушимымъ авторитетомъ и громадной популярностью. На чемъ она основана? Обыкновенно болгарская критика особенно высоко цѣнитъ его эпическія произведенія и прежде всего недавно вышедшую въ двухъ томахъ, уже очень давно задуманную, поэму „Кровавая пѣснь“. Слѣдуетъ, однако, отдать должное и лирическому таланту Славейкова. Онъ умѣлъ иногда находить въ своей душѣ такіе сильные звуки, такія глубокія чувства, которыя придавали лирической пафосъ его поэзіи. Такъ, въ 1894 году, въ разгаръ новаго режима Фердинанда Кобургскаго, молодой поэтъ разразился стихотвореніемъ на тему, гдѣ его родной край? (Мысль, 1894, стр. 620). „Гдѣ мой родной край? Есть ли родной край та земля, гдѣ я увидѣлъ надъ собой въ первой разъ сіяніе зари? Или это—тотъ прекрасный уголокъ, гдѣ звучитъ материнскій языкъ, гдѣ чудесно шумятъ дубы среди широкаго отцовскаго двора? Гдѣ чудесно шумятъ дубы старыя пѣсни о старыхъ временахъ и навѣваютъ ими глубокой сонъ на тѣхъ,

что непробудно спать? Тамъ живутъ мои братья, только по имени братья; ужъ не согрѣваетъ ихъ душъ любовь и пламя ненависти! Холодно тамъ... Это племя знаетъ только низкія страсти и низкую злобу, и онѣ низвергнуть его въ могилу... И нѣтъ у меня родного края!“

Чешскій критикъ Броманъ справедливо сравниваетъ Славейкова съ недавно умершимъ чешскимъ поэтомъ Верхлицкимъ, который обогатилъ литературу своего народа множествомъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Однако до необычайной плодовитости Верхлицкаго Славейкову всетаки далеко. Онъ ввелъ въ кругозоръ болгарской интеллигенціи главнымъ образомъ нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей, изъ которыхъ ему былъ особенно близокъ по духу, по мечтѣ о сверхчеловѣкѣ Ницше. Какъ лирикъ, Славейковъ выступилъ съ превосходнымъ сборникомъ лирическихъ стихотвореній: „На островахъ блаженныхъ. Антологія. Біографіи поэтовъ съ надписями и стихами, переведенными Пенчо Славейковымъ“ (1910). Это—мистификація. Біографіи вымышленныхъ поэтовъ представляютъ характеристики различныхъ сторонъ души самого поэта, произведенія этихъ выдуманныхъ поэтовъ—его собственные стихотворенія. Утонченность настроенія, поэтическая рефлексія, иногда однако переходящая въ извѣстную разсудочность—таковы основныя черты лирики Славейкова.

Смерть застала поэта за окончаніемъ его обширной поэмы „Кровавая пѣснь“, надъ которой онъ работалъ уже въ концѣ девяностыхъ годовъ. Эта поэма должна была сдѣлаться, по замысламъ автора, національной болгарской эпопеей, вродѣ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. И, когда она появилась, ее дѣйствительно стали сравнивать съ безсмертной поэмой польскаго генія. Думаю, однако, что только громадная переоцѣнка произведенія Славейкова могла дать почву для подобныхъ сравненій. „Панъ Тадеушъ“ Мицкевича—поэма скорби великаго народа въ траурѣ, оплакивающаго былыя несбыточныя грезы и въ то же время улыбающагося своимъ дѣтскимъ мечтамъ. Это—смѣхъ сквозь слезы. „Кровавая пѣсня“ Славейкова—исторія борьбы за свою свободу молодого удачливаго народа, который развѣ только съ благоговѣйной признательностью можетъ вспомнить о герояхъ, погибшихъ въ тогдашней борьбѣ, и съ гордостью утѣшить себя тѣмъ, что ихъ борьба увѣнчалась, наконецъ, побѣдой. Но балканскіе гайдуки по своему настроенію, культурѣ, быту, по всему складу своей души безконечно далеки отъ своеобразнаго міра литовской шляхты и ея традицій. Это два разные міра, описанные съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Я не говорю уже о талантѣ: Славейковъ—даровитый поэтъ, но онъ вездѣ оставался бы, какъ поэтъ, талантомъ второстепеннымъ; Мицкевичъ—величайшій, одиноко стоящій геній, жрецъ народнаго культа, прирожденный вождь своего народа. Особыя условія болгарской жизни выдвинули

тонко одаренного, хорошо образованного, проникшагося западными вѣ-
 яніями Славейкова на мѣсто, на которое онъ, пожалуй, не могъ бы
 претендовать по силѣ своего таланта. И это чувствуется особенно ярко
 именно въ его „Кровавой пѣснѣ“. Осужденія критиковъ, сравнивавшихъ
 Славейкова, какъ эпика, съ Херасковымъ, не лишены основанія: для
 обыкновеннаго читателя его поэма безнадежно скучна. Чтобы одолѣть
 эти два тома описаній героической борьбы болгаръ за свою свободу,
 надо имѣть или особенное влеченіе къ „ироической пѣмѣ“, или просто
 огромное терпѣніе. Надо прибавить, что авторъ, въ духѣ ложнокласси-
 цизма, не поскупился и на миеологическій элементъ: среди дѣйствующ-
 ихъ лицъ поэмы выступаетъ и самъ старый Балканъ. Славейковъ
 просто не замѣтилъ, что минуло время длинныхъ поэмъ. Лучшія мѣста
 въ „Кровавой пѣснѣ“ это опять-таки лирическія. Такъ, напр., прологъ
 пѣсни, посвященный дѣтскимъ воспоминаніямъ (Славейковъ родился
 въ 1862 г.), написанъ съ такой искренней тоской по невозвратнымъ
 годамъ дѣтства, что производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Можно
 думать, что вождь болгарскаго модернизма пріобрѣтетъ себѣ на Пар-
 насѣ болѣе прочное мѣсто лирикой, а не эпикой.

Ближе всего къ Пенчо Славейкову по характеру своей тревожной,
 ищущей поэзіи стоитъ Петко Тодоровъ, родившійся въ 1879 г. и по-
 лучившій образованіе на югѣ Франціи, въ Тулузѣ. Тодоровъ такимъ
 образомъ еще въ бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ Пенчо Славейковъ, кажется,
 никогда не бывавшій въ Россіи, является „западникомъ“. Но съ этимъ
 западнымъ духомъ Тодоровъ сочеталъ проникновеніе въ національную
 жизнь. Область, гдѣ онъ родился и провелъ дѣтство, принадлежитъ къ
 числу балканскихъ уголковъ, особенно крѣпко хранящихъ народный
 бытъ. Какъ и Славейковъ, Тодоровъ — представитель оппозиціонной
 интеллигенціи, чуждой славянофильскимъ стремленіямъ и, напротивъ,
 смотрящей въ сторону радикализма и социализма. Онъ началъ писать
 стихи, какъ это бываетъ обыкновенно, рано и уже съ 1898 г. печата-
 лъ ихъ въ органѣ болгарскаго модернизма „Мысль“, издававшемся
 Пенчо Славейковымъ и Крстевымъ-Миролюбовымъ. По словамъ этого
 послѣдняго (Slov. Přehled, 1909, стр. 384), уже въ 1902 году Тодоровъ
 близко примкнулъ къ кружку, издающему „Мысль“. Такимъ образомъ,
 совсѣмъ молодымъ человекомъ онъ уже стоялъ во главѣ движенія,
 имѣвшаго для Болгаріи отнюдь не только литературное, но и серьезное
 общественное значеніе. Особенной славой пользуются „Идилліи“ Петко
 Тодорова, вышедшія отдѣльной книгой въ 1908 году, а среди нихъ
 „Свадьба солнца“, представляющаяся, по утвержденію Славейкова,
 наивысшей философской концепціей въ болгарской литературѣ. Со-
 держаніе этой символической поэмы заключается въ слѣдующемъ. Геній
 Солнце, томясь своимъ вѣчнымъ одиночествомъ, хочетъ найти утѣху

въ земной любви. Но гений вѣчно творить, и солнце, герой поэмы, не находитъ радостей въ земной юдоли: въ жертву выспимъ художественнымъ требованіямъ онъ приносить чувства человѣческаго сердца. Такимъ образомъ, въ поэзіи Тодорова очень ярко обнаруживается та эволюція, которую пережила болгарская поэзія: отъ личнаго, національнаго, конкретнаго она постепенно перешла къ высшему, общечеловѣческому. Въ основѣ какъ этой идилліи, такъ и другихъ произведеній Тодорова лежитъ то или другое представленіе народной лирики или эпики, но повсюду эти представленія возведены въ общее, приобрѣтаютъ общечеловѣческое значеніе. Такой же характеръ носятъ и драмы этого поэта. Символика, игра настроеній, едва намѣченныхъ, летучихъ чувствъ, идеалы крайняго индивидуализма,—все это придаетъ, дѣйствительно, поэзіи Тодорова характеръ „последняго крика“ европейской неоромантики. Но для Болгаріи это, конечно, совершенно заносный товаръ, растеньице, которое вывезено изъ дальнихъ оранжерей и пересажено на еще дикую почву, подъ суровое небо. Ставить крестъ надъ поэзіей Петко Тодорова и предсказывать ей неизбѣжный конецъ, какъ это дѣлаетъ консервативная критика, можетъ быть, еще рано. Во всякомъ случаѣ, нуженъ громадный талантъ, чтобы въ этой области, народу чуждой, создать что-нибудь дѣйствительно народное, а не просто кружковое, что встрѣчаетъ поклоненіе въ кружкѣ, но въ общемъ ходѣ литературнаго развитія народа остается почти безъ всякаго вліянія. Пока такого таланта Тодоровъ не обнаружилъ.

Нѣсколько старше Тодорова поэтъ, который раздѣляетъ его популярность, Пѣю Яворовъ (род. въ 1877 году). Яворовъ—прекрасный лирикъ, свободный отъ декадентскихъ замашекъ Тодорова, отъ „херасковщины“ Пенча Славейкова. Онъ выражается просто и свободно, и основной тонъ его лирики—меланхолія, иногда, можетъ быть, немного напускная, но вѣдь болгарская поэзія еще такъ молода, а молодости такъ свойственно кутаться въ плащъ безнадежности и байронизма. И Яворовъ въ этомъ отношеніи типичный романтикъ. Онъ говоритъ о „странныхъ и зловѣщихъ улыбкахъ“, о безумной любви и безумной ненависти, о раненой груди, о глубокихъ морщинахъ, бороздящихъ мрачное чело, и о презрѣніи къ шумной толпѣ. Все это такія знакомыя намъ по исторіи литературы настроенія, и... такія запоздалыя. Этотъ байронизмъ въ началѣ 20-го вѣка милъ и симпатиченъ, какъ переживаніе старины, какъ, повидимому, необходимая ступень въ поэзіи каждаго народа. Но эти „безсонныя ночи“, эти „тѣни облаковъ“, какъ называются сборники лирическихъ произведеній Яворова, въ сущности, такъ же отстали отъ вѣка, какъ и выраженіе мрачнаго сарказма на лицѣ автора. Чтобы не быть голословнымъ, приведу такое типичное стихотвореніе Яворова: „Чудакъ“. Вотъ оно: „Я видѣлъ его на морскомъ берегу; онъ раз-

сѣянно глядѣлъ въ даль; я встрѣчалъ его въ полѣ, когда онъ брелъ задумчивый, съ опущенной головой. И Богъ знаетъ, гдѣ блуждая мыслями, онъ шелъ съ помутившимся взоромъ, со странной и зловѣщей улыбкой, избѣгая всякой встрѣчи съ людьми. Но свѣтъ не любитъ идущихъ безъ цѣли, и всякій ненавидитъ его, какъ должно, и всякій остерегается его, но никто не назоветъ его глупымъ. На его мрачномъ челѣ глубокія морщины, явные слѣды тяжкихъ испытаній. Вѣчно одинокій въ шумной толпѣ, несчастный, что влачитъ онъ къ могилѣ: какую-нибудь безумную любовь или какую-нибудь безумную злобу? Подобныхъ стихотвореній у Яворова много. „Не старайся узнать, откуда меня, несчастливаго, влекутъ несчастія подъ зноемъ солнца. Не старайся узнать, куда ведетъ меня, пустытника, мой пустынный путь въ покоѣ мрака!“ Или, такъ характерно для байрониста, вѣчно мечтающаго о славѣ и дѣлающаго видъ, что онъ презираетъ ее, Яворовъ раздражается презрѣніемъ по поводу „славы поэты“, въ которой онъ слышитъ лишь обидную и жестокую насмѣшку. Такимъ образомъ, ницшеанецъ Пенчо Славейковъ, символистъ Петко Тодоровъ, байронистъ Пѣю Яворовъ... Какое богатство направленій, вкусовъ, школъ. Но все это—искусственные цвѣты, не живое созданіе народной жизни, еще очень первобытной.

Остается еще коснуться одного поэта, которому, повидимому, достанется слава преемника Вазова. Это лауреатъ „Болгарскаго книжнаго дружества въ Софіи“, Кириллъ Христовъ, чьи стихотворенія были изданы въ 1903 году съ предисловіемъ Вазова, назвавшаго Христова „гордостью балканской поэзіи“. И въ мѣсяцы войны съ турками К. Христовъ пошелъ по слѣдамъ стараго Вазова, выступивъ съ патріотическимъ сборникомъ стиховъ: „На Царьградъ“. К. Христовъ родился въ 1875 г., его первыя печатныя произведенія, вошедшія въ сборникъ „избранныхъ стихотвореній“, относятся къ 1894 г. Вазовъ восхищается тѣмъ, что Христовъ „стоитъ такъ далеко отъ толпы другихъ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ, посредственныхъ или искусственныхъ; какая разница между этимъ истиннымъ поэтомъ и поэтами того типа, къ которому принадлежитъ, напр., вообще трудолюбивый Пенчо Славейковъ“. Уже изъ этихъ строкъ видно, что Христовъ принадлежитъ къ другому литературному *кружку*, чѣмъ Славейковъ или Тодоровъ. Ему старый поэтъ шлетъ свое благословеніе; для тѣхъ поэтовъ онъ не находитъ у себя ничего, кромѣ осужденія. Ихъ „вымученныя пѣсни, не согрѣтыя божественнымъ пламенемъ, отталкиваютъ читателя, даже вооруженнаго наилучшими желаніями!“ Одного только желаетъ старый поэтъ своему молодому товарищу: чтобы его пессимизмъ смѣнился жизнерадостностью.

Заслуживаетъ ли Христовъ такого восторженнаго отзыва, является

ли онъ, дѣйствительно, восходящей звѣздой болгарской поэзіи? На это до извѣстной степени уже дало отвѣтъ десятилѣтіе, истекшее послѣ изданія его „Избранныхъ стихотвореній“. Христову уже подъ сорокъ лѣтъ,—возрастъ, когда поэтический талантъ достигаетъ своего апогея, когда—болѣе того—уже начинается уклонъ отъ поэзіи къ прозѣ. Въ этомъ возрастѣ и Щедринъ, и Толстой удивлялись, что и они когда-то писали стихи. Между тѣмъ Христовъ остался все на томъ же уровнѣ развитія. Онъ не нашелъ ни новыхъ формъ для своего творчества, какія, напр., находили постоянно Пушкинъ или Мицкевичъ, или Словацкій. Напротивъ, поэзія Христова производитъ впечатлѣніе удивительной монотонности; именно не чувствуется въ ней ни той искренности, о которой говорилъ Вазовъ, ни индивидуальности. Нѣкоторое интересничаніе байронизмомъ имѣется и у него. Въ своемъ юмористическомъ „Паспортѣ“ онъ отмѣчаетъ, что глаза у него зеленые, какъ у вѣдьмы, и холодные, какъ *сталь*. Все это приходится сказать, потому что Кириллъ Христовъ, несомнѣнно, былъ переоцѣненъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, быть дѣйствительно недюжиннымъ поэтомъ: въ области лирики онъ даетъ граціозные блики мгновенныхъ чувствъ и болѣе глубокихъ настроеній; въ стихахъ его разбросаны картины природы, навѣвающія думы и чувства; форма изящна.

Если мы обратимся отъ этихъ корифеевъ литературы къ той массѣ пишущихъ стихи, которые наполняютъ болгарскіе сборники и антологіи, то мы увидимъ здѣсь тѣ же явленія, но только, конечно, въ менѣе художественной формѣ. Болгарская поэзія насыщена настроеніями, наводнена лирикой. Увы! все это очень однообразно, не индивидуально, стоитъ въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни и борьбы, и жизнь какъ будто не знаетъ этой безыдейной литературы и идетъ мимо нея. „Давно уже исчезъ ночной мракъ, и утро вдохновеннымъ голосомъ запѣло дѣвственные гимны, но попрежнему темно и глухо передо мной. Въ дубровѣ цвѣтеть веселая весна, тамъ тихо шумятъ ручьи; ихъ шумъ трепещетъ около моихъ устъ, но жажда и зной томятъ меня“ (Ганевъ). „Задумчиво идетъ осенняя ночь; что-то шепчутъ золотые листья; гдѣ-то близко падаютъ и трепещутъ меланхолическіе звуки рояля. Нѣжныя воспоминанія волнуютъ усталую грудь, откуда-то доносится замирающій звонъ... И жизнь медленно катится, какъ безначальный и безконечный сонъ“ (Карановскій). „Я жду: волны нѣжно цѣлуютъ морскія скалы; тамъ вдали просторъ и воля, далеко назади разсѣявшійся туманъ. Я жду: торжественный гимнъ звучитъ въ моемъ сердцѣ, какъ въ свѣтломъ храмѣ. Куда отнесетъ меня море, не знаю... и не хочу знать“ (Раки-тинъ). Таковы типичныя произведенія современной болгарской музыки. Похожія другъ на друга, какъ капли воды, эти созданія цѣлой плеяды поэтовъ совершаютъ однако свое крупное общественное дѣло. Эти поэты—

своего рода войско, которое сомкнутыми рядами идетъ на завоеваніе своей родины культурнаго мѣста въ Европѣ.

Можетъ быть, взятые сами по себѣ, эти болгарскіе поэты не представляютъ крупнаго явленія. Славейковъ, и Тодоровъ, и Яворовъ, и Христовъ—все это величины далеко не первостепенныя, но ихъ значеніе для развитія Болгаріи очень велико. Они создаютъ атмосферу повышенной жизни чувства и мысли, распространяютъ въ обществѣ (среди молодежи особенно) интеллигентныя стремленія и художественныя интересы и вводятъ свою молодую страну въ кругъ европейскихъ культурныхъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ перечисленные мною поэты составляютъ одно органическое цѣлое съ первымъ поколѣніемъ борцовъ за свободу Болгаріи, и Пенчо Славейковъ является прямымъ продолжателемъ дѣла своего отца, Петка Славейкова, когда-то боровшагося въ Константинополѣ за освобожденіе болгарской церкви. Всякій болгаринъ есть прежде всего болгаринъ, и облечется ли онъ въ одежду „лондонскаго дэнди“, или французскаго поэта изъ кабачковъ Латинскаго квартала, изъ-подъ маски выдаются типичныя черты болгарскаго лица, умнаго и пронизательнаго болгарина, „японца Ближняго Востока“, который готовъ перенять отъ стараго Запада не только пушки и фабричную промышленность, но и новѣйшія поэтическія вѣянія, но все это для одной цѣли: во славу Болгаріи. И вотъ теперь, когда разбитая, разоренная и униженная Болгарія переживаетъ черные дни, хочется сказать нѣсколько словъ утѣшенія. Народъ, который сумѣлъ сдѣлать такъ много для своего развитія въ теченіе тридцати лѣтъ, не погибнетъ. Быть можетъ, онъ слишкомъ спѣшилъ въ своемъ стремленіи „стать съ вѣкомъ наравнѣ“, переоцѣнилъ свои силы и надорвался; быть можетъ, онъ далъ себя увлечь злымъ чувствамъ и подчинился авантюристамъ, и забылъ о своемъ братствѣ съ сербами. Но пусть онъ пойметъ „урокъ исторіи“ и съ обычной своей энергіей примется за постройку отъ основанія новаго зданія своей государственности, въ большемъ соотвѣтствіи съ народными силами и требованіями, съ меньшей погоней за модой... А силъ въ душѣ болгарина много.

А. Погодинъ.

Эдуардъ Карпентеръ.

Письмо изъ Англіи.

I.

Дождь не переставалъ лить съ самаго утра. Уставая, онъ на полчаса или часъ, въ видѣ отдыха, сыпалъ мельчайшими каплями, словно сѣялъ черезъ сито, а затѣмъ опять начиналъ лить какъ изъ ведра, какъ будто даже еще съ большимъ ожесточеніемъ, чтобы наверстать потерянное время. Несмотря на это, я бодро двинулся въ путь пѣшкомъ. Отъ желѣзнодорожной станціи Дронфильдъ, лежащей въ 20 верстахъ отъ Шеффилда, мнѣ нужно было пройти верстъ шесть, чтобы добраться до Милторпа, гдѣ вотъ уже скоро 30 лѣтъ какъ живетъ и работаетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей современной Англіи, Эдуардъ Карпентеръ. Я зналъ всѣ его книги, начиная съ наиболѣе извѣстной „Towards Democracy“, первая часть которой появилась въ 1883 г., и кончая послѣдней книгой его „Drama of Love and Death“, вышедшей въ 1912. Я читалъ его „Civilisation“, его „England's Ideal“, его „Love's Coming of Age“, его „Art of Creation“, „Angels Wings“ и др. Но я зналъ, что и сама личность автора высоко интересна, что онъ не только „говорить, какъ пишетъ“, но что и живетъ, какъ пишетъ, и мнѣ страстно хотѣлось взглянуть на Карпентера, посмотрѣть, какъ онъ живетъ, и если возможно, побесѣдовать съ нимъ. Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen.

И вотъ, послѣ долгихъ колебаній и сборовъ, я наконецъ шагаю подъ проливнымъ дождемъ по далекимъ и незнакомымъ тропинкамъ и проселкамъ въ холмахъ сѣвернаго Дербишайра. Кругомъ на поляхъ почти никого не видно. По случаю дождей хлѣба еще не убираются, сѣно не скошено, картофель загнилъ. Лишь по дорогѣ мѣстами встрѣтится рабочій съ ближайшей фермы, покрытый кожаной накидкой или въ макинтошѣ и правящій съ облучка большого воза огромной, медленно отбивающей гигантскими копытами по хорошо уплотненному шоссе, лошадыю. Эти то встрѣчные рабочіе и служатъ путеводителями. Одинъ

изъ нихъ, къ счастью, приближается ко мнѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда съ большимъ недоумѣніемъ я останавливаюсь передъ тремя направленіями. Дорога тянется и влѣво и вправо, а прямо передо мною какой-то немощеный проѣздъ съ выбитыми колеями посрединѣ и съ вытоптанными тропинками по сторонамъ. Издали раздается желѣзный лязгъ, все болѣе и болѣе приближающійся въ мою сторону. Черезъ минутку изъ-за поворота съ лѣвой стороны показывается крупная лошадь, запряженная въ какую-то желѣзную земледѣльческую двухколесную машину, которая при ближайшемъ осмотрѣ оказывается граблями для разбрасыванія по полю навоза. На машинѣ, въ черномъ макинтошѣ и въ котелкѣ, сидитъ молодой человѣкъ съ милымъ интеллигентнымъ лицомъ, брызжущимъ здоровьемъ. Не взирая на дождь, онъ невозмутимо сидитъ на своей желѣзной двуколкѣ, предоставляя лошади плестись тихимъ шагомъ. Я спрашиваю его, не знаетъ-ли онъ, гдѣ тутъ коттеджъ Карпентера.

— Вонъ, за деревьями,—отвѣчаетъ онъ, кивнувъ головой въ сторону холма, поднимавшагося впереди у дороги.—Сейчасъ-же, повыше трактира,—прибавилъ онъ.

Какъ мнѣ ни хотѣлось позондировать молодого человѣка и узнать его мнѣніе о столь выдающемся сосѣдѣ его, я слишкомъ торопился впередъ, чтобы затѣвать долгую бесѣду подъ дождемъ. Цѣль пути была слишкомъ близка, а крыша коттеджа, показавшаяся среди зелени деревьевъ, крѣпко манила подъ свой уютъ и гостепріимство.

У воротъ стоялъ молодой человѣкъ, въ пальто съ пелеринкой и въ башмакахъ съ толстыми чулками, забранными у колѣнъ подъ короткіе штаны, какіе вообще въ Англіи носятъ спортсмены-пѣшеходы и велосипедисты. Это оказался другъ и поклонникъ Карпентера, уже 14 лѣтъ живущій при немъ и исполняющій для него разныя домашнія и хозяйственныя работы. Онъ готовитъ кушанья, печетъ хлѣбъ, стираетъ бѣлье, ухаживаетъ за цвѣтами, роется въ огородѣ и вообще заботится объ удобствѣ жизни своего замѣчательнаго друга.

— Да, онъ у меня уже 14 лѣтъ,—говорилъ мнѣ послѣ Карпентеръ. Онъ мнѣ большой другъ, но не изъ моихъ читателей. Сочиненій моихъ не читаетъ.

Очевидно, Джорджъ Меррилль (имя его друга) былъ плѣненъ Карпентеромъ, какъ человѣкомъ, какъ богато одаренной и привлекательной личностью столько же, сколько его проповѣдью.

Меррилль повелъ меня въ домикъ на дворѣ, построенный такъ, что своей входной дверью онъ обращенъ въ садъ и огородъ, а задней стѣною на дорогу. Домикъ двухъэтажный, специально построенный по плану самого Карпентера. Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются спальни, а внизу столовая, она же пріемная и гостиная и кабинетъ, который от-

дѣленъ отъ столовой лѣстницей, ведущей въ верхнія комнаты. Рядомъ со столовой находится маленькая комната для хозяйственныхъ работъ, здѣсь моютъ посуду, готовятъ матеріалы для кушаній, хранятъ запасы и прочее. Отъ дома посерединѣ сада проложена дорожка, которая тянется до ручья, быстро и шумно текущаго въ концѣ сада, отдѣляя владѣнія Карпентера отъ сосѣднихъ. За ручьемъ, берега котораго заросли деревьями, простирается зеленый лужокъ, поднимающійся на нѣкоторомъ разстояніи довольно высокимъ холмомъ. По обѣимъ сторонамъ дорожки посажены кусты съ цвѣтами, выются высоко по тоненькимъ шестамъ стручковые растенія, выдѣляются хорошо разработанныя грядки съ овощами, а на заднемъ планѣ торчатъ вѣтвистыя яблони, которыя въ наше посѣщеніе были отягощены плодами.

Меррилъ ввелъ меня въ комнату, въ столовую, гдѣ топился каминъ, и повѣсилъ передъ огнемъ мое мокрое пальто; затѣмъ онъ предложилъ мнѣ снять промокшіе сапоги и надѣть пару сухой обуви, но, хлопоча вокругъ меня, онъ въ то же время не забылъ ссейчасъ же доложить обо мнѣ Карпентеру, и къ намъ вышелъ человекъ выше средняго роста, съ маленькой сѣдой бородкой, съ сѣдой головой, одѣтый въ сѣрую пару изъ тужурки и коротенькихъ штановъ, въ чулкахъ и сандаляхъ. Несмотря на свои 68 лѣтъ, мой хозяинъ оказался человекомъ съ удивительно гибкими, молодежавшими движеніями, въ которыхъ рядомъ съ граціей молодости выступала серьезная спокойность зрѣлости. Въ его движеніяхъ не было суетливости, не было ничего неуклюжаго, но въ то же время не было и старческихъ тяжеловѣсности и неувѣренности. Онъ заговорилъ съ мною пріятнымъ груднымъ голосомъ и очень заинтересовался состояніемъ моихъ ногъ и желудка. Меррилъ принесъ мнѣ пару башмаковъ, оказавшихся слишкомъ малыми, и по совету Карпентера замѣнилъ ихъ сандалями, сшитыми самимъ Карпентеромъ. Съ этими сандалями на ногахъ я и пошелъ за Карпентеромъ въ его кабинетъ, гдѣ у насъ завязалась большая бесѣда, въ то время какъ Меррилъ сталъ накрывать столъ въ столовой и готовить мнѣ завтракъ.

Съ перваго же момента моего визита у Карпентера я былъ пораженъ той цѣльностью, той, такъ сказать, закругленностью характера и жизни англійскаго поэта-философа, который, впрочемъ, въ каталогахъ бібліотеки британскаго музея значится „соціальнымъ реформаторомъ“. Его сочиненія, его садъ, возвращенный почти наполовину его собственными руками, его простой и въ то же время изящный домикъ, его сандали и вся его фигура со всей ея домашней обстановкой и общественной дѣятельностью составляютъ нѣчто единое, одинъ какой-то аккордъ, звучный, красивый, полный. Въ русской печати мнѣ пришлось о немъ встрѣчать отзывы, которые обыкновенно сближаютъ его

съ Толстымъ. Повидимому, и самъ Толстой склоненъ былъ считать его себѣ родственнымъ по духу и даже единомышленникомъ по вопросу о наукѣ и религіи, т.-е. по одному изъ центральныхъ вопросовъ ученія великаго русскаго писателя. Вотъ, на примѣръ, что Толстой писалъ въ предисловіи къ переводу очерка Карпентера: „Современная наука“:

„Паша наука, для того чтобы сдѣлаться наукой и дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего *опытнаго* (курсивъ нашъ, С. Р.) метода, по которому она считаетъ своимъ дѣломъ только изученіе того, что есть, а вернуться къ тому *единственно* (курсивъ нашъ, С. Р.) разумному и плодотворному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди... Вотъ это-то признаніе несостоятельности опытной науки и необходимости усвоенія другого метода и показываетъ предлагаемая статья Карпентера“.

На самомъ же дѣлѣ у Карпентера съ Толстымъ — одно только общее: признаніе современныхъ человѣческихъ отношеній и современнаго общественнаго строя неправильными и вредными. Этотъ строй, какъ и старыя отношенія между отдѣльными людьми, должны пойти на сломку, на сносъ, и мѣста ихъ должны занять новыя отношенія, новый строй. Но какъ достигнуть этого обновленія и какова должна быть общественная и человѣческая жизнь, — въ этомъ русскій и англійскій мыслители рѣзко расходятся. Нѣкоторое сходство между первымъ и вторымъ можно открыть и въ идеалѣ опрощенія. Но сходство это, какъ увидимъ дальше, чисто внѣшнее; по внутреннему же смыслу ученіе Карпентера и ученіе Толстого о „простой жизни“ стоятъ на разныхъ полюсахъ.

II.

Прежде всего Карпентеръ не вѣруетъ, а изслѣдуетъ. Основой для его сужденій служить не религія, а наука, которая, въ свою очередь, въ его глазахъ никогда не можетъ считаться непогрѣшимымъ авторитетомъ, чѣмъ-то завершоннымъ и окончательно выясненнымъ. Слѣдуетъ пользоваться научными методами для объясненія природы и проблемы жизни, но не должно догматизировать научные выводы, которые вѣдь никогда не могутъ быть окончательными. Карпентеръ видитъ въ современной наукѣ отдѣленіе логики отъ сознанія, отъ чувства, и въ этомъ находитъ ея слабую сторону. Онъ хочетъ сдѣлать науку „человѣческой“, а не механической, т.-е. наука должна исходить изъ чувствъ и ощущеній, изъ глубинъ человѣческой сознательности, а не изъ однихъ внѣшнихъ фактовъ. При теперешнемъ своемъ направленіи наука очень полезна для достиженія практическихъ результатовъ, но бессильна для объясненія духовной сущности человѣка и всего мірозданія. А Карпен-

теръ не сомнѣвается, что изъ такой духовной сущности и состоитъ именно человѣкъ и весь міръ и что матерія есть только осязаемая форма этой сущности и результатъ ея воли и дѣйствій.

Эти убѣжденія Карпентера въ духовной сущности матеріальнаго міра выражены имъ съ особенной силой во всѣхъ его главныхъ сочиненіяхъ, а именно: въ „Civilisation“, „The Art of Creation“, „Towards Democracy“ и въ его послѣдней книгѣ „The Drama of Love and Death“. И конечно, самое лучшее будетъ, если для выясненія его взглядовъ я приведу собственныя его слова, насколько, понятно, это возможно въ журнальной статьѣ. Нужно сказать, что Карпентеръ, кромѣ замѣчательнаго мыслительнаго аппарата, обладаетъ и выдающимся даромъ слова. Онъ пишетъ съ ясной простотой, и съ поразительнымъ искусствомъ умѣетъ подыскивать надлежащіе образы и примѣры для иллюстраціи своихъ мыслей. Вотъ, на примѣръ, что онъ говоритъ о значеніи собственнаго сознанія человѣка въ наукѣ:

„Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей. Если намъ нужна наука, какъ слуга для наиболѣе внѣшней части человѣка, чтобы снабдить его дешевой обувью и проч., то мы поступаемъ правильно, когда ищемъ нашей абсолютной исходной точки въ его внѣшней части и принимаемъ его *ногу* за нашу первую мѣру. Мы основываемъ науку на футахъ и фунтахъ, и она достаточно хорошо удовлетворяетъ своей задачѣ. Но если мы желаемъ найти одежду для его внутренняго существа, или, точнѣе, платье, которое бы хорошо шло всему человѣку, носить которое было бы для него наслажденіемъ и какъ бы полнымъ выраженіемъ его, то очевидно, что мѣрку нужно взять не съ внѣшней стороны, а съ самаго центрального его принципа. Вопросъ только сводится къ тому, есть ли какое-либо абсолютное данное въ этомъ направленіи. Во всѣ времена исторіи (и до нея) были люди, заявлявшіе о существованіи такого даннаго. Быть можетъ, они и сами сознавали его. Съ другой стороны, были люди, которые, отправляясь отъ ногъ, заявляли, что сознаніе само по себѣ есть лишь случайность въ человѣческой машинѣ, какъ свистокъ въ паровозѣ, и на этомъ дѣло стоитъ. Въ общемъ, можно сказать, что въ настоящее время господствуютъ „ноги“, которыя (несмотря на разнообразіе въ ихъ размѣрахъ и сапожныхъ приспособленіяхъ) принимаются какъ лучшее абсолютное данное, доступное намъ“. (Изъ 3-й главы „Civilisation“.)

И тутъ же Карпентеръ даетъ прелестную иллюстрацію механической теоріи, называемой имъ „ножнымъ режимомъ“. „Подъ этимъ ножнымъ режимомъ,—говоритъ онъ,—вселенная понимается, какъ смѣсь вещей и силъ, болѣе или менѣе регулированныхъ и отдѣленныхъ отъ человѣка, который, однако, живетъ среди нихъ, при чемъ цѣлью и тенденціей его жизни бываетъ „приспособленіе къ окружающей средѣ“. Чтобы понять

это, представимъ себѣ г-жу Броунъ посреди́нѣ весьма бойкой улицы въ Лондонѣ. Во всѣ концы мчатся кебы и омнибусы, и со всѣхъ сторонъ грохочутъ двигающіеся возы и телѣги. Это—окружающая среда г-жи Броунъ, которая должна къ ней приспособиться. Г-жѣ Браунъ необходимо изучить законы экипажей и ихъ движеній, перескакивать на ту или другую сторону, бѣжать сюда и останавливаться тамъ, и все это съ очевидной цѣлью попасть въ благопріятной моментъ въ нужный омнибусъ и воспользоваться законами его движенія, чтобы удобно добраться до мѣста своего назначенія. Долгое упражненіе въ этого рода дѣлахъ значительно „приспособляетъ“ г-жу Броунъ, и она дѣлается тѣлесно и умственно болѣе дѣятельной, чѣмъ прежде. Все это прекрасно. Но вѣдь у г-жи Броунъ есть мѣсто назначенія. (И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла она попасть въ эту уличную сутолоку, если бы у ней не было этого мѣста назначенія? А если она туда попала безъ всякой опредѣленной цѣли, а просто такъ, чтобы прыгать съ панели на панель, то на долго ли хватило бы вообще этихъ г-жъ Броунъ?). И является вопросъ: Въ чемъ цѣль человѣка?

„Къ сожалѣнію, мы мало что слышимъ въ отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ. По изложенной теоріи (надѣюсь, я ее правильно толкую) выходитъ такъ, что если мы изучимъ хорошо окружающую среду, т.-е. изучимъ астрономію, біологію, физику, этику и др., то откроемъ задачу людей. Но это, мнѣ кажется, то же самое, что сказать, что, достаточно изучивъ законы кебовъ и омнибусовъ, мы откроемъ, куда идемъ. Это—средства и пути. Изучайте ихъ во что бы то ни стало. Это хорошо, слова нѣтъ. Но, пожалуйста, не думайте, что они вамъ скажутъ, куда идти. Вы должны пользоваться ими, а не они вами“.

Изъ этой выдержки уже ясно видно, что Карпентеръ вовсе не противъ опытныхъ наукъ и вовсе не противопоставляетъ ихъ какимъ-то этическимъ и религіознымъ наукамъ, которымъ онъ бы отдалъ предпочтеніе. У него вообще нѣтъ рѣчи объ „опытныхъ“ наукахъ. Онъ говоритъ вообще о наукѣ, и его требованіе состоитъ не въ томъ, чтобы люди забросили одну науку и занимались другой, какъ этого требовалъ Толстой (см. предисловіе его къ очерку „Современная Наука“ Карпентера), а въ томъ, чтобы всѣ науки исходили изъ другого основного факта. Здѣсь было бы слишкомъ долго останавливаться на мысляхъ Карпентера о томъ методѣ научнаго знанія, который онъ хотѣлъ бы видѣть. Читатель можетъ найти ихъ въ очеркѣ „Наука въ будущемъ“, включенномъ въ „Цивилизацію“ ¹⁾. Въ настоящій моментъ мнѣ было только важно отмѣтить значеніе, которое Карпентеръ придаетъ

¹⁾ Переводъ „Цивилизаціи“ на русскій языкъ, и очень недурной переводъ, принадлежитъ И. Ф. Наживину.

внутренней душевной дѣятельности человѣка, его „сознанію“, какъ „абсолютному данному“, какъ начальному и исходному факту для всего существующаго.

„Есть,—говоритъ онъ—(The Art of Creation, стр. 4) различіе между духомъ (Mind) и матеріей, какъ между двумя видами одной и той же вещи, но нѣтъ дѣйствительнаго раздѣленія“. И какъ онъ ни недоволенъ современнымъ направленіемъ науки, оторвавшейся отъ духа и отдавшейся однимъ умозаключеніямъ, онъ всетаки не отрицаетъ ея великихъ заслугъ передъ человѣчествомъ. „Новой философіи, — говоритъ Карпентеръ въ предисловіи къ „Art of Creation“, — мы наврядъ-ли можемъ ожидать или желать, разъ мы видимъ, что тѣ же мысли, которыя высказаны въ Ведахъ, проходятъ черезъ всѣ вѣка и достигаютъ даже Шопенгауэра и Уитмана, вдохновляя философію за философіей и религію за религіей. Но только теперь наше знаніе міра даетъ намъ возможность признать эту огромную общность (consensus), и только теперь наука, съ ея огромными завоеваніями въ плоскости матеріи, въ состояніи придать этимъ древнимъ принципамъ нѣчто вродѣ новой формы и одѣть ихъ въ такую изумительную ткань иллюстрацій и выраженій“.

И дѣйствительно, если взять сочиненія самого Карпентера, не трудно убѣдиться, какъ можно воспользоваться „опытной“ наукой для объясненія феноменовъ чисто духовныхъ. Послѣдняя книга Карпентера „The Drama of Love and Death“, какъ и книга знаменитаго старца — естествоиспытателя Уоллеса „The World of Life“, есть сплошная попытка заставить современную науку служить доказательствомъ существованія духа. Къ сожалѣнію, именно своей послѣдней книгой, въ которой Карпентеру хотѣлось ужъ очень много доказывать, онъ внесъ значительную путаницу въ вопросъ о томъ, что онъ подразумѣваетъ подъ „духомъ“. До появленія этой книги намъ была вполне ясна точка зрѣнія Карпентера на духъ, или, точнѣе, на духовную сущность. Мы знали, что духомъ Карпентеръ считаетъ все, начиная съ человѣка и кончая камнемъ. Все дѣло лишь въ степени самопознанія. И на основаніи этого была имъ построена даже теорія о трехъ стадіяхъ сознательности для человѣчества, какъ и для отдѣльной личности. Есть или могутъ быть дальнѣйшія стадіи, но человѣческая мысль пока ихъ не можетъ постигнуть. Доступныя же нашей мысли три стадіи отличаются между собою тѣмъ, что на первой стадіи личность сознаетъ себя лишь какъ часть цѣлаго, какъ члена расы или племени. Она не ощущаетъ, не сознаетъ своей духовной сути и тѣмъ меньше своей духовной индивидуальности. Она дѣйствуетъ больше по инстинкту, безъ яснаго различенія себя отъ другихъ своихъ сородичей. На второй стадіи человѣчество вступаетъ въ полосу эволюціи, которую Карпентеръ на-

зываетъ періодомъ цивилизаціи. Въ этотъ періодъ, благодаря именно разладу душевному, борьбѣ съ окружающей природою, потерѣ расоваго и племеннаго чувства единства, въ личности зарождается сознаніе себя самого въ видѣ отдѣленія себя отъ другихъ и противопоставленія себя другимъ. Человѣкъ начинаетъ сознать себя, отдѣляя себя даже отъ собственнаго своего тѣла. Свое „я“ онъ уже мыслить даже помимо своихъ ногъ, своихъ рукъ и вообще своей матеріальной оболочки. Но это свое сознаніе, какъ мы видимъ, онъ покупаетъ цѣною страшныхъ страданій и бѣдствій, которыя приносятся ему періодомъ цивилизаціи. Человѣкъ выясняетъ свою духовную сущность на почвѣ индивидуализма, господствующаго въ экономическихъ отношеніяхъ, на почвѣ борьбы интересовъ и права собственности. Спасеніе его должно наступить лишь на третьей стадіи, когда его личное самосознаніе углубится настолько, что онъ увидитъ себя слитымъ въ одномъ корнѣ съ другими, и когда, созная свою духовную сущность, онъ въ то же время будетъ сознать и свое тождество съ другими, свою неразрывную связь со всѣмъ живымъ и даже мертвымъ.

Эти три фазиса человѣчества для Карпентера—не только умозрительныя категоріи, не только философская схема, но и реальныя состоянія. И въ сочиненіяхъ своихъ, какъ въ „Art of Creation“, „Visit to a Gnani“ и др., имъ приводятся разныя доказательства, что не только два первыхъ фазиса, но и третій возможенъ и для многихъ уже существуетъ. Конечно, переходъ изъ фазиса въ фазисъ совершается не внезапно. Природа не знаетъ прыжковъ, и ветхозавѣтный человѣкъ продолжаетъ цѣпляться за прошлое, насколько хватаетъ силъ, но въ то же время все болѣе новыя и новыя впечатлѣнія и мысли вытѣсняють старое, и болѣе гармоничныя, болѣе полныя душевныя состоянія побѣждаютъ менѣе совершенныя. „Органическіе центры въ расѣ или индивидуумѣ, съ тенденціей къ силѣ, миру, гармоніи и жизни, продолжаютъ сохраняться, а тѣ, которые имѣютъ тенденцію къ неуравновѣшенности, къ мелочности, разрушенію и взаимной борьбѣ, разлагаются и исчезаютъ. Ангелы побѣждаютъ и изгоняють дьяволовъ¹⁾).

Такимъ образомъ ясно, что то, что Карпентеръ называетъ „Mind“, „central life“ или „Self“ и что мы переводимъ словами духъ или духовная сущность, не есть что-либо отдѣленное отъ насъ и внѣ насъ. Это не духъ спиритическихъ сеансовъ, монаховъ и бѣсозаклинателей, какъ и не тѣ древне-греческіе духи, которые населяли рощи, рѣки и поля. Однако, въ своей послѣдней книгѣ „The Drama of Love and Death“, вышедшей въ началѣ 1912 г., Карпентеръ заговорилъ и о какомъ-то „внутреннемъ“ или „спиритуальномъ тѣлѣ“ именно въ томъ смыслѣ,

1) „The Art of Creation“, 204.

въ какомъ объ этомъ говорятъ спириты и разные мастера столоверченія. Развивая свои идеи, изложенныя имъ раньше въ „Art of Creation“, онъ старается дать объясненія и такимъ явленіямъ, самое существованіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно, и показываетъ видъ, что принимаетъ всерьезъ разныя басни о бродячихъ душахъ покойниковъ, вѣщихъ снахъ, телепатіи и тому подобныхъ „фактахъ“, которые приходится всегда принимать на слово изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Но эта экскурсія Карпентера въ область спиритизма и мертвецовъ ничуть не задѣваетъ главной линіи сужденій. И въ той же книгѣ „The Drama of Love and Death“ мы находимъ наиболѣе блестящія страницы его философской системы, и читатель, надѣмая, не попеняетъ на насъ, если для лучшаго выясненія мысли Карпентера объ эволюціи сознанія человѣка о своей духовной сущности мы приведемъ въ заключеніе слѣдующую выдержку изъ этой книги:

„Мы можемъ иллюстрировать предметъ представленіемъ о деревѣ. Одинокій листъ на концѣ прутика можетъ казаться намъ имѣющимъ маленькую собственную жизнь (a little separate self), отдѣленную отъ другихъ. Но онъ очень эфемеренъ, и гибнетъ вмѣстѣ съ временемъ года, и новый листъ занимаетъ его мѣсто. Есть тамъ болѣе глубокая жизнь, въ прутикѣ, который даетъ новые листья. Но и прутикъ самъ вырастаетъ изъ маленькой вѣтки, которая служитъ источникомъ другихъ прутиковъ и листьевъ. Если бы листъ захотѣлъ прослѣдить вполнѣ и цѣликомъ себя, онъ долженъ былъ бы провести свою жизненную линію черезъ прутикъ и вѣтку, черезъ большую вѣтвь и дальше внизъ къ центральному стволу. Онъ не могъ бы остановиться на полпути и сказать себѣ: вотъ мое окончательное „я“. Но по пути своему къ стволу, на разныхъ мѣстахъ, онъ находилъ бы, что его сокъ или жизнь течетъ одинаково во всѣхъ вѣткахъ и листьяхъ, какъ и въ его вѣткѣ и въ немъ самомъ. Онъ, такъ сказать, пришелъ бы въ связь и съ другими тѣлами, кромѣ перваго прутика. Если первый листъ и прутикъ мы называли бы личностью, то болѣе глубокую жизнь, включающую много вѣтокъ и листьевъ, слѣдовало бы считать индивидуальностью, и такъ далѣе до жизни всего дерева (All-self of the tree). Жизнь (the self) cadaго листка приближалась бы къ главному стволу по разнѣй линіи и индивидуальностями разнаго строенія, но всѣ въ концѣ-концовъ участвовали бы въ одномъ цѣломъ.

„Мнѣ кажется, — продолжаетъ Карпентеръ, — что нѣчто подобное наиболѣе близко къ дѣйствительности. Мы всѣ по существу — одинъ. Наши различія другъ отъ друга состоятъ не въ различіи центральнаго „ego“, а въ разныхъ линіяхъ нашего опыта и памяти. Никто изъ насъ на данномъ пунктѣ не можетъ похвалиться законченной и постоянной сущностью (self), существующей яко бы отдѣльно отъ другихъ. Въ

то же время совершенно вѣрно и то, что сознание (consciousness) родится въ насъ раньше всего черезъ нашу ограниченную природу. Именно благодаря окружающимъ насъ препятствіямъ и благодаря предметамъ, которые повидимому отдѣляютъ насъ отъ другихъ, мы раньше обрѣтаемъ простое сознание, а затѣмъ самосознание. И приходитъ время, когда ограниченія и перегородки дѣлаются невыносимыми. Душа, вначалѣ гордившаяся ими, современемъ открываетъ, что бремя самосознанія слишкомъ велико... Когда мы открываемъ, что мы вовсе не должны быть вѣчно Сидорами и Иванами, что наше настоящее „я“ гораздо шире и въ сущности своей едино съ другими, тогда въ каждомъ изъ насъ родится „божественная душа“; передъ нами открывается даль, полная блеска и славы, и со всѣхъ сторонъ перегородки рушатся и падаютъ“.

Такова въ общихъ чертахъ философія Эд. Карпентера, которую, слѣдовательно, можно назвать спиритуалистической или идеалистической. И теперь намъ остается посмотрѣть, какъ эта философія вдохновила его поэзію и сдѣлалась основой его личнаго поведенія и его взглядовъ на вопросы соціально-политической жизни. Оригинальность Карпентера именно и состоитъ въ удивительной согласованности его философіи съ его жизнью и ученіемъ. Но раньше, чѣмъ перейти, такъ сказать, къ прикладной сторонѣ его философіи, къ практическому ея примѣненію, необходимо указать еще на одну важную особенность ея. Философія Карпентера есть исключительно философія чувства. Умъ, интеллектъ не играетъ въ ней никакой роли. Его „самосознание“ правильнѣе было бы называть самоощущеніемъ. Его фазисы сознанія имѣютъ дѣло не съ развитіемъ умственной дѣятельности, а съ развитіемъ чувства. Мысль для него существуетъ лишь какъ продуктъ чувства, и съ перемѣной послѣдняго мѣняется и первая. Мысль, подобно покрову почки на цвѣткѣ или деревѣ, отпадаетъ съ ростомъ чувства. „И когда мысль образовалась, она уже ложна (false), т.-е. готовая упасть (to fall)“,— говоритъ Карпентеръ (въ „Civilisation“), и не подозревая, что онъ воспроизводитъ почти въ тождественныхъ словахъ извѣстный стихъ русскаго поэта: „Мысль изреченная есть ложь“.

Когда, кстати сказать, я при моемъ посѣщеніи обратилъ вниманіе Карпентера на это совпаденіе, онъ очень заинтересовался именемъ русскаго поэта и много разъ повторялъ его имя, стараясь какъ можно правильнѣе произнести его.

Такимъ образомъ Карпентеръ ставитъ чувство не только мѣриломъ жизни, но и главнымъ факторомъ ея. Духовная сущность можетъ быть нами постигнута не умозрѣніемъ, а самоуглубленіемъ, и прогрессъ слѣдуетъ цѣнить не по мыслямъ, оторваннымъ отъ чувства, а по степени развитія самого чувства.

Послѣ сказаннаго цѣльность жизни и ученія Карпентера намъ станетъ особенно понятной и ясной.

III.

Карпентеръ, родившійся въ 1844 г., началъ свою сознательную жизнь, какъ и всѣ англичане болѣе или менѣе богатаго интеллигентнаго круга. Кончивъ блестяще кембриджскій университетъ, онъ былъ оставленъ при немъ, какъ fellow, т.-е. какъ стипендіатъ и лекторъ съ перспективой каѳедры въ будущемъ. И какъ тогда водилось въ Кембриджѣ съ наиболѣе талантливыми и многообѣщающими стипендіатами, записался въ духовное сословіе, поступивъ помощникомъ (curate) къ извѣстному соціальному дѣятелю и мыслителю, пастору Дж. Фр. Морису, занимавшему въ Кембриджѣ съ 1866 г. по день смерти въ 1872 г. каѳедру моральной философіи. Но уже тогда онъ началъ сознавать, что запрягся въ нелѣпую телѣжку, которая идетъ по избитой колеѣ ненужныхъ дѣлъ среди бессмысленной обстановки. Чувство его запротестовало, и онъ сбросилъ съ себя ставшую ему непріятной и тѣсной университетско-клерикальную упряжь. Тутъ дѣйствовало одно чувство. Умъ его еще не могъ формулировать создавшіеся въ немъ запросы, которые явились результатомъ не внѣшняго какого-либо вліянія, не чтенія, не бесѣдъ съ умными людьми и не матеріальной обстановки. Напротивъ, снаружи все какъ бы подтверждало, что онъ стоитъ на правильномъ пути, получая стипендію и читая проповѣди, но внутреннее чувство говорило другое. Онъ поэтому оставилъ въ 1873 г. Кембриджъ, сложилъ съ себя духовное званіе и занялся чтеніемъ лекцій, устраиваемыхъ обществомъ народныхъ университетовъ. Какъ математикъ и музыкальный теоретикъ по образованію, онъ читалъ лекціи по астрономіи, физикѣ, исторіи музыки и др. родственнымъ предметамъ. Но что-то такое и среди этой дѣятельности его грызло и не удовлетворяло; что-то такое глубоко въ душѣ его говорило о другой, о лучшей и болѣе правильной жизни. И опять-таки эта неудовлетворенность обуславливалась работою не мысли, а чувства. Замѣчательно, что именно за тѣ семь или восемь лѣтъ, которыя онъ провелъ какъ народно-университетскій лекторъ, онъ почти ничего не написалъ, и во всякомъ случаѣ ничего не напечаталъ. Будучи въ Кембриджѣ, онъ въ 1870 г. издалъ брошюру о вліяніи религій на искусство, за которую былъ награжденъ преміей имени Ричарда Бернея, а затѣмъ въ 1873 г. напечаталъ сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ „Narcissus“. Послѣ этого прошло десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Карпентеръ ничего не печаталъ. Чувства его бродили и зрѣли и, наконецъ, въ началѣ 1881 года какъ-то все для него прояснилось и раскрылось. Онъ вдругъ увидѣлъ, что ему надо дѣлать и какъ выразить чувства, волновавшія его. Онъ отказался отъ лекторской

должности, купилъ небольшой кусокъ земли и занялся ручнымъ трудомъ, въ то время какъ мысль его, въ стихахъ и прозѣ, для него самого и для другихъ выясняла и формулировала запросы и состоянія его души. Первымъ выраженіемъ его новаго душевнаго состоянія явилась поэма „Towards Democracy“, составляющая теперь первую часть книги, извѣстной также подъ этимъ названіемъ. Вторая часть подъ названіемъ „Дѣти свободы“ вышла въ 1885 г.; третья — „Послѣ цивилизаціи“ — въ 1892 г. и 4-я — „Who shall command the heart“ — въ 1905 г. Всѣ эти четыре части печатаются теперь обыкновенно вмѣстѣ и составляютъ одну книгу. И дѣйствительно, несмотря на довольно большіе промежутки, протекавшіе между появленіями этихъ частей, онѣ всѣ проникнуты однимъ духомъ, написаны съ той же степенью талантливости и въ той же поразительной формѣ, свободной отъ всякихъ искусственныхъ путей риомы и метра. Это — стихи въ прозѣ. На англійскомъ языкѣ впервые такого рода стихи началъ писать Уитманъ, который однако принадлежитъ больше къ американской, чѣмъ къ англійской литературѣ. Въ Англіи же Карпентеръ былъ первымъ „поэтомъ въ прозѣ“, да, вѣроятно, и послѣднимъ. Чтобы безъ всякаго метра и риомы, да еще съ употребленіемъ часто весьма прозаическихъ и будничныхъ выраженій, поднять прозу на высоту величайшихъ поэтическихъ твореній, требуется и величайшій подъемъ чувства, какой несомнѣнно испыталъ авторъ „Towards Democracy“. Безъ такого подъема его писанія вышли бы риторичными, ходульными, вычурными. Между тѣмъ отъ „Towards Democracy“, какую бы часть ни взять, трудно оторваться, какая-то духовная звучность, какая-то гармонія звуковъ и мысли и чувства увлекаетъ и захватываетъ васъ. И можно вполнѣ повѣрить автору этой поэмы, что она вся цѣликомъ была написана въ совершенно особенномъ, крайне приподнятомъ настроеніи, которое больше похоже даже на безотчетный экстазъ, чѣмъ на писательское вдохновеніе. „Если бы, — говоритъ Карпентеръ въ замѣткѣ, приложенной къ „Towards Democracy“ въ изданіи 1912 г. — меня спросили, какъ меня иногда и спрашивали, въ чемъ именно состоитъ это настроеніе, этотъ свѣтозарный блескъ, о которомъ вы говорите, — я бы долженъ былъ отвѣтить, что не могу дать краткаго и вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Вся „Towards Democracy“ составляетъ попытку дать ему выраженіе. Какая-нибудь одна фраза, одно какое-нибудь прямое опредѣленіе были бы бесполезны и, пожалуй, скорѣе затемнили бы смыслъ своими границами. Все, что могу сказать, это то, что для человѣка возможенъ кругозоръ какъ бы съ болѣе универсальной точки зрѣнія, свободной отъ темноты и узости, которыя особенно связаны съ проходящими тучами желаній, страха и прочихъ обычныхъ мыслей и чувствъ. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ какъ бы обладаетъ другой и отдѣльной способностью, какой-то способностью внутренняго свѣта, не

связанной, конечно, со смертнымъ глазомъ, но дающей духовнымъ очамъ впечатлѣніе зрѣнія, посредствомъ котораго, однако,—какъ бы это выразить?—вы не столько видите, сколько сливаетесь воедино съ видимыми предметами и лицами, при чемъ не только вы сами, но и чувства ваши—зрѣніе, осязаніе, слухъ—все слито въ одномъ. Чтобы понять эту способность, необходимо знать, что своими корнями она глубоко и тѣсно сплетена съ дальней стороной моральной и эмоциональной природы, за предѣлами мыслительной части мозга“.

Вся поэма была написана на открытомъ воздухѣ. „Я сколотилъ у себя въ саду,—разсказываетъ авторъ ея въ той же замѣткѣ, — что-то вродѣ будки часового, и тутъ или же въ поляхъ и рощахъ, всю весну и лѣто и зиму, днемъ, а иногда и ночью, въ солнечную погоду и въ дождь, я писалъ „Towards Democrasu“, — во всякомъ случаѣ ту часть ея, которая извѣстна подъ этимъ именемъ“.

И какъ продуктъ не отвлеченныхъ разсужденій, не умозрительныхъ построеній или заимствованій изъ чужихъ авторитетовъ, а какъ выраженіе собственнаго чувства,—ученіе Карпентера совершенно чуждо догматизма. Онъ вамъ не говоритъ, что „слѣдуетъ“ и что „не слѣдуетъ“ дѣлать, что „хорошо“ и что „дурно“, что правильно и что ошибочно. Онъ только разсказываетъ о томъ, что онъ самъ чувствуетъ. Вы можете чувствовать иначе. Можно предписывать дѣйствіе, но не чувство. Онъ поэтому вовсе и не говоритъ о любви къ ближнему. Что толку говорить вамъ о любви, если вы ея не ощущаете? Это все одно, что говорить слѣпому—смотри́ть на солнце. И въ этомъ полнѣйшемъ отсутствіи догматичности и заключается одно изъ главныхъ отличій Карпентера отъ Толстого. Послѣдній учитъ поступкамъ, поведенію, учитъ какъ жить; первый же учитъ чувствамъ, особому душевному состоянію, къ которому уже все само приложится и при которомъ само собою сдѣлается яснымъ, какъ поступать. Для Карпентера нѣтъ ничего запрещеннаго. Важно только, чтобы человѣческая душа сознавала себя не только черезъ одни мимолетныя желанія и страсти.

„Пойми же меня!—обращается онъ къ читателю въ стихотвореніи ¹⁾ „Высвобожденіе“ въ третьей части „Towards Democrasu“.—Нѣтъ такого желанія или наслажденія, которое было бы запрещено. Нѣтъ хорошаго и дурного—всѣ одинаковы въ этомъ отношеніи. На своемъ мѣстѣ все можетъ быть употреблено.

Но, употребляя ихъ, не запутывайся въ нихъ. Ибо тогда они уже становятся скверными и причиняютъ тебѣ страданіе.

Когда тѣло твое—какъ неминуемо должно случиться—уносится на крыльяхъ страсти, не говори „я желаю того или другого“.

¹⁾ Мы здѣсь употребляемъ слова „стихотвореніе“ и „поэма“ за отсутствіемъ болѣе подходящихъ словъ.

Ибо „я“ ничего не желаетъ и не боится. Оно свободно и окружено вѣчной славой, обитая въ небѣ и изливая радость, подобно солнцу, во всѣ стороны.

Не давай этой драгоцѣнности опускаться и впутываться въ міръ противоположностей, въ міръ смерти и страданій.

Какъ лучъ отъ маяка съ невѣроятной скоростью устремляется по поверхности моря и суши, въ то время какъ самъ фонарь неподвиженъ, такъ точно и тѣло твое, обуреваемое желаніями, какъ того и требуетъ природа его, находится въ безпрестанномъ движеніи въ мірѣ страданій, въ то время какъ „я“ покоится высоко въ небѣ.

„Я поэтому говорю: Когда желаніе стучится въ дверь твою,пусти и прими его гостепріимно, какъ и слѣдуетъ, но мягко держи его подальше отъ твоего настоящаго „я“. Иначе оно будетъ рвать тебя и раздирать“.

„Еще и еще разъ говорю, — повторяетъ онъ въ другомъ стихотвореніи той же части, — дурно лишь то, надъ чѣмъ человѣкъ не имѣетъ власти, и все хорошее дѣлается дурнымъ, завладѣвъ человѣкомъ.“

„Нѣтъ ни страсти, ни силы, ни удовольствія, ни страданія, нѣтъ ничего, что не было бы полезно для человѣка, или чего бы ему слѣдовало бояться или стыдиться.“

„Аскеты и самоуслаждающіеся раздѣляютъ вещи на хорошія и дурныя, какъ-будто дурное слѣдуетъ отбросить. Но всѣ вещи хороши, коль скоро онѣ подчинены человѣку“.

Даже смерть не есть зло, ибо она освобождаетъ насъ отъ одного душевнаго состоянія для другого, болѣе возвышеннаго.

Главный и высшій идеаль для Карпентера не какая-либо добродѣтель, не любовь, не красота, не справедливость, а достиженіе того, что онъ называетъ третьимъ фазисомъ, т.-е. той степени самоуглубленія, при которой человѣкъ начинаетъ чувствовать себя внѣ времени и пространства и единымъ со всѣмъ и всѣми. Только тогда начинается чувствоваться высшее счастье, и каждое движеніе, каждый шагъ человѣка получаетъ характеръ моральнаго и эстетическаго совершенства, потому что каждый шагъ соотвѣтствуетъ тогда самому глубокому чувству. Мораль, поэтому, въ устахъ Карпентера вовсе не имѣетъ того смысла, который принятъ въ ученіи Толстого. Такъ, говоря о социализмѣ, какъ о движеніи моральнаго свойства, онъ говоритъ:

„И когда я употребляю здѣсь или въ другихъ мѣстахъ слово мораль, то не подразумѣваю того условнаго, строго-скучнаго (dull pinched) кодекса отрицаній, идущаго часто подъ этимъ именемъ. Глубоко лежащія, неизгладимыя желанія, источники человѣческой дѣятельности, вѣчныя стремленія, молніеподобныя откровенія о правѣ и справедливости, скрытыя сокровища идеаловъ, рожденныя въ пламени и тьмѣ, въ радости и скорби, въ слезахъ и торжествѣ внутри сердца—все это

менѣе всего условно. Они могутъ быть и часто бываютъ неморальны. Пусть себѣ! Они все же священны. Если они составляютъ основу жизни человѣка и наиболѣе близки его существу, они также составляютъ основу для человѣчества ¹⁾.

Въ другомъ очеркѣ той же книжки „England's Ideal“ онъ говоритъ: „Я не считаю, что богатство—зло само по себѣ. Я не полагаю, что что-нибудь можетъ быть зломъ само по себѣ. Я знаю, что даже среди всѣхъ этихъ путъ и препятствій человѣческая душа, эта изумительнѣйшая изъ всѣхъ вещей, можетъ выработать собственное свое спасеніе, и я хорошо знаю, что нѣтъ такого положенія, нѣтъ такихъ обстоятельствъ въ жизни человѣческой, нѣтъ такой профессіи, начиная съ короля до проститутки, которыя не могли бы сдѣлаться вратами свободы и безсмертія“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ идетъ еще дальше и, говоря въ той же книгѣ о простотѣ жизни, онъ заявляетъ, что время отъ времени полезна и оргія, полезна именно для „морального тона“, и, прибавляетъ онъ, „она предохраняетъ отъ опасности впасть въ фарисейство, а это весьма важно!“

Такимъ образомъ Карпентеръ свою мораль строитъ не на условномъ пониманіи того, что „добро“ и что „зло“, а на томъ, соответствуютъ ли наши поступки тому чувству, которое составляетъ наше „я“, нашу духовную сущность, расширяютъ ли они наше самосознаніе, или суживаютъ его, толкаютъ ли они насъ впередъ къ „третьему фазису“, или, наоборотъ, влекутъ назадъ въ болото эгоизма, въ первобытный туманъ животнаго инстинкта. Съ точки зрѣнія этого чувства Карпентеръ находитъ себѣ норму для своей личной жизни и для того общественнаго строя, который онъ хотѣлъ бы видѣть.

IV.

Если принять во вниманіе основную точку зрѣнія Карпентера на жизнь, то не трудно увидѣть, что его идеаломъ общественнаго строя должны быть демократія и социализмъ. Разъ высшимъ идеаломъ человѣка должно быть развитіе самосознанія до чувства единства и даже тождества жизни и всего существующаго, то какіе же тутъ могутъ быть высшіе и низшіе классы, какая тутъ можетъ быть конкуренція или борьба? Не ясно ли, что современный строй, содѣйствующій росту собственности въ рукахъ отдѣльныхъ людей, только удаляетъ человѣка

¹⁾ Изъ очерка „Соціальный прогрессъ и индивидуальныя усилія“, вошедшаго въ книгу „England's Ideal“.

„отъ природы, отъ его истиннаго я и отъ его близкихъ“? Въ книгѣ „Цивилизація, ея причина и излѣченіе“, Карпентеръ съ поразительной ясностью и убѣдительностью набрасываетъ картину этого разрыва чело-вѣка, благодаря накопленію личныхъ богатствъ, съ природой, съ людьми и съ самимъ собою. Но, конечно, демократія и социализмъ въ устахъ Карпентера имѣютъ гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ обы-чно имъ придается. Истинная демократія безъ социализма въ его глазахъ немыслима, а социализмъ, въ свою очередь, составляетъ не одинъ лишь новый экономическій строй, а духовный.

„Истинная демократія еще впереди“,—говоритъ онъ въ книгѣ „Ци-вилизація“, гл. I.—Эта истинная демократія—вовсе не внѣшнее прави-тельство, а внутреннее правленіе, правленіе чело-вѣка-массы въ чело-вѣкѣ-единицѣ. Внѣшнее правительство можетъ быть только искусственнымъ средствомъ, временной твердой оболочкой куколки, содержащей личинку, пока внутри ея развивается новая жизнь,—какой-нибудь выдумкой пе-ріода цивилизаціи. Дальше старая демократія не можетъ пойти, такъ какъ истинная жизнь не можетъ опираться на внѣшнюю поддержку. При истинной же жизни общества, всѣ его формы будутъ текучи, самопро-извольны, добровольны. На вопросъ: каковъ будетъ строй истинной де-мократіи, Карпентеръ отвѣчаетъ очень осторожно и безъ всякаго дог-матизма. Онъ только увѣренъ въ томъ, что теперешній общественный строй не годится.

„Безполезно и абсурдно, —говоритъ онъ,—называть обществами эти современные орды людей, борющіяся другъ съ другомъ за средства су-ществованія и сжатые жестокими и варварскими уголовными кодексами, насильно сохраняющими ихъ въ условіяхъ борьбы. Съ такимъ же пра-вомъ можно было бы называть обществомъ тѣхъ несчастныхъ, которые содержались въ Черной Дырѣ въ Калькуттѣ. Если каждый изъ насъ на минутку задумается надъ своей внутренней природой, то онъ увидитъ, что единственное общество, которое его дѣйствительно когда-либо удо-влетворило бы, было бы такимъ, въ которомъ онъ былъ бы совершенно свободенъ и въ то же время былъ бы связанъ узами глубочайшаго до-вѣрія къ другимъ членамъ. А если онъ подумаетъ еще минутку, то увидитъ, что единственныя условія, при которыхъ онъ можетъ быть со-вершенно свободнымъ, состояли бы въ томъ, чтобы онъ довѣрялъ и за-ботился о сосѣдѣ такъ же, какъ о самомъ себѣ. Условія эти очень просты. Въ большей или меньшей степени они были осуществлены безчисленными племенами первобытныхъ людей и животныхъ. А если возразятъ, что современное общество слишкомъ сложно для этого, то мы можемъ отвѣтить, что если современный чело-вѣкъ, съ его наукой и школьными совѣтами и съ его мозгомъ, культивированнымъ во всѣ эти вѣка, не въ состояніи рѣшить болѣе сложныя проблемы, чѣмъ тѣ, ко-

торья рѣшалъ дикарь, то уже лучше возвратиться ему ко днямъ дикаго состоянія“. ¹⁾

Но Карпентеръ слишкомъ уменъ и слишкомъ практиченъ, чтобы ограничиться однимъ общимъ мѣстомъ объ идеальномъ характерѣ будущаго общества. И въ томъ же очеркѣ, откуда мы перепечатали вышеизложенныя строки, Карпентеръ признаетъ необходимость переходнаго состоянія. „Въ длинномъ и медленномъ подъемѣ эволюціи внезапныхъ и чудесныхъ переменъ не бываетъ. И поэтому самому очевидно, что намъ нельзя ожидать очень быстрого превращенія общественнаго строя. Чувство общей жизни, столь долго изсушенное и отравленное, требуетъ времени для новаго роста и развитія, и мы признаемъ, что для возвращенія новыхъ идей и новыхъ привычекъ необходимой является промежуточная ступень опредѣленной экономической организаціи. Формулы вродѣ „націонализаціи земли и орудій производства“, какъ бы туманны и въ дѣйствительности невозможны онѣ ни были для строгаго примѣненія, могутъ служить центрами для роста надлежащаго чувства. Частичное примѣненіе этихъ формулъ уже во многомъ приучитъ людей стремиться къ совмѣстной работѣ для общихъ цѣлей“.

Вообще же въ какой-нибудь нарочито придуманный „идеальный“ строй Карпентеръ не вѣритъ. Онъ видитъ только направленіе, въ которомъ общество пойдетъ, и направленіе это—коммунальное. Но какова будетъ или каковой должна быть будущая коммуна, какіе въ ней слѣдуетъ установить порядки, какіе будутъ ея размѣры или даже функціи, Карпентеръ не берется объяснять. Начертать схему будущаго устройства, значило бы поставить себѣ идеалъ, который былъ бы одинаково принятъ всѣми. Но какъ мы уже знаемъ, Карпентеръ въ своемъ социализмѣ, какъ и во всемъ прочемъ, исходитъ не изъ разсужденій, какъ бы логичными они ни казались, а отъ чувства. Чувства же у насъ разныя, и чувство Сидора и слѣдовательно и идеалъ его вовсе не одинаковы съ чувствомъ и идеаломъ Ивана. Результатомъ же различія чувствъ можетъ быть не идеалъ той или иной партіи, а нѣчто среднее, какой-нибудь компромиссъ, достаточно, впрочемъ, широкій, который, сохранивъ кое-какіе пережитки старыхъ формъ, будетъ въ то же время содержать и всѣ элементы истинно-свободной демократіи.

Въ очеркѣ „Social Progress and Individual Effort“, изъ котораго мы уже цитировали, Карпентеръ особенно настаиваетъ на личномъ чувствѣ людей, какъ на источникѣ и истинномъ творцѣ социализма.

„Социализмъ,—говоритъ онъ,—если подъ этимъ именемъ подразумеваютъ ближайшую волну социальной жизни, происходитъ отъ новаго

¹⁾ Изъ VI гл. въ кн. „Prisons, Police and Punishment“.

чувства людей, котораго онъ и требуетъ для своей основы. Соціализмъ требуетъ высшаго сорта морали, и въ этомъ главная сущность его. Правда, соціализмъ—и наука, но—на второмъ планѣ. Не слѣдуетъ забывать, что подобно тому, какъ буржуазная политическая экономія возникла на извѣстной моральной почвѣ, такъ и соціалистическая политическая экономія подразумѣваетъ другую, нравственную точку зрѣнія. Обѣ вполнѣ правы для своихъ исходныхъ точекъ, для своихъ аксіомъ. И когда съ теченіемъ времени эти аксіомы измѣнятся, какъ это несомнѣнно и будетъ съ ними, возникнетъ новая политико-экономическая наука, а соціалистическая уже будетъ ложной.

„Разъ моральная основа составляетъ существенную часть движенія,—продолжаетъ Карпентеръ,—то важно не упускать ея изъ виду. Если соціализмъ значить только, что тѣ, которыхъ грабили, должны стать на мѣсто грабителей, то онъ ровно ничего не значить и никакой перемѣны, кромѣ весьма поверхностной, онъ не составитъ. Чтобы соціализмъ былъ серьезнымъ движеніемъ, онъ долженъ знаменовать собою перемѣну идеала, перемѣну представленія о нашей повседневной жизни; онъ долженъ обозначать болѣе высокое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ, такое представленіе, при которомъ человѣкъ считалъ бы позоромъ требовать, какъ собственности, того, чего онъ не заработалъ настоящимъ образомъ и не считалъ бы униженіемъ исполнять ручной трудъ, полезный для общества. Соціализмъ значить простая жизнь, защита слабаго, мужество собственныхъ убѣжденій и снисхожденіе къ ошибкамъ и недостаткамъ другихъ. Вотъ что должно стоять на первомъ планѣ, а большой кусокъ пуддинга для всякаго—на второмъ планѣ!“

И опять-таки простота жизни не заключается въ отсутствіи машинъ или въ грубости и бѣдности обстановки, въ этомъ идеалѣ Акима изъ „Власти тьмы“, а въ самомъ чувствѣ. Если,—говоритъ Карпентеръ,—у насъ нѣтъ дѣйствительнаго *желанія* простоты, жизнь отъ того, что будутъ у насъ машины или не будутъ, проще не станетъ. Все дѣло въ нашемъ личномъ чувствѣ, въ томъ моральномъ сознаніи, которое наполняетъ насъ, и Карпентеръ настаиваетъ на этомъ чуть ли не въ каждой своей статьѣ. „Не полагайте,—говоритъ онъ,—что наука и интеллектъ могутъ служить источниками соціального прогресса или перемѣны. Даетъ всему начало моральный ростъ. Интеллектъ же стоитъ на второмъ планѣ, будучи орудіемъ моральной способности“ („Social Progress“). Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко расходится съ ученіемъ Толстого, который, вмѣсто чувства, принимаетъ источникомъ поведенія нашъ интеллектъ. „Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества начинаются и совершаются только въ мысли,—говоритъ Толстой („Не-дѣланіе“). Какія бы ни происходили внѣшнія

перемѣны въ жизни людей,—продолжаётъ онъ,—какъ ни проповѣдывали бы люди необходимость измѣненія чувствъ и поступковъ, жизнь людей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ перемѣны въ мысли. Но стоитъ произойти перемѣнѣ въ мысли, и рано или поздно, смотря по важности перемѣны, она произойдетъ въ чувствахъ и въ дѣйствіяхъ и въ жизни людей такъ же неизбежно, какъ произойдетъ поворотъ корабля послѣ поворота руля“.

Такимъ образомъ та простота жизни, которая у Толстого должна составить результатъ перемѣны „пониманія жизни“, у Карпентера есть результатъ „чувства жизни“. Отсюда и разница и въ самомъ характерѣ „простоты жизни“. Карпентеръ, напримѣръ, не вегетарианецъ. Къ ленчу, которымъ онъ меня угостилъ, подали мнѣ блюдо изъ разныхъ овощей съ кускомъ мяса. Карпентеръ „понимаетъ“, что убивать животныхъ на пищу жестоко. И онъ *чувствуетъ* большую жалость къ животному. Онъ поэтому самъ не могъ бы убить скотину, чтобы воспользоваться ея мясомъ. На своей фермѣ онъ пробовалъ обзавестись курами, но могъ только пользоваться ихъ яйцами, а когда они перестали нести яйца, онъ не зналъ, что съ ними дѣлать, хотя не прочь былъ полакомиться крылышкомъ или ножкой. Ни онъ, ни его пріятель не чувствовали въ себѣ настолько жестокости, чтобы собственными руками душить домашнюю птицу и пришлось снести этихъ куръ на рынокъ. Съ тѣхъ поръ онъ вовсе пересталъ держать куръ. Но, чувствуя жалость къ живому существу, Карпентеръ остается равнодушнымъ къ куску мяса уже убитаго животного. Не ѣсть чего-либо „по принципу“, по теоретическому пониманію жизни, онъ считаетъ безцѣльной игрой въ святость жизни. Онъ также не видитъ какого-либо грѣха въ томъ, что человѣкъ куритъ и пьетъ, или въ томъ, что человѣкъ любитъ женщину. При всемъ томъ Карпентеръ въ высокой степени воздержанъ; свои потребности онъ низвелъ до необходимѣйшихъ для существованія его размѣровъ и ведетъ истинно простую жизнь, только потому, что изъ всѣхъ чувствъ онъ высоко цѣнитъ лишь одно и въ немъ одномъ находитъ величайшее удовлетвореніе, это—чувство или ощущеніе собственнаго „Я“, самосознаніе и самоуглубленіе, приводящее его къ чувству тождества съ другими людьми и всѣмъ міромъ. Наслажденіе онъ видитъ только въ проявленіи, въ выраженіи собственной личности. „Девять десятыхъ удовольствій въ жизни,—говоритъ онъ въ „Angel Wings“,—получаются не отъ поглощенія напитковъ желудкомъ или пріятныхъ звуковъ ушами, а отъ проявленія, отъ выраженія и обнаруживанія настоящаго своего существа въ жизни и работахъ... Наслажденіе второстепенно; оно составляетъ естественную принадлежность жизни, а не главную цѣль ея. Гнаться за наслажденіемъ—значитъ навѣрно убить главное“.

Эту свою мысль онъ потомъ повторилъ и въ книжкѣ „Love Coming

of Age". Говоря о половомъ вопросѣ, онъ пишетъ: „Удовольствіе должно явиться какъ естественный и неизбѣжный спутникъ жизни, въ который само собою вѣрятъ, но его не слѣдуетъ искать, какъ цѣли жизни. Печистота нашихъ чувствъ происходитъ именно отъ нарушенія этого порядка. Въ наше время во всемъ цивилизованномъ мірѣ половое чувство крайне загрязнено. Вездѣ оно запачкано мыслью о наслажденіи. Оно существуетъ теперь какъ бы только для нашего удовольствія, а не для радости жизни, не для выраженія восторга и избытка жизни, не для гордости въ рожденіи дѣтей и для символа и выраженія нашего глубочайшаго духовнаго единства. Вотъ почему мы мысленно отрекаемся отъ половой любви и покрываемъ ее ложнымъ стыдомъ и невѣріемъ, отъ лично сознавая, что совершаемъ ложь, обращая соціальный актъ въ частную цѣль“.

Говоря о половой любви, я долженъ остановиться на одной изъ теорій Карпентера, которая почему то наиболѣе часто связывается съ его именемъ, хотя она составляетъ лишь небольшую мелочь въ его ученіи,—одну изъ деталей, которую можно принять или отвергнуть безъ нарушенія цѣлаго. Карпентеръ вѣритъ въ любовь между лицами одного пола и считаетъ ее не только допустимой, дозволенной, но и желательной. Многіе, которые знаютъ о его сочиненіяхъ лишь по наслышкѣ, а сами не читали ихъ, поняли его въ томъ смыслѣ, что онъ проповѣдуетъ „противоестественный порокъ“. Я самъ слышалъ этотъ отзывъ о немъ отъ людей высокообразованныхъ. Это не первый примѣръ, когда за авторомъ устанавливается репутация, рѣшительно ничего общаго не имѣющая съ подлиннымъ содержаніемъ его сочиненій. Достаточно хотя бы упомянуть о репутации „безбожія“, установившейся за деистомъ Вольтеромъ. Тѣлесную связь между лицами одного пола Карпентеръ считаетъ отвратительной, но извиняетъ ее у тѣхъ, у которыхъ она является результатомъ глубокихъ движеній сердца. Само по себѣ стремленіе къ такой связи обнаруживаетъ лишь извращенную похотливость. Но гомосексуальная любовь можетъ существовать безъ такой связи. Любовь эта, по мнѣнію Карпентера, весьма важна для эволюціи общества. Она можетъ имѣть великое соціальное значеніе, внося въ жизнь господство чувства, влеченія и любви и развивая эмоціональныя основы общества.

Не слѣдуетъ забывать, что чувство въ системѣ Карпентера играетъ всегда главную роль, и всякое чувство, углубляющее самосознаніе человека, считается имъ той ступенькой, которая поднимаетъ человека выше и выше къ достиженію „третьей стадіи“.

V.

Въ предыдущемъ изложеніи мы достаточно ознакомились съ главнѣйшими чертами ученія Карпентера и мы видѣли, какъ въ этомъ